

ПИСЬМА к Н. П. ОГАРЕВУ 1864—1870 гг.*

Публикация Ю. Красовского

Сорокалетняя дружба Герцена и Огарева — явление исключительное в истории русского общественного развития. Эта дружба, которую не могли разрушить ни отдельные идейные разногласия, ни конфликты личного порядка — была фактом, далеко выходящим за пределы личных биографий двух выдающихся деятелей русского освободительного движения. Она имела большое общественно-политическое значение, охватив в себе целый период общественного развития — от юношеской клятвы на Воробьевых горах в крепостнической России конца двадцатых годов до больших классовых боев, руководимых I Интернационалом, накануне Парижской Коммуны. Поэтому естественно, что переписка Герцена с его ближайшим другом и соратником является источником первостепенной важности.

До сих пор было опубликовано 394 письма Герцена к Огареву; подавляющее большинство из них напечатано в собрании сочинений Герцена под редакцией М. К. Лемке. Данной публикацией в литературу вводится еще 52 письма Герцена к Огареву. Письма охватывают последнее десятилетие жизни Герцена, с 1864 по 1870 г.; только два письма относятся к более раннему периоду.

В письмах затронуты многие события семейной жизни и личной биографии Герцена последних лет, тяжелая болезнь Таты, отношения Герцена с Н. А. Тучковой-Огаревой, денежные дела, болезнь самого Герцена и т. п. Однако было бы совершенно неправильно оценивать эти письма только с точки зрения узко-биографической или семейной. Особенность всех вообще писем Герцена — их многообразие. В одном и том же письме Герцен касается самых разнообразных вопросов: и лично-биографических, и общественных. Учитывая эту особенность герценовских писем, мы должны полностью отбросить деление их на письма личные и письма с общественной тематикой. И тут необходимо, забегая несколько вперед, прямо сказать, что хотя публикуемые письма Герцена часто касаются его семейной жизни, они отражают в первую очередь именно общественно-литературную деятельность Герцена, сообщая много важных фактов, по-новому освещающих отдельные этапы творческой, общественной и личной биографии великого русского публициста и революционера.

Блестящим примером этого может служить хотя бы первое письмо Герцена, относящееся к 1839 г. Написанное накануне отъезда в Москву из владимирской ссылки, оно фиксирует один из кардинальных моментов общественно-философского становления Герцена и отмечено зрелостью, целеустремленностью, законченностью мыслей и идей. Из ссылки Герцен возвратился достигшим идейного совершеннолетия, во всеоружии обширных философских знаний; в письме он упоминает об изучении Гегеля и, как известно, первые же встречи с московскими друзьями, с Белинским показали, что это изучение действительно было глубоким и всесторонним, чуждым всякого догматизма, чуждым рабства перед западными авторитетами. 1839 год — год освобождения из ссылки и возвращения к друзьям — был, несомненно, воспринят Герценом как новый, переломный этап в его жизни, как начало нового активного периода общественной деятельности.

* В публикацию включены также два более ранних письма—1839 и 1852 гг.

В этом письме Герцен подводит итоги прошлому и намечает перспективы будущего.

«Кончились тюрьмою годы ученья,— пишет он,— кончились ссылкой годы искусства, пора наступить времени Науки в высшем смысле и действовании практического».

Но собственный идейный багаж и взгляды московских друзей не удовлетворяют Герцена. «Мы <...> не достигли того гармонического развития, тех верований и убеждений, в которых бы мы могли основаться на всю жизнь и которые бы осталось развивать, доказывать, проповедовать»,— пишет он.— «...Мы все скверно учились, доучиваемся кой-как и готовы действовать прежде, нежели закалили булат и выучились владеть им». Он призывает идти «в школьники», неустанно трудиться над выработкой мировоззрения. «Грех нам схоронить талант,—воскликает он,—грех не отдать в рост, иначе мы ничего не сделаем, а можем сделать, право можем».

В этом же письме Герцен дает выразительные характеристики главных участников московского кружка: Н. Х. Кетчера, Н. И. Сазонова, и других — характеристики, которые тоже свидетельствуют о зрелости и зоркости молодого Герцена, об его умении «объективно понимать» своих тогдашних друзей и соратников. Достаточно привести хотя бы характеристику Н. Х. Кетчера. «Кетчер — человек решительно практический, характер его выражается весь двумя словами — симпатия и доброта, но этот характер завернут в какую-то угловатость <...> Он отродясь не занимался делом, служил губернским переводчиком при русской литературе», и т. д. Несомненно, что это письмо является одним из основных документов герценовского эпистолярного наследия. Оно дает богатый материал каждому, кто изучает историю идейного развития Герцена на рубеже тридцатых — сороковых годов.

Следующее письмо публикуемой нами коллекцией датировано 3 апреля 1852 г. Оно также характеризует целый этап жизни Герцена, и притом один из самых тяжелых. Написанное за месяц до смерти Натальи Александровны, накануне этого трагического финала семейной драмы Герцена, оно представляет собою своего рода исповедь. Один из абзацев письма так и начинается: «Я хочу просто с тобой говорить, раскрыть состояние моей души».

Все остальные письма относятся ко второй половине шестидесятых годов. В этих письмах, хотя и отрывочно, запечатлена история «Колокола» в последние годы его существования. Здесь мы найдем сведения о статьях Герцена и Огарева, появившихся в «Колоколе», о подготовке того или другого номера, о привлечении к участию в «Колоколе» новых сотрудников.

После 1863 г. влияние «Колокола» стало, как известно, падать. Падение популярности «Колокола» явилось одним из признаков и, вместе с тем, отражением общего отлива общественно-политического и революционного движения в России. С другой стороны, программа «Колокола» все меньше удовлетворяла деятелей нового — «разночинского» — этапа русской революционной борьбы. В работе редакции «Колокола» отрицательно сказывалось, наконец, перемещение географического центра русской революционной эмиграции. Для «молодой эмиграции» шестидесятых годов таким центром являлся уже не Лондон, а Швейцария. И Герцен хорошо понимал это. В письмах 1864 г., в ожидании нового подъема революционного движения, он писал, что необходимо переехать в Швейцарию с тем, чтобы вдохнуть в «Колокол» новую жизнь, сделать его снова руководящим органом русской революционной эмиграции. «Что „Кол(о)кол“ издавать в Лондоне при новом взмахе в России нельзя,— писал он Огареву 4 января 1865 г.,— это для меня ясно. Здесь <в Швейцарии> перекрещиваются непрерывно едущие из и во Францию, из и в Италию, здесь многие живут и пр.» (XVIII, 6). Намерение переехать в Швейцарию было тесно связано с ранее начатыми попытками Герцена установить единый фронт с людьми нового революционного поколения, с «молодой эмиграцией». В декабре 1864 г. Герцен отправился в Женеву для участия в съезде русской эмиграции, для переговоров с молодыми эмигрантами — и на первых порах эти переговоры развивались довольно успешно.

«Вчера была первая „посполитая беседа“,— сообщает Герцен Огареву в письме от 30 декабря 1864 г.,— она началась под обстоятельствами, самыми благоприятными для итенцов — и которые меня расположили к тысяче уступок». Из публикуемого

письма мы узнаем, что Герцен так искренне и сильно желал соглашения с «молодой эмиграцией», что серьезно задумывался над вопросом: нельзя ли «передать птенцам совсем „Колокол“ и остаться при „Полярной звезде“». Но в дальнейшем переговоры зашли в тупик. Ультимативность требований со стороны «молодой эмиграции», резкость отзывов молодых революционеров о политической деятельности Герцена, которого они считали «отсталым», и, с другой стороны, та невысокая оценка интеллектуального и морального уровня большей части «молодой эмиграции», какую давал Герцен, не веря в ее силы, определили неудачу наметившегося соглашения. Но мы знаем, что и позднее, несмотря на резкие столкновения с «молодой эмиграцией», Герцен не терял надежды на союз с молодыми революционерами, и есть сведения, что он делал попытки в том же направлении в 1869 г. (см. статью: Б. П. К о з ь м и н а. Герцен, Огарев и «молодая эмиграция». — «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 32).

«Молодая эмиграция» с полным основанием выступала против либеральных иллюзий и колебаний Герцена, но за его идейными ошибками не всегда умела разглядеть демократа-революционера, политического деятеля, «сыгравшего великую роль в подготовке русской революции» (В. И. Л е н и н. Соч., т. 18, стр. 9). В мае 1868 г. Герцен писал Огареву: «Меня возмущает их неблагодарность — ко всем прошедшим деятелям и в том числе к нам...».

Герцен совершенно справедливо считал, что имеет право на уважение со стороны молодых революционеров, право на признание ими его революционных заслуг. «...Это чувство верное, и его краснеть нечего, — читаем в том же письме к Огареву. — Смешны люди, которые себя переоценивают, — зато ведь и люди, не ценящие себя, по пробе, жалки».

Цитируемое письмо, относящееся к маю 1868 г., имеет большое принципиальное значение: Герцен высказал в нем свой взгляд не только на «молодую эмиграцию», но и на революционную демократию шестидесятых годов вообще. Наряду с оценками неверными, пристрастными, вызванными ожесточенным полемикой, письмо содержит суждения позитивного характера. Герцен разграничивает «базаровщину» с «нигилизмом», т. е. отделяет, в освободительной борьбе, «героев» революционной фразы и внешнего революционного декорума от подлинных деятелей народной революции и ее вождей — Чернышевского, Добролюбова, Михайлова. Из этого же письма мы узнаем, что известная статья Герцена «Еще раз Базаров» первоначально была написана в еще более остром полемическом тоне. Но, согласившись с замечаниями Огарева, Герцен переделал статью, очистил ее от излишних резкостей и личных выпадов. Политический деятель-демократ и в данном случае взял в нем верх.

Для правильного восприятия встречающихся в публикуемых письмах отрицательных оценок «молодой эмиграции» не следует забывать, что Герцену в Швейцарии часто приходилось сталкиваться не только с второстепенными, но и со случайными участниками революционного движения шестидесятых годов. Будущее показало, что недоверие Герцена к иным из «молодых эмигрантов» — к тем, кого он именует «ракацией нигилизма» — оказалось в ряде случаев обоснованным: некоторые из них окончили свою политическую деятельность по другую сторону баррикады, стали ренегатами революционного дела. В условиях эмигрантского быта столкновения Герцена с представителями «молодой эмиграции» происходили часто по отдельным, не принципиальным вопросам; создавалась атмосфера взаимного недоверия и напряженности. Герцен не всегда умел увидеть и понять за внешней грубостью полемики существо требований, которые предъявляло ему новое поколение революционеров-разночинцев — те, кого он сам называл «молодыми штурманами будущей бури».

Известно, что многие нарекания на Герцена со стороны «молодой эмиграции» были вызваны денежными претензиями. Среди некоторой части «молодой эмиграции» имела хождение легенда о «скудости» Герцена. Однако публикуемые письма, как раз наоборот, дают представление о том, какую широкую денежную помощь русским и польским эмигрантам оказывал Герцен. Не говоря уже о Бакунине или о ближайших помощниках Герцена по изданию «Колокола» — Тхоржевском и Чернецком, в публикуемых письмах упоминается о денежной помощи А. Я. Щербакову, В. Мерчинскому и другим.

Читая герценовские письма, мы встречаемся со всеми основными деятелями русской эмиграции шестидесятых годов: с представителями ее левого разночинно-демократического крыла — «молодой эмиграции» и с представителями правого крыла.

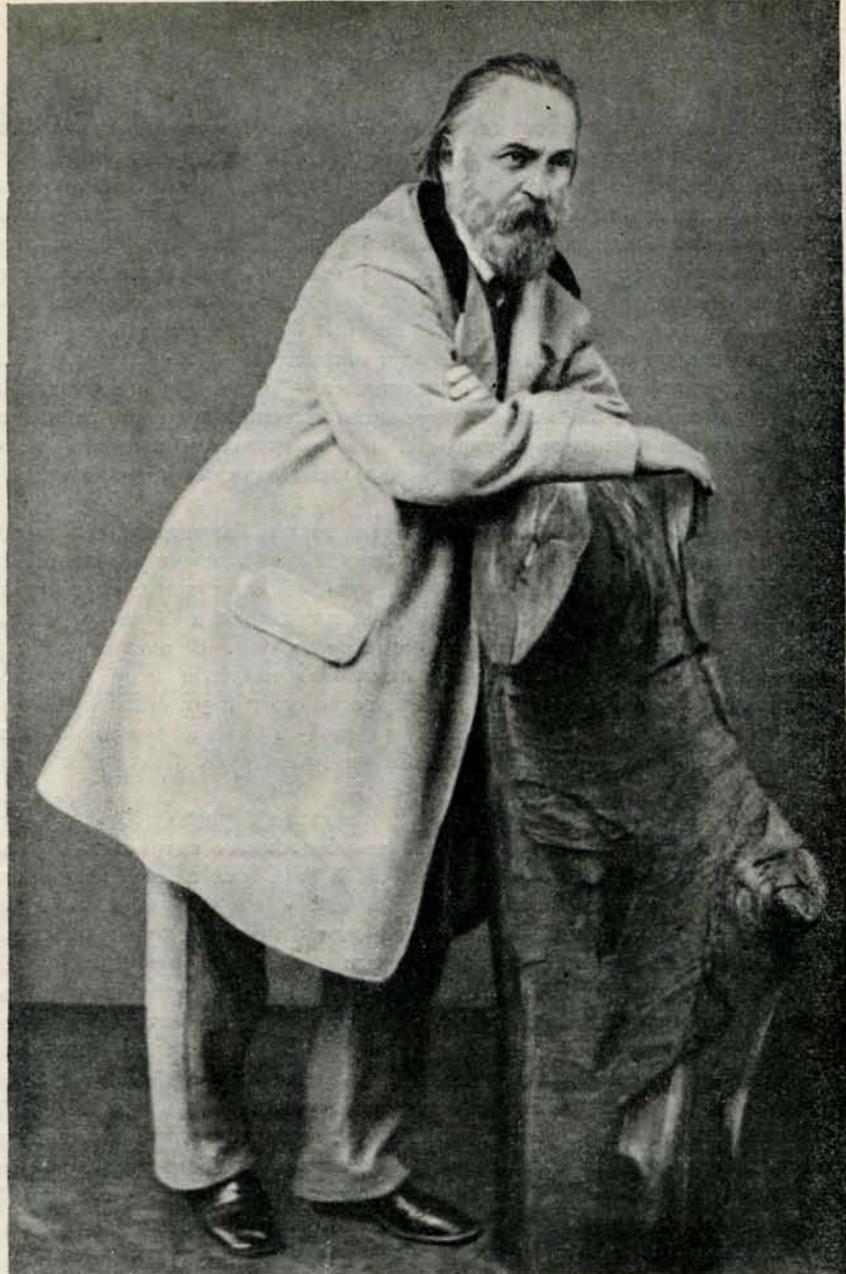
В письмах 1868 г. говорится о неизвестном П. В. Долгорукове, который одно время даже сотрудничал в «Колоколе»; позднее Герцен порвал с ним, отказавшись от каких бы то ни было соглашений и переговоров. И хотя предсмертная болезнь «князя-гиппопотама», как называл его Герцен, и заставила Герцена выполнить просьбу умирающего, приехать к нему в Берн, тем не менее в письме к Огареву от 16—18 июля 1868 г. Герцен писал, что если Долгоруков выздоровеет, он «не намерен продолжать знакомство с ним».

В письмах 1867 г. несколько раз упоминается Кельсиев и его нашумевшее возвращение в Россию. Несомненно, что кельсиевская история произвела тяжелое впечатление на Герцена, но в то же время, как мы знаем, Герцен трезво оценил политическое ренегатство Кельсиева. И позднее, когда в печати появилось явно инспирированное III Отделением сообщение о том, будто Герцен возвращается в Россию, Герцен гневно откликнулся на эти неуклюжие попытки сделать его «вторым Кельсиевым».

Революционная принципиальность не оставляла Герцена никогда.

Середина 1860-х гг. для русской общественной жизни была одним из самых тяжелых периодов. Разгул реакции после покушения Каракозова на Александра II достиг наивысшей точки. Полицейский террор вызвал упадок всей общественной жизни страны. Предшествующие же удары реакции — арест Чернышевского и других революционеров, закрытие «Современника» и «Русского слова», прекращение деятельности «Земли и воли» — способствовали глубокому кризису революционного и демократического движения. Кризис этот, естественно, отразился и на деятельности Герцена и Огарева: прекратилось издание русского «Колокола». Расхождения с «молодой эмиграцией» приняли тяжелую форму личных недоразумений и взаимного недоверия. С другой стороны, реакция побеждала на Западе: прусский милитаризм совершал свое победное шествие по Европе; Франция Наполеона III становилась оплотом всяческого консерватизма; западноевропейская буржуазная демократия все очевиднее переходила на охранительные позиции, теснее сближалась с реакцией. Все это продиктовало Герцену ряд пессимистических высказываний в его письмах 1867 г.

Они были связаны также с тяжелыми событиями в общественной и личной жизни самого Герцена: прекращением «Колокола», напряженными отношениями с «молодой эмиграцией» и новыми осложнениями в семейном быту. Но, вместе с тем, эти годы явились в идейной жизни Герцена периодом нового и мощного движения вперед. «У Герцена, — указывает Ленин, — скептицизм был формой перехода от иллюзий „надклассового“ буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 11). И этот «переход» — доказательство его Ленин усматривает, как известно, в письмах «К старому товарищу» 1869 г., — интенсивнее всего совершался в рамках того хронологического периода, к которому относятся публикуемые письма. Герцен обращает свои взоры в сторону социалистического рабочего движения, в сторону Интернационала, руководимого Марксом. Переезд в Брюссель, бывший тогда одним из центров рабочего движения, а потом в Париж, несомненно, был вызван стремлением снова погрузиться в гущу политических событий, стать их непосредственным участником. Парижские письма конца 1869 г. показывают, как чутко улавливал Герцен приближение новой революционной бури. Ощущение изолированности, тяжелое душевное состояние Герцена сменяются в 1868—69 гг. новым подъемом общественной и литературной деятельности. «Именно эти годы, — пишет Я. Эльсберг. — действительно столь трудные, горькие и мучительные для Герцена<...> показывают еще раз, до какой степени неистощимой была его энергия и неутомимой его мысль, как упорно и постоянно Герцен шел вперед» (Я. Эльсберг. Герцен. М., 1951, стр. 498).

Во память встречи
в Париже в Октябре 1869

Александр Герцен

ГЕРЦЕН

Фотография с надписью: «В память встречи в Париже в октябре 1869. Александр Герцен»

Кому была подарена фотография — неизвестно

Литературный музей, Москва

В публикуемых письмах нередко идет речь о Бакуине. Читая письмо за письмом, мы видим, как последовательно, хотя и постепенно, подготовлялся полный разрыв Герцена с Бакуиным. Уже в письмах 1867 г. чувствуется ироническое, принципиально-враждебное отношение к «старому товарищу». В 1868—1869 гг. оформляется вполне осознанное отрицание бакуинских теорий. Для Герцена, который создал письма «К старому товарищу», который внимательно и сочувственно присматривался к деятельности I Интернационала, бакуинская проповедь отрицания всякого государства и его анархистско-авантюристическая тактика немедленных бунтов и стихийных восстаний были совершенно неприемлемы. «...События идут иным путем <...> — писал Герцен. — Ни одной йоты из вашей программы не осуществится — в два, три поколения. Зачем же вы только ругаетесь над людьми, действующими настоящими орудиями, в настоящее время? Я под этими орудиями разумею <...> всю политическую агитацию, которая очень сильна и volens-nolens имеет в себе социальные элементы» (письмо от 17 сентября 1869 г.).

Еще резче, еще определеннее выступил Герцен против Бакуина после того, как в Швейцарию приехал Нечаев. Герцен понимал, какой вред наносят революционному движению Бакуин и Нечаев, сумевшие вовлечь в свою «агитационную кампанию» 1869—1870 гг. и Огарева. Герцен внимательно приглядывался к Нечаеву, угадывая мистификаторскую подоплеку его революционных прожектов. В письме к Огареву от 12 января 1870 г. он писал: «Юношу <Нечаева> видеть я могу и мужеству его отдаю полную справедливость, но деятельность его и двух старцев <Бакуина и Огарева.— Ю. К.> считаю положительно вредной и несвоевременной. Всякий день вижу русских — слушаю, вслушиваюсь и убеждаюсь больше и больше в том».

В заключение обзора общественных мотивов в письмах Герцена к Огареву, нужно подчеркнуть содержащиеся в них проявления революционного патриотизма и национальной гордости великого русского публициста. В этом отношении замечательны гневные слова Герцена в письме от 6 ноября 1867 г.: «Еще раз обучить дураков что такое Россия, да и оставить...» Слова эти имеют в виду тех буржуазных демократов Западной Европы, а они составляли большинство, которые и на рубеже 1870-х гг. упорно продолжали не замечать за официальным фасадом царской империи народную, борющуюся революционную Россию. Предпринятое Герценом в 1868 г. издание «Колокола» на французском языке преследовало, в качестве главной цели, разоблачение этих ошибочных, тенденциозных представлений «людей Запада» о России и русском народе. Герцен даже отказался участвовать в конгрессе «Лиги мира и свободы» 1867 г. Как указывал сам Герцен, его отказ был вызван антирусской позицией подавляющего большинства участников этого съезда буржуазных демократов Запада: тем, что они не понимали путей исторического развития России, а главное — недооценивали ее революционные возможности и силы, не верили в эти силы. Наконец, революционный патриотизм Герцена сказывается и в его ожесточенных спорах с Г. Н. Вырубовым. Из писем Герцена мы знаем, что он «минутами» ненавидел Вырубова, с которым поддерживал близкие личные отношения, за нападки на Россию, за неверие в ее будущее и за унижение России в глазах французов. Герцен многозначительно сообщает, что в этих спорах он «в долгу не остался» (XXI, 432, 509).

Но перечисление всех общественных и литературных тем, затронутых в публикуемых письмах, завело бы нас очень далеко. Можно смело сказать, что эти письма дают богатый материал не только историкам общественной и политической мысли XIX века, но и историкам литературы. На страницах публикуемых писем встречаем имена Белинского, Достоевского, Шиллера, Бальзака, Тэна, Ренава и других деятелей русской и мировой культуры. Особо стоит отметить слова Герцена о Бальзаке, как о художнике мощных социальных обобщений, о его реализме в изображении общества и эпохи. Это мимоходом сообщенное впечатление от чтения Бальзака, драгоценное само по себе, опять-таки свидетельствует о постоянном остром интересе Герцена к общественной стороне любых вопросов и тем. Об этом же говорит и его оценка прежних разногласий с Грановским, данная в одном из писем 1868 г., и оценка

Бакунинской фразеологии и выступлений Бакунина против «политической агитации», уже приведенные выше, и т. п.

Как сказано выше, много места в публикуемых письмах уделено личной жизни Герцена.

Отношения Герцена с Н. А. Тучковой-Огаревой протекали мучительно, особенно после 1864 г., когда скончались двое их детей-близнецов, Леля-girl и Леля-boy. В публикуемых письмах наиболее подробно отражены события 1867 г. Н. А. Тучкова-Огарева хотела вернуться в Россию, взяв с собой дочь Лизу, которую Герцен страстно любил. Герцен был против отъезда Огаревой и дочери; «борьба» за Лизу принимала иногда формы, поистине драматические.

Н. А. Тучкова-Огарева была в плохих отношениях со старшими детьми Герцена, и, как видно из писем, его многочисленные попытки собрать всю семью воедино всегда терпели крах. Постепенно семья распалась. Все дальше и дальше отходила от семьи дочь Ольга, и это было для Герцена особенно мучительно. Ее воспитательница — Мальвида Мейзенбург — сделала все, чтобы Ольга Герцен стала в семье чужой, превратилась в иностранку, равнодушную и к родине, и к деятельности отца. В письме от 27 декабря 1869 г. мы находим следующие горькие строки Герцена: «Ольга (ей стукнуло 19 лет) — не имеет ничего общего с нами, в ней сложились немецко-artistisch, аристократический взгляд, без каких бы то ни было égards и пощад <...> Тихо и кротко опуская пухлые глаза, Мейз(енбург) мягко ненавидит все наши самые дорогие воззрения и спасает от них Ольгу...».

Семейные отношения становились все более и более напряженными. Все попытки Герцена восстановить семью и добиться согласия между ее отдельными членами оказывались тщетными. Он превратился в скитальца, переезжающего из города в город. Женева, Ницца, Берн, Люцерн, Цюрих, Брюссель... — вот названия городов, которые мы читаем в верхнем правом углу его писем. «Я спасаюсь легкой и поверхностной удобовыжимостью...», — признается он в письме от 13 апреля 1868 г.

1868 год был кульминационным пунктом тяжелого конфликта в герценовской семье. «Думать, что так пойдет еще десять лет, а там и вынесут самого — это ужасно...» — пишет Герцен в письме от 13 апреля 1868 г.

Последним ударом оказалась драма в личной жизни любимой дочери Таты. Этому эпизоду, трагически завершившемуся ее тяжелой болезнью, посвящено 20 писем Герцена. «...Я имел в Тату последнюю веру, — пишет Герцен в письме от 2 декабря 1869 г., — основанную на симпатии, на сходстве ее с покойницей (психически); веру имел, а вести не умел <...> Ну и эта вера обломилась».

Осложнения и несчастья в семейной жизни Герцена, следовавшие с середины 1860-х гг. одно за другим, явились, разумеется, серьезным испытанием его душевных сил. И все же, как видно из его писем, он никогда не погружался целиком в свои личные несчастья, всегда жил большими интересами общественной жизни и глубоко верил в победу революционного начала. Напомним хотя бы следующие замечательные слова в одном из его писем, посвященных, в основном, семейным темам: «А вокруг буря, все растущая буря, — вот это утешает. Мы кое-что еще снова увидим...» (XIX, 103).

Читая эти письма, не надо забывать еще одного существенного обстоятельства, наложившего на них свой отпечаток. Адресованы они Огареву, с которым Герцен был откровенен, как с самим собой. Отсюда их экспрессивность, их предельная искренность. Герцен в этих письмах не считает нужным что-либо скрывать, даже мимолетные настроения, он не заботится о полноте и точности выражения своих мыслей, уверенный, что Огарев поймет их и с полупамятка. Здесь Герцен «нараспашку», здесь невольно сделан акцент на самых тяжелых моментах жизни. Герцен в этих письмах может показаться «пессимистом», большим, чем он действительно был в личной жизни и общественной деятельности. Это необходимо иметь в виду при чтении многих из публикуемых писем.

Естественно, что письма Герцена к Огареву являются ценнейшим материалом и для характеристики адресата — Огарева: для характеристики его работы в «Колоколе», его участия в общественно-политической жизни русской эмиграции шестидесятых годов,

его споров с Герценом. С другой стороны, они характеризуют и личную жизнь Огарева, его отношения с Мэри Сетерленд и т. п.

И, наконец, последняя тема, которая настойчиво звучит в письмах 1868—1869 гг.,— это усиливающаяся болезнь самого Герцена. Здесь, может быть, наиболее подробно и основательно, чем где бы то ни было до сих пор, освещена эта сторона позднего периода герценовской биографии.

Подводя итоги, можно смело сказать, что публикуемые 52 письма Герцена к Огареву представляют собой важный новый источник для характеристики общественной, литературной и личной биографии великого русского публициста-революционера.

Письма публикуются по автографам «пражской коллекции» Герцена — Огарева (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 143—144).

1

14 ноября <—4 декабря> 1839. Владимир

Вот тебе, друг, *большущее* послание, т. е. которое будет большущее, ежели напишется всё, что очень хочется сказать. Всё время после отъезда Сатина¹ я постоянно думал о друзьях и о себе, *думал* — ты пойми — это не значит тосковал, нет, думал об вас и как-то так ясно анализировал, как-то совершенно объективно понял вас и себя яснее оттого. Середь этого анализа вдруг письмо от тебя, в котором ты, как на блюдецке, любящий, поэтический и ленивый. Благодарю тебя за грусть при вести о наташиной болезни, этой-то грусти и хотелось мне тогда, как врачеванья². Но к делу:

Ни я, ни ты, ни Сатин, ни Кетчер, ни Сазонов (которого вы уже как-то совсем отчуждили) не достигли совершеннолетия, мы, вечно юные, не достигли того гармонического развития, тех верований и убеждений, в которых бы мы могли основаться на всю жизнь и которые бы осталось развивать, доказывать, проповедовать. Оттого-то всё, что мы пишем (или почти всё) не полно, не развито, шатко, оттого и самые предначертания наши не сбываются, как иначе может быть? Сколькo раз, напр<имер>, я и ты шатались между мистицизмом и философией, между артистическим, ученым, политическим, не знаю каким призванием. Нет, друг, не таков путь творчества, успеха. Причина всему ясная: мы все скверно учились, доучиваемся кой-как и готовы действовать прежде, нежели закалили булат и выучились владеть им. А ты, саго, пишешь *я отвык читать*, в то время как одно из мощнейших средств для нас теперь чтение. Я не отвык, я и иду вперед, решительно иду. А ты часто стоишь с твоими теургически-философскими мечтами. Грех нам схоронить талант, грех не отдать в рост, иначе мы ничего не сделаем, а можем сделать, право можем. Ты говоришь, что *много пишешь*. Во-первых, я этому не верю; во-вторых, еще меньше верю, что ты допишешь это многое. А я так намерен много писать. Одна моя биография хороша, одушевленная, она и останется³. Подумай об этом и пойдем в школьники опять; я, учась, учась истории, буду изучать Гегеля; я многое еще хочу уяснить во взгляде моем и имею залогом, что это не останется без успеха. Мы ничего не потеряли, что теряли много времени в отношении образования; мы жили, и как полна была наша жизнь последних годов, как свята любовью, мы узнали практический элемент человечности; тем лучше можем усвоить себе многосторонность и глубину. От наших будущих произведений не будет пахнуть лампой кабинета, они прозябли на чистом воздухе, под открытым небом; прибавить соков — и плоды будут свежи, как лимоны в Италии... или мы просто ничтожности, о нет, *anch'io son pittore!* *⁴ — и ты больше, нежели я. Я рад, что так холодно мог рассмотреть нас, да это оттого, что время не терпит. Кончились тюрьмою годы

* и я художник! (итал.).

ученья, кончились ссылкой годы искуса, пора наступить времени Науки в высшем смысле и действия практического. Между прочим меня навело на эти мысли письмо Белинского к Сатину (с которым, однако, я не вовсе согласен, — Белинский до односторонности *многосторонен*)⁵, еще прежде — самая встреча с новыми знакомыми, еще прежде свой ум (довел же Ляпкина-Тяпкина свой ум до узнания, как было сотворение мира); но я всё боялся анализа, было много восторженности, полно ликовать.

И что за удивительное различие в людях, близких между собою! Больше, нежели между мышью и петухом, больше, нежели между кошкой и фазаном. Ты и я всё еще сходнее, нежели ты и Сатин, я и Сатин, ты и Кетчер, я и Кетчер, Кетчер и Сатин, Сазонов и пр. (Помнишь N. P. Q = ... учил Давыдов⁶). Никто лучше бога не пишет варьяций на одну тему, может оттого, что ни у кого темы такой нет. Кетчер — человек решительно практический, характер его выражается весь двумя словами — симпатия и доброты, но этот характер завернут в какую-то угловатость; террорист и Лафайег, он прескверно сделал, что *обелинился*⁷, ему не идет пиэтизм, абсолютизм... Он отродясь не занимался делом, служил губернским переводчиком при русской литературе. Он не поэт (хотя в жизни его много поэзии *du bonhomme Patience*)⁸, отчего же он не занимается положительными науками, отчего не переводит учебные книги, зачем служит при театре, с потерей времени, зачем присутствует в коллегии Бажанова⁹ так часто. Люблю его, как родного брата, но ругаю. Примусь ругать Сатина, потом тебя и себя, которых также люблю, как братьев.

У Сатина времени впереди больше нашего¹⁰ и занимался он меньше, зато его душа очень чиста и очень любяща, ну не жаль ли, что он не дал ей всего полета; его образование не твердо, дамское, как локоны его, такое же, как у твоей жены, напр<имер>. Французская философия французских романов — чуть ли это не равняется нулю, беда еще коли *минус* чему-нибудь. Белинский во многом неправ относительно его, но во многом и прав. Пусть же он занимается немецкой литературой, укажи ему и философию, да пусть в нее входит со смирением; философского образования он еще вовсе не имеет. Завтра наш черед, теперь прощай, ибо давно уже 14-е ноября перешло в 15. *Felicissima notte, eccellenza!*^{*}

Слабость характера и лень — вот Тифон¹¹ твоей души, это наказание тебе за твои чудные достоинства, у тебя и взгляд обширен и чувство верно — разум силен, и всё это вместе растворено в флегме. Не верю, чтоб воля не могла победить. Ежели про тебя Белинский скажет так решительно, как про Сатина, что ты не поэт, не художник, он соврет¹². Я сознаю в тебе поэтическое призвание не потому, что твои стихи хороши, а потому, что знаю тебя с первого дыхания в мире умственном и художественном. Я тебе писал в 1833, что ты поэт¹³, и теперь повторяю; но поэт *in potentia* **, от тебя зависит развить эту возможность или подавить ее. — И про Сатина я не скажу так резко, он еще не поднялся до мира высших сознаний, почему мы знаем, как они на него действуют. Сатин в высшем развитии, т. е. он же, но с обширной творческой мыслью, мне сдается Шиллером (у них лица сходны); а ведь как хочешь люби Шиллера, в нем нет той универсальности, как в Шекспире и Гёте.¹⁴ Шиллер понимал односторонне жизнь, оттого-то он и аспирировал *** беспрестанно к будущей жизни, оттого ему и казалось: «Und das Dort wird nimmer hier» ****¹⁴, а оно *hier* *****.

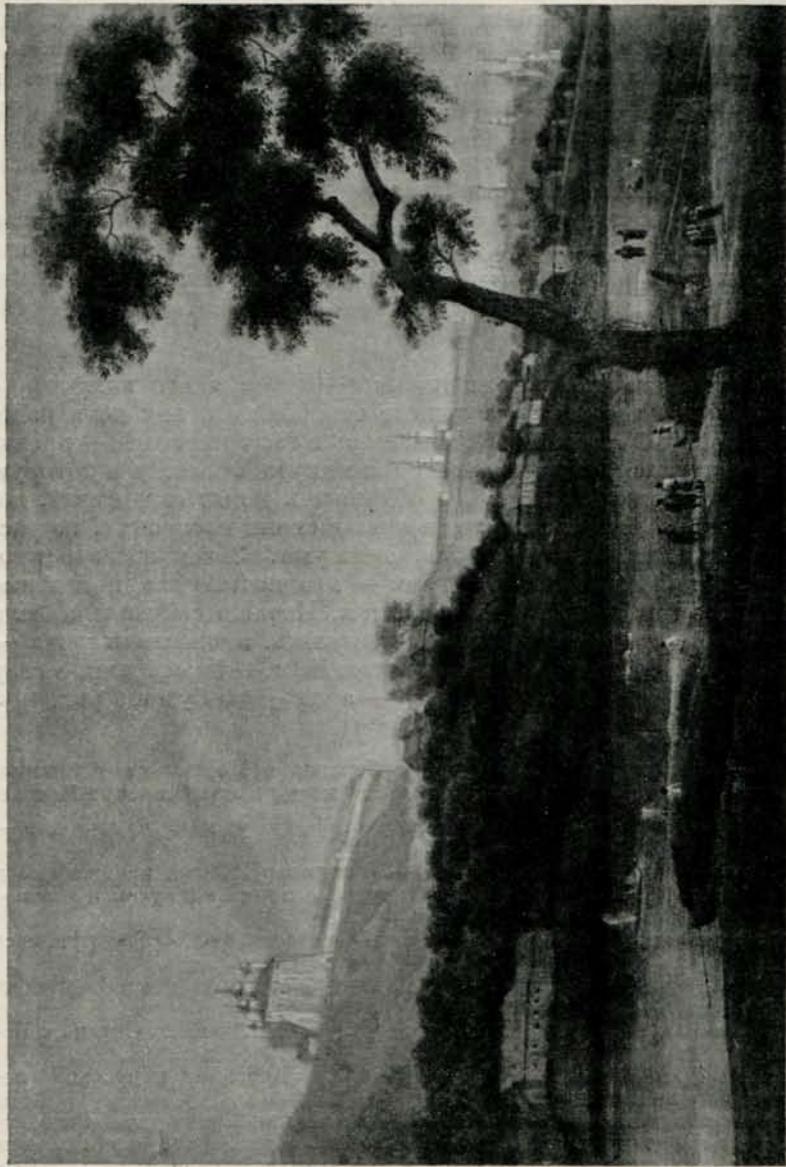
* Спокойной ночи, ваше превосходительство! (итал.).

** в возможности (лат.).

*** устремлялся (франц. «aspirer»).

**** «Потустороннее никогда не будет здешним» (нем.).

***** *адесь* (нем.).

ВЛАДИМИР

Картина маслом Сократа Воробьева, 1836 г.

Исторический музей, Москва

«Как прелестьны окрестности маленького Владимира... Владимир спит в садах и горах, разбросанный сам по горам»
(из письма Герцена и Н. А. Захарьичной от 8 апреля 1838 г.)

Этого никогда не поймет Сатин, слишком нежна, слишком аркадическа его душа, оттого он написал: «Ты позабыл, ты человек». *Blasphème!* *

2 декабря — вечером

Написавши то, что написано, я был отвлечен и тем и сем от продолжения, но не от мысли. В одном из последних писем от тебя нашел я лучшие подтверждения моим словам — во-первых, твои мистические фантазии улечуваются *ad totalem evaporationem* **; во-вторых, ты жалуешься на недосуг от дружбы и друзей. *Carisco****, повторяется 1833 год в улучшенном издании, как Дон-Кихот Масальского¹⁵. Я настоятельно требую перемены в твоей жизни, признай мою власть, она законна, свята, ты знаешь источник ее. Повторяю, пусть грустно мне будет без тебя в Петерб(урге), но хорошо, что я не возвращаюсь в Москву. И ты поговариваешь «о глуши, о Саратове».

Еще многое я придумал. Все это будет темой, о которой мы поговорим, лишь бы нашелся досуг. Теперь прощай, я думаю, что тебе не нужно писать, что я лечу на твои именины, — ты узнаешь факт прежде сообщения.

Totus tuus**** А. Герцен

4 декабря

Я получил сейчас твое последнее письмо — зачем я его получил, о зачем!¹⁶ Я совершенно забыл все холодные отношения и как дитя радостно сюрпризу, который сделаю тебе, явившись в твои именины, — прочитавши письмо, я испугался, была минута (одна минута, прости!), в которую я сомневался — ехать мне или нет. Ты обвиняешь меня; «это факт», говоришь ты. Дай бог, чтоб ты был прав, я чист в своих поступках, не раскаиваюсь, так понимал я, ежели ошибся, вина ума. Зачем всё это протеснилось между Николаем и Александром — двадцатый раз повторяю: благодарю бога, что я в Москве буду проездом. Наташа сейчас принесла мне записку к вам, я прочел ее, и слеза навернулась, прелестная душа — она не умела даже обидеться обидным молчанием. — Пусть так, сvezу записку, сvezу и себя, ведь я для тебя еду — а ты — ты будешь рад, мой Николай¹⁷.

Письмо написано незадолго до возвращения Герцена в Москву из владимирской ссылки. Герцен, повидимому, не послал письма, а передал его Огареву в Москве.

¹ Н. М. Сатин посетил Герцена во Владимире, пробыв у него четыре дня — с 7 до 11 ноября 1839 г. (II, 340 и XXII, 38).

² Герцен имеет в виду письмо Огарева от 29—30 октября 1839 г., начинающееся словами: «Наташа больна. Вот что, прежде всего, поразило меня...» («Русская мысль», 1888, № 11, стр. 7).

³ Герцен имеет в виду автобиографическую повесть. «О себе» (рукопись утрачена).

⁴ «*И я художник!*» — восклицание, приписываемое Корреджио, впервые увидевшему «Святую Цецилию» Рафаэля.

⁵ Это письмо Белинского к Сатину неизвестно. О судьбе переписки Сатина с Белинским см. в «Лит. наследстве», т. 56, 1950, стр. 222—224.

⁶ Иван Иванович Давыдов (1794—1868) — профессор философии и русской словесности Московского университета.

⁷ Герцен производит здесь глагол «белиниться» от фамилии Белинского, находившегося тогда в апогее своего кратковременного увлечения философией «примирения» с окружающей действительностью. Н. Х. Кетчер, который, по позднейшей характеристике Герцена, никогда не мог доработаться «ни до одного ясного понятия, ни до одного твердого убеждения» и для которого «вопросы шли под знаменем лиц, а не наоборот» (XIII, 229), выступал тогда в роли рьяного последователя Белинского.

Имя Лафайета употреблено Герценом как синоним политического деятеля умеренно-либерального толка. В письме к Кетчеру от 16 марта 1839 г., называя Лафайета

* Хула! (франц.).

** до полного испарения (лат.).

*** Понимаю (итал.).

**** Весь твой (лат.).

жене, Марии Львовне, прилагавшей все усилия к тому, чтоб оторвать мужа от его прежних друзей.

«Ты был неправ в отношении Марии,— писал Огарев,— это доказывает факт; но что ты пользы этим никакой не сделал, как восстановил ее против себя жестоко и, может быть, надолго, это — тоже факт» (II, 344).

¹⁷ Герцен приехал в Москву 7 декабря 1839 г. и пробыл здесь до 11 декабря, после чего отправился в Петербург. О его встрече с Огаревым см. в письме Герцена к жене от 11 декабря 1839 г. (II, 348).

2

3 апреля 1852. Ницца.

Хочу писать тебе, Огарев,— не для того, чтоб рассказывать тебе страшную историю последних полутора годов,—ее ты узнаешь от друзей, из моего письма к Гаугу¹ и из целого пуга разных писем. У меня нет больше охоты еще раз вызывать воспоминания всех пыток, страданий, унижений, которыми я прошел.

Я хочу просто с тобой говорить, раскрыть состояние моей души. Мне сдается, что не долго придется мне говорить и не часто, особенно с тобою.

Что делать... прошлое несчастье, как рок, влечет меня к гибели, остановиться невозможно, всё, что я придумал для спасения лиц, мне дорогих, все мои пожертвования, усилия — побеждены злышностью моего врага и случайностями жизни. Может, с одной злышностью я слагал бы, но к злобе, к преследованию присовокупились дикие, бессмысленные силы, как будто самой природе хотелось меня наказать за притязание на независимость и волю, за притязание разумом победить несчастье. Мне оставалось, как воину, который видит невозможность победы, броситься, закрывая глаза, в борьбу и отдаться той же случайности, оставаясь верным избранному пути. Так я и сделал.

Грозная судьба двигается на меня, идет с такой быстротою, что если я на несколько часов забудусь, развлежусь... то с ужасом вижу, насколько она подвинулась ближе, насколько стала неотразимее.

Я больше, нежели чист, совесть моя больше, нежели покойна, я горд моими поступками. Я показал и силу воли, и силу любви, ни в чем не могу упрекнуть себя... но меня-то судьба и тащит на казнь — в этом ее юмор, ее атеизм.

Или, лучше, в этом обвинении ее — наша глупость, наша неисправимая религиозность, вера в всеобщий разум, в высший порядок.

Нравственной связи между поступками и событиями нет. Во все формулы, стремящиеся составить уравниения между дел и происшествий, вторгается элемент, совершенно несоизмеримый, который мешаает, путает последствия и лишает их окончательно той юридической разумности, которую мы ищем, которую насильно вносим.

Письмо сохранилось в бумагах Герцена в черновом наброске. Быть может, оно так и осталось незаконченным, неперебеленным и не было отправлено. Письмо написано за месяц до смерти Натальи Александровны и отражает тяжелое душевное состояние Герцена, вызванное пережитой семейной драмой и гибелью матери и сына.

¹ Герцен имеет в виду свое письмо к Эрнсту Гаугу (в подлиннике Гаугу) от марта 1852 г., в котором подробно изложена история его взаимоотношений с Гервегом (VII, 24—42).

3

30 декаб<ря> 1864. Женева.
Hôtel garni de la Poste

Caro Aga, Фогт¹ взялся тебе послать на имя Тхоржевского через Banque général de la Suisse (Freiligrath) * 625 фр.=25 фунг.; сим, впрочем, заключается мой перевод денег на месяц. Касат<кин>² обещает для меня разменять каких-то фондов на 7000 фр<анков>, а Фогт в марте достать под

* Главный швейцарский банк (Фрейлиграт) (франц.).

дом из банка. Фогт не в своей тарелке, он сидит в этой галере банковской, которую Фази³ (и Клапка⁴, говорят) запутали удивительно.

Вчера была первая «посполитая беседа»⁵, — она началась под обстоятельствами, самыми благоприятными для птенцов⁶ — и которые меня расположили к тысяче уступок. Из Петерб^{урга} пришло письмо об аресте Пантелеева⁷ и отправлении его в Вильно. Еще аресты имеются в виду. Это поразило всех — все писали и получали пренеосторожные письма. А между тем затевали было новый журнал в Петербурге, от которого можно было многого ждать. Жук^{овский} был бы его душой. Позволение есть, но все боятся теперь⁸.

Главное предложение вот в чем: сделать «Колок^{ол}» обширнее; берутся за корреспонденции и статьи, денег не дают ни гроша (да и нет их) и хотят сделать не редакцию, а совет для обсуживания статей. Чернецкому скажи, что ему надобно всю надежду и всё упование положить на нас. Эти господа еще, быть может, составят связи и кружок, но ждать от них серьезной помощи в деле переезда — безумие.

Сегодня вечером или завтра утром является в Женеву Алекс^{андр} II⁹ из Флоренции, на несколько дней.

Фогт советует для Непгу¹⁰ порядком справиться в Веве; он полагает, что там дешевле и лучше — он тоже предпочитает общественные заведения. Я поручу это дело Жук^{овскому}¹¹. Жук^{овский} живет в Лозанне и зарабатывает уроками от 300 до 400 фр^{анков}.

А что ты думаешь о том, чтоб передать птенцам совсем «Колокол» и остаться при «Поляр^{ной} зв^{езде}»? Это можно сделать завещанием, а то вряд ли сделаем ли что-нибудь, не отказавшись от них. Желание доброе есть, и хотя всё изгажено чудовищными самолюбиями (Ут^{ин})¹² во главе) и партией женщин (Шелгун^{ова}, Ут^{ина}, Гилочева (?))¹³ и Ал^{ександром} С^{ерно}-С^{оловьевичем}, который за что-то ненавидит меня, — но, может, им и удастся.

Пиши ответ скорее, — вероятно, я здесь пробуду до эпифании, — потом поставлю + на двери¹⁴ и полетусь еще не знаю какой дорогой.

Фогт второй раз забыл твое письмо — вечером возьму.

Кас^{аткин} и анти-Касаткин¹⁵ в экзасперации* и клеветуют друг на друга.

Прощай.

Деньги вышлются завтра.

Сегодня ждут вердикт — мы идем смотреть.

28 декабря 1864 г. Герцен приехал в Женеву, чтобы принять участие в съезде русской революционной эмиграции и подготовить переезд типографии из Англии в Швейцарию. Этому и посвящено публикуемое письмо.

¹ Карл Фогт.

² Виктор Иванович Касаткин.

³ О Джемсе Фази см. выше в наст. томе. В период, к которому относится публикуемое письмо, Фази был директором швейцарского банка.

⁴ Георг Клапка (1820—1889) — венгерский революционер, участник революции 1848 года; жил в 50-х годах в Лондоне, в 60-х — в Женеве; часто встречался с Герценом.

⁵ Говоря о «посполитой беседе», Герцен имел в виду съезд русских эмигрантов, происходивший в Женеве с 29 декабря 1864 г. по 6 января 1865 г. В съезде приняли участие: Герцен, Н. И. Утин, Л. И. Мечников, В. И. Касаткин, Н. И. Жуковский, Н. А. Серно-Соловьевич, Л. В. Шелгунова, В. Ф. Лугинин, С. А. Усов, В. О. Ковалевский, А. А. Черкесов, В. И. Бакст, А. Ф. Стюарт, М. С. Гулевич, П. И. Якоби. Из публикуемого письма следует сделать вывод, что участниками съезда были также Н. И. Утина (Курсини) и еще одна женщина, фамилию которой, написанную неразборчиво, не удалось ни прочесть сколько-нибудь уверенно, ни установить косвенным путем. О съезде см. в статье: Б. Козьмин, Герцен, Огарев и «молодая эмиграция». — «Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 1—48, а также выше в наст. томе. Этим письмом впервые устанавливается точная дата открытия съезда — 29 декабря.

* ожесточении (франц. «exaspéré»).

⁶ «*Птенцами*» Герцен называет здесь представителей «молодой эмиграции».

⁷ Лонгия Федорович *Пантелеев*.

⁸ Речь идет не о журнале, а о газете «Народная летопись», основанной Ю. Г. Жуковским под фиктивным редакторством Н. Д. Ахшарумова. Газета была тесно связана с «Современником». Она просуществовала всего полтора месяца — со 2 марта по 16 апреля 1865 г., после чего была приостановлена правительством и более не возобновлялась. См. Б. К о з ь м и н. Газета «Народная летопись». — Сб. «Русская журналистика». 1. Шестидесятые годы. М.—Л., «Academia», 1930, стр. 75—103.

⁹ *Александр II* — шутовое прозвище сына Герцена, Александра Александровича, приехавшего из Флоренции (где он постоянно жил) в Женеву, специально для участия в эмигрантском съезде.

¹⁰ *Henry* — Генри Сетерленд (1851—?) — воспитанник Огарева, сын Мари Сетерленд. В письме, повидимому, речь идет о том, что Генри необходимо определить в какое-то учебное заведение.

¹¹ Здесь уже речь идет не о сотруднике «Современника» Юлии Галактионовиче Жуковском (см. примеч. 8), а об эмигранте Николае Ивановиче *Жуковском*.

¹² Николай Исаакович *Утин*.

¹³ Людмила Петровна *Шелгунова* и Наталия Иеронимовна *Утина* (рожд. кнж. Корсини). Третья фамилия написана неразборчиво и читается предположительно.

¹⁴ *Эпифания* — церковно-католический праздник, соответствующий православному «Богоявлению» или «Крещению». В этот день (6 января), по обычаю, на дверях домов мемом или углем ставили кресты.

¹⁵ «*Анти-Касаткиным*» Герцен, вероятно, называл В. И. Бакста или А. Ф. Стюарта, постоянно выступавших против В. И. Касаткина в борьбе, завязавшейся у эмигрантов вокруг вопроса об издании своего органа и использовании бернской типографии.

4

⟨Канн.⟩ 10 апреля ⟨1865 г.⟩ Воскресенье ¹

Писать нечего. Во вторник мы едем в Ниццу, в среду возвращаемся — и, смотря по твоему письму, — в пятницу или субботу отправляемся в Авиньон — отдых — и, след<овательно>, omni casu * в понедельник в Женеве. Ровно через неделю.

Счет получил. Я хотя им и недоволен, но за что ты осерчал на меня, я не знаю. Платить такие суммы за укладку мебели Чер<нецкого> я никогда и не думал, а я говорил ему и тебе, что его переезд будет стоить до 60 фун. Если он не сумел бы сделать всю операцию, он должен был продать часть дряни. Он пишет общий итог

38—3,

на что ты ему дал

51!
и еще 5!
56
40
96

Итого 36 передержки.

Да я должен заплатить еще 40 — за провоз (или около — будто вес при переезде в Nine Elms не облегчился). Из них Чернец<кий> возьмет на себя (это ничего не значит) £ 18. — В чем же я виноват? Что значит, напр<имер>, работа Чернец<кого> — 3 liv.? 1 liv. 17 — работы Жюля², которому я плачу жалованье?

Это, Ник<олай> Пл<атонович>, называется эксплуатацией, а не наивностью, как вы именуете.

Если это так пойдет <...> ** не кончится. Если ex<empli> gr<atia>*** увидит этот счет <...> ** ения от жандармиру<...> ** будет прав.

Вчера явился поганы<й> <...> ** — как это чорт их носит из угла в угол³.

Сюда приезжали вчера из Ниццы две польки — мать с дочерью — в отель, спрашивали, тут ли я, и ждали от 2 до 6 (от одного поезда до другого), но не дождались — нас не было дома. Фамильи не сказали.

* во всяком случае (лат.).

** Правый край письма оборван, и текст восстановить невозможно.

*** например (лат.).

Еще здесь явился *Рале* — из Москвы, учитель, приятель Камилла Депре⁴ etc.

Затем прощай.

На обороте: Николаю Платоновичу Огареву.

Письмо касается переезда Герцена вместе с типографией в Женеву. «Переезд этот кладет черту, начинается новый период, вероятно, последний или, наверное, предпоследний нашей деятельности», — писал он сыну 4 апреля 1865 г. (XVIII, 72).

А. А. ГЕРЦЕН (СЫН)

Портрет, написанный для Гарibaldi, 1854 г.]

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

¹ Либо число, либо день указаны Герценом ошибочно: 10 апреля 1865 г. приходилось на понедельник.

² *Жюль* — слуга Герцена.

³ Речь идет, вероятно, о пребывании в Ницце и в Канне членов царской семьи, в частности наследника, будущего Александра III, и царицы (см. XVIII, 72 и 79).

⁴ Камилла *Депре* — московский виноторговец.

5

Пятница. Берн — Schweitzerhoff.
23 июня <1865 г.>

В Берн мы приехали в $1/2$ 5-го; тотчас явился Дардель¹, а в 7 — Фрелих². Несмотря на то, что он говорит *à la Kinkel*³, он замечательный человек. Педагогика сделала страшные успехи, и преподавание здесь чуть ли не передовое. Для музыки особое устройство — вроде консерватории под руководством Франка⁴, *частные уроки не дозволяются*; кто хочет

учиться — учись в самом деле. Пирогов⁵ остался доволен до того, что из Петербурга прислали смотрителя Смольного монастыря, а из Гельсингфорса на казенный счет пять финляндок. Фрелих принялся так серьезно, что с Ольгой сам говорил и расспрашивал. Ее ответами я очень доволен; она отвечала просто и знает больше, чем Мал(ьвида)⁶, что она ничего не знает; Фр(елих) сказал мне: «Девочка, которая имеет столько внутренней грации, пойдет вперед. Если Мечник(ову)⁷ можно было уладить, то тут и говорить нечего». Он вообще ею очень доволен. Надобно сказать, к тому же, что и всю дорогу она вела себя превосходно.

На нее, кажется, подействовало то, что ее считают каким-то скорпионом. А потому чувства этого не следует больше развивать, потому что это под конец понравится. Сегодня она с Мал(ьвидой) идут на три часа в школу. — Экскурсии перед экзаменом не будет, но потом, я уговариваю Мейз(енбуг) остаться (Мейз(енбуг) ведет себя не хуже Ольги), ей больно и досадно, но ей ясна польза. Все уладим.

Пишите скорей. Мне некогда — иду к Адольфу Ф(огту)⁸ и другим. Буду писать подробно.

Как кончилась поездка in die Ferne? *

У меня при выезде из Женевы попало что-то в глаз, это что-то я довез до Берна со слезами и воспалением. Дардель выворачивал глаз, дул и решил оставить натуре.

Письмо *это* пишу всем.

Целую Тату, Лизу, а Сашу вперед поздравляю с рождением. Прощайте.

Письмо, в основном, посвящено вопросу о воспитании детей, постоянно занимавшему Герцена. Здесь идет речь о предпринятой им в 1865 г. попытке поместить младшую дочь Ольгу в один из швейцарских пансионов.

¹ Дардель — врач в Берне, лечивший Герцена и Огарева.

² Фрелих — швейцарский педагог. В его пансион Герцен определял Ольгу. Первые впечатления, как видно из этого письма, были благоприятны. Однако вскоре Герцен убедился, что воспитание в этом «педагогическом притоне», в «западне» для «пошлой дрессировки детей» (XIX, 185) поставлено плохо, и взял Ольгу оттуда. См. также другие отзывы Герцена о пансионе Фрелиха (XVIII, 155, 232).

³ Готфрид Кинкель, см. о нем выше в наст. томе. О его манере говорить Герцен писал: «Обдуманная и плавная речь Кинкеля, правильная и избегающая крайностей, шла какой-то назидательной беседой; он с изученным снисхождением выслушивал другого и с искренним удовольствием — самого себя» (XIV, 300).

⁴ Цезарь Франк — известный французский композитор.

⁵ Николай Иванович Пирогов — знаменитый врач и педагог. В 1862—1865 гг. жил во многих городах Западной Европы, наблюдая за научной подготовкой молодых русских ученых-стипендиатов.

⁶ Мальвида Мейзенбуг — воспитательница Ольги Герцен.

⁷ Надя Мечникова — дочь известного публициста Льва Ильича Мечникова, тоже учившаяся в пансионе Фрелиха.

⁸ Адольф Фогт — младший брат Карла Фогта, бернский врач, постоянно лечивший Герцена.

Рапортчику твою получил, свидетельствующую, что ты жив, и принимаю повествовать анекдоты не о Лизе, а о себе. Я нашел здесь старого фотографа, делавшего всех нас в 1852. Он разбогател и имеет свой дом с садом. Повели меня показывать обезьян, — одна из них в клетке, — просунула руку и прямо меня в лицо, оцарапала глаз — и, еще немного, наделала бы бед. Это было в пятницу, и до сих пор глаз красен.

Еду я, если не будет никакой помехи, 14-го в час, — это значит 15-го буду в 3^{1/2} в Женеве (26 часов с минутами train direct **). Стало, писать

* в даль (нем.).

** поезд прямого назначения (франц.).

обо многом нечего. N<atalie> не очень здорова (опять больше болит бок) и не очень в хорошем юмёре*. Но я окончательно выбил из головы — до приезда С<ати>на или его жены — все проекты бегства. Она хочет даже искать женщины со мною, — и тут я помогу всеми средствами и связями. Готова в июне ехать за этим в ваши страны, только боится Женевы (в чем и я согласен, мы можем с тобой сговориться, где встретиться), — и потом на зиму в Геную. На этот план я согласен. С Татой хотелось бы, кажется, примириться, но все же «ее простить». «Если б она дала слово, что не

ДОЧЕРИ ГЕРЦЕНА — НАТАЛИЯ, ОЛЬГА И ЛИЗА

Фотография конца 1850-х — начала 1860-х гг.

Исторический музей, Москва

выйдет замуж, я поручила б ей Лизу». — «Ты не понимаешь, что говоришь», — и разговор я переменял.

Житье Лизы с N<atalie> — *положительный, очевидный* вред, и вред, пропорциональный огромным умственным способностям Лизы. Лиза любит N<atalie>, но она в доме никого не уважает, кроме меня, и смотрит на них, как на детей.

Я Долгор<укову> писал и сказал мое мнение об *incident*** Гулевич¹, серьезно и сильно. Au reste***, я никогда не писал, что ты письмо к Долг<орукову> писал под шафе, — это ты выдумал, — я *вообще* заметил по

* настроении (франц. «humeur»).

** случае (лат.).

*** Впрочем (франц.).

décousu * писем, по их фразам неясным, по их пустоте, что они писаны или под гнетом преокупаций ** или под действием преопиваций (к чему ведут и частые обмороки тоже).

Очень бы хотел корректуру своей 1-ой Греции² и Аксакова³. «Колокол» может опоздать двумя днями. Addio.

Коррек<тура>, посланная утром 11, может придти до отъезда. Во всяком случае, не давай bon à tirer ***, не беда, если выйдет 17.

Большое письмо к Аксакову вполнину готово, — мне кажется, что тон хорош и выдержан⁴.

Позже

И опять белую бумагу в должности письма (с поздравлением) получил. Скажи мне, — если успеешь письменно, — за что ты мне упорно не отвечаешь на шесть запросов, — получено ли было письмо, в котором внутри были почтовые марки? Газеты, присланные тобой, пришли через шесть дней. Коррек<тура> — через день.

Квартирам я рад, но не на гору. Я чувствую почти долгоруков<овской> отвращение от женеvских молодцев⁵. В Каруже⁶ жить готов.

В 7 № ты всегда можешь остаться. Тхоржевский же <может> ночевать в Hôtel'e.

Вероятно, больше одного послания не будет.

Оставаться ли тебе на веки веков в Женеве? — Тоже to be or not to be**** — как с квартирой. Одно из главных шкод здесь — свет, так страшно светло и ярко, что без зонтика нельзя ходить. А ргрос к погоде, я сегодня спал по небрежности горничной с открытым окном, — и не заметил — с 7 на 8 апреля!

«Гёлосо», где мое письмо, не получал⁷.

P. S. Корректуру получил в 10 и посылаю в 3 часа сегодня, в понедельник. Статья твоя ясна и хороша⁸.

Рукou Лизы Герцен:

Милый Ага, я ела мороженое у дяди на рожденье. Здесь очень тепло.

Письмо относится ко времени резкого обострения отношений между Герценом и Н. А. Тучковой-Огаревой и ее попыток уехать вместе с Лизой в Россию, к сестре — Елене Сатиной. Герцен соглашался с предложением вызвать из России Сатиных для переговоров.

¹ Об «инциденте», связанном с передачей эмигранту М. С. Гулевичу газет, предназначенных для Герцена, см. в письме Герцена к Огареву от 2 апреля 1867 г. (XIX, 261). Письмо к П. В. Долгорукову, упоминаемое здесь, неизвестно.

² В 1867 г. на острове Крите произошло восстание против турок. Герцен писал: «Я считаю необходимым заявить сочувствие „Колокола“ к греческому делу <...> Я сегодня же попробую написать» (XIX, 243). Он написал статью «На площади св. Марка». Через несколько дней он написал вторую статью, посвященную «восточному вопросу». «Посылаю вторую „первую Грецию“ под загл<авием> „Жаль“». — сообщил Герцен Огареву 3 апреля 1867 г. (XIX, 262).

³ Герцен имеет в виду корректуру своей статьи «Письмо к И. С. Аксакову», появившейся в «Колоколе», л. 239 от 15 апреля 1867 г. (XIX, 268). Статья начиналась перепечаткой открытого письма Герцена к И. С. Аксакову (от 10 марта 1867 г.); это письмо было помещено Аксаковым с его замечаниями в № 58 газеты «Москва». Перепечатку Герцен сопроводил полемической заметкой против И. С. Аксакова, датированной 5 апреля 1867 г., но в действительности оконченной 11 апреля.

⁴ Речь идет о статье «Ответ И. С. Аксакову», напечатанной в л. 250 «Колокола» от 1 мая 1867 г. (XIX, 278—291) — продолжение полемики, начатой в статье «Письмо к И. С. Аксакову».

⁵ «Женеvскими молодцами» Герцен именуует колонию «молодой эмиграции» в Женеве.

* бессвязности (франц.).

** озабоченности (франц. «préoccupation»).

*** разрешения печатать (франц.).

**** быть ель не быть (англ.).

Мне не надо отвечать на него

Toutes demandes et lettres pour le *Kölnel* doivent être adressées (Russie) à M. S. ТРОЦКИЙ,
Boulevard Piatnais, 7, Genève (Suisse).

Le Dépôt principal, en Suisse, est chez H. GROSS, 10, Cornatsch, Genève. En Angleterre, chez
N. TAYLOR & Co, 60, Paternoster Row, Londres. En France, Librairie internationale, 15, Boulevard
Montmartre, Paris.

VENTE DU "КОЛОКОЛ"

Le prix de chaque numéro est de 30 centimes.
Les exemplaires russes, 33 centimes.
Frais de port non compris.

Paris : A. FRANCK, 67, rue Richelieu; LEROUX, 18, rue de Valenciennes; BÉGIN, 1, boulevard de la Chapelle; ABOUË et Co,
39, Unter den Linden; F. SCHUBERT et Co, 18, Unter den Linden; BRUNNEN, Buchhandlung, 37, Unter
den Linden; DRESDE, L. WOLFF's Buchhandlung; FRIEDRICH'S-Verlag, C. J. BENTZ, Buchhandlung, Heidelberg;
BASEL et SOLOTHURN, Buchhandlung, BRUNNEN, F. OUDASSER, KAYSER'S et Co, N. YERCOUX, libraire,
Venise; H. F. et M. MÜLLER, Librairie Piazza St. Marco; ELBERG, Librairie Verbruggen, Constantinople;
S. B. WASS, libraire, 372, Grand'Rue de Fribourg; Suisse; BERNE, J. DUBÉ, libraire; Zürich; SOLOTHURN,
Buchhandlung; VERCY : B. BÉGIN, libraire, hôtel des trois couronnes.

M. S. Trotsky
11, rue de Valenciennes
Paris

КОРРЕКТУРА ОБЪЯВЛЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ «КОЛОКОЛА» НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ, НА ОБОРОТЕ АДРЕС С. ТХОРЖЕВСКОГО

Лист 2

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

⁶ *Каруж* — предместье Женевы. В марте и апреле в переписке Герцена подробно обсуждался вопрос о прискании квартиры на случай, если Герцен со всей семьей переедет в Женеву.

⁷ В № 75 петербургской газеты «Голос» цитировалось с комментариями упомянутое выше письмо Герцена к И. С. Аксакову

⁸ Статья Огарева «Частные письма об общем вопросе» в «Колоколе», л. 239, 15 апреля 1867 г.

7

⟨Ницца.⟩ 12 ⟨апреля 1867 г.⟩ Пятница

Итак, если не будет телеграммы — или не сяду на дороге, то 15, в понедельник, в 4 буду в Женеве.

Не краткость твоих писем меня немного сердит, — а их усталая пустота. Ровно ничего, ни слова, ни о статьях, посылаемых мною, ни о чем ином, кроме о недосуге писать. Такая, видно, полоса.

Письмо к Акс⟨акову⟩ вчера кончил¹ — по-моему, это *sui generis chef d'oeuvre* * — но смелый, если ж затормозить — всё пропало.

Был с Лизой в театре, — она, разумеется, в восхищении; давали «Monte-Cristo».

От Бак⟨унина⟩ нет ответа ².

N⟨atalie⟩ нездорова, — как нарочно к отъезду, сегодня не вставала и берет ванну.

На дороге думал остановиться в Шамбери, но всё это портит время. Сяду здесь и выйду у вас.

Затем будь здоров.

Сейчас был русский — принес 100 фр. в фонд и много рассказывал забавного.

5 часов

¹ См. примеч. 3 и 4 к письму № 6. Под «Ответом И. С. Аксакову» Герценом поставлена дата: «Ницца, 6 апреля 1867 г.». Это — дата начала работы над статьей: окончена она была 11 апреля. На этом основании комментируемое письмо датируется 12 апреля 1867 г.

² Герцен ждал ответа Бакунина на письмо, в котором предлагал протестовать против обвинений Аксакова в «поджигательстве». Бакунин опубликовал свой ответ Аксакову в виде двух писем к Герцену, напечатанных в л. 241 «Колокола» от 15 мая 1867 г.

8

⟨Ницца.⟩ 29-го окт⟨ября 1867 г.⟩. Вторник

Ты решительно изменил календарь — и поправил ошибку прежнего письма 4 днями вперед (+ — = 0)¹.

Я написал начало очень небольшой статьи для увертюры русского прибавл⟨ения⟩ к «Колоколу» ². Пришлю ее на разбор и набор. Вероятно, спокойный тон не понравится юному Бак⟨унину⟩. Не хочется больше лаять на ветер.

А Кельсиев-то читал лекцию о хлыстах в Географ⟨ическом⟩ обществе. Я еще больше убеждаюсь, что он пакостей политических не наделал ³.

У тебя что-то много русских (и здесь их бездна, но плохи); пиши с каждым С⟨атину⟩ — десять, двадцать записок. Они упорно молчат на запрос N⟨atalie⟩ о деньгах.

Роман Достоевск⟨ого⟩ я частью читал в «Русс⟨ком⟩ вестнике» — в нем много нелепого ⁴. Получил ли ты грудку «Москов⟨ских⟩ ведом⟨остей⟩»? — Знаешь ли, что нам нужно? — «Отголоски русской печати». Они здесь есть, совершенно бесцветное и дрянное направление, но отрывков бездна.

* в своем роде шедевр (лат. и франц.).

31 окт<ября>

Ты пишешь о хлопотах, да ведь время-то сколько? Никакой нужды нет выдать нумер *spécimen** до 20, 25 ноября так, чтоб он пошел 1 декабря.

Если Бакун(ина) статья по-французски⁵, то помни, что Лакруа⁶ (книгопродавец) мне писал о строгости таможни. Если она длинна, то будет ли место? Считай 2 листа франц<узского> и 1 русс<кого>, больше ни под каким видом. Второй лист 15 января.

Гулевич прибыл в здешние столицы.

Перед обедом

Всё плохо. 1-ое — от Сатиных письмо, видно, что денег нет, он поехал что-то закладывать, — ergo пиши и пиши. 2-ое. Я, наконец, не могу дольше бороться и сказал, что если к 1 мая Сат(ин) приедет и докажет безопасность для Лизы и если она будет крещ(ена), то я противиться не стану⁷. Но до весны надобно с ним списаться, если до марта никого верного не будет. Я готов послать. Ни тени пониманья, ни тени раскаянья.

В следующ(ем) письме пришло чек в 400 фр.

Жду на днях америк<анский> ответ⁸.

¹ В этом месте в подлинник вклеена вырезка из письма Огарева, содержащая неправильную дату, поставленную им на предыдущем письме: «29 октября, суббота» вместо «26 октября, суббота». На это письмо, не известное в печати, и отвечает Герцен. Огарев в своих письмах часто допускал ошибки в датах.

² Статья «О выходе „Колокола“ на французском языке», напечатанная в № 1 «Kolokol» (русское прибавление) (XX, 104).

³ После того как В. И. Кельсиев возвратился в Россию, в революционных кругах его заподозрили в том, что на допросах в III Отделении он давал откровенные показания, которые якобы послужили поводом для многочисленных арестов. Это оказалось неверным. 31 октября 1867 г. Огарев писал Герцену: «В. И. никого не выдал, кроме тебя и меня, и никто не пострадал (новейшие известия). Он одним плох, что переметнулся, но осторожно» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 478—479).

⁴ Речь идет о «Преступлении и наказании». Роман был напечатан в №№ 1—12 «Русского вестника» за 1866 г.

⁵ Возможно, что Герцен имеет в виду речь Бакунина, произнесенную на заседании «Лиги мира и свободы». В письме к Огареву от 8 ноября 1867 г. Бакунин писал: «Посылаю тебе речь Мрочковского и мою ответную речь насчет русских и польских дел. В прошедшее воскресенье ты мне изъявил желание напечатать и ту и другую в следующем номере „La Cloche“» («Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896, стр. 323).

⁶ Альбер Лакруа (1834—1901) — бельгийский писатель и издатель. В 1867 г. Герцен вел с ним переговоры о выпуске в свет «Былого и дум» на французском языке.

⁷ Лиза Герцен не была крещена; отсутствие церковной метрики служило одним из формальных препятствий к ее поездке с матерью в Россию.

⁸ Часть денег Герцена была вложена в американские акции (XX, 37).

9

<Ницца.> 3 ноября <1867 г.> Воскресенье

Посылаю чек в 500 фр., возьми 400 и дай Тхорж(евскому) 100 на расходы. В числе этих денег 150 за маленького¹. — Может, я поеду с Тагой в Турин и туда выпишу Сашу, — надобно спасти итальянские фонды. От Ротш(ильда) ответа еще нет.

А как страшно умирает дряхлый латинский мир!

Предисловие кончил, о Кельсиеве посылаю, не бойся печатать².

А читал ли ты вторую статью о Кельсиеве в «Голосе» (фельетон)? Просто приглашение. «Правительство готово отступить от возмездия за вину, для того чтоб возвратит полезных граждан»...³

Ко всему сюда приехал Фед(ор) Апол(лонович) Жемчужников, брат Нат(альи) Ап(оллоновны)⁴, с больной женой. Ал(ексей) Ал(ексеевич)⁵ положительно говорит, что едет весной за Nat(alie).

* пробный (франц.).

Так скучно... так скучно. Когда ж мне судьба даст хоть месяц покоя? Один совершенно хотел бы провести время в том, чтоб опомниться.—
Ан нет!

Прощай.

¹ *Маленький* — внук Герцена, Туц, сын А. А. Герцена и англичанки Ш. Генсон.

² См. примеч. 3 к письму № 8. Герцен имеет в виду статью «В. И. Кельсиев», помещенную в № 1 «KoloKol» (русское прибавление) (XX, 112).

³ «Внутреннее обозрение» в газете «Голос», 1867, № 278, 8 (20) октября.

⁴ Федор Аполлонович *Жемчужников* — дядя Н. А. Тучковой-Огаревой (у Лемке ошибочно назван Николаем Аполлоновичем). *Наталья Аполлоновна* — Тучкова (1802—1894), жена А. А. Тучкова, мать Натальи Алексеевны, урожденная Жемчужникова.

⁵ *Алексей Алексеевич* — Тучков (1799—1878), отец Натальи Алексеевны Тучковой-Огаревой и Елены Алексеевны Сатиной.

10

6 ноября <1867 г.> Середа¹

Всё получено — т. е. «Голос»,
«Саміа» Rossa* ²,
Объявл(ение) ³,
письмо Тхорж(евского).

Я писал, если Бак(унину) нужно, то предложить ему *сто фр(анков)*. Но Тхор(жевский) пишет, что он их требует на какое-то дело... Это, в самом деле, «другое дело», и в таком случае следует отказать. О Щербак(ове) ⁴ писала Мар(ия) Касп(аровна). На днях я отправил чек в 500 фр.⁵ и статью о Кельсиеве на твоё имя.

Глядя на ужасы, происходящие кругом, я могу, в сущности, только одобрить Кельсиева. Я еще ни разу не доходил до такой полноты безнадежности — и в общем, и в частном. Еще раз обучить дураков, что такое Россия, да и оставить в покое и удалиться куда-нибудь⁶.

Письма твои, вообще рассеянные, писаны в недосуге или в кафе, что видно по почерку и по содержанию. Ты пишешь: «Если б я имел право, напр(имер), я не отпустил бы Лизы...». Да и я еще не отпустил, но вопрос не в желании и не в праве, а в возможности или невозможности препятствовать, в возможности или невозможности так жить. С Татой и, след(овательно), со всеми во Флор(енции) будет разрыв холодный и финальный, как она уедет⁷. С Россией — переписка, к тебе ни тени доверия, на меня затаенная злоба и желание отомстить. Ал(ексей) Ал(ексеевич) едет, говорят, в конце зимы. Говорить я буду и с ним и с Сат(инным). Но ты видишь, что Сат(ин) — человек, который проигрывает тысячи, оставляя настоящий долг чести в стороне⁸.

Что же я сделаю? Еще одно средство — твоё письмо к Сат(ину) и Ал(ексею) Ал(ексеевичу), но это надобно побережечь до последнего дня.

Господи, какая скука! Устроили мы жизнь! — А тут, того и смотри, опять денежное расстройство (по итал(ьянским) фондам).

Ответа от Ротшильда нет.

Тхорж(евского) благодарю за всё, завтра Чернец(кому) пошлю статью⁹. Предисловие посылаю, поправь и отошли набирать¹⁰.

Посылайте объявления всюду — напр(имер):

London — Mr Schlesinger Esq.
25 Upper Bedford place
Russel sq.
E. Piggot Esq.
9 Bouveris Street
«Daily News» Fleet Street
N. York — F. Kapp Esq.
P. O. Box 3750

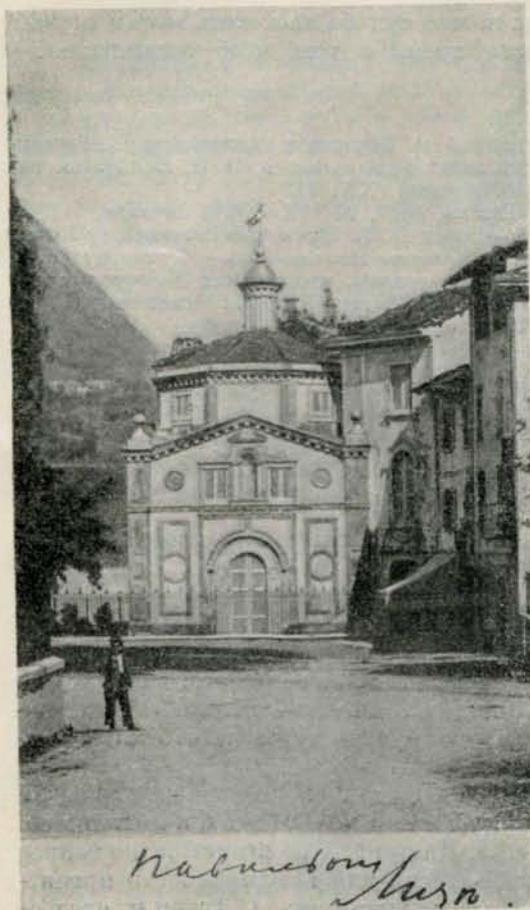
* «Красная рубашка» (итал.).

ЛУГАНО

Фотография с надписью Герцена:
«Павильон Лизе»

Литературный музей, Москва

«...посылаю тебе в альбом две картинки: одна представляет дом, в котором я жил в Лугано... вторая представляет статую Вильгельма Телля перед отелем... Дом не вошел в пакет и вместо него павильон, к нему же принадлежащий» (из письма Герцена к детям и Огареву от 12 августа 1865 г.)

¹ Ответ на письмо Огарева от 31 октября 1867 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 478—479). В подлиннике ошибочная дата: «6 октября».

² Герцен подтверждает получение *отдельного издания* «Samicia Rossa» — цикла статей о Гарибальди, первоначально напечатанных в «Колоколе» (1864, лл. 188, 189 и 191).

³ Герцен имеет в виду объявление об издании «Колокола» на французском языке; оно было напечатано отдельным листом и в № 1 «KoloKol» 1868 г. В письме к С. Тхоржевскому от 25 октября 1867 г. Герцен просил прислать ему 50 экз. объявления (XX, 29).

⁴ Алексей Яковлевич Щербаков (род. ок. 1842) — участник революционного движения шестидесятых годов; был в 1863 г. арестован по делу о «казанском заговоре» и в ноябре 1866 г. бежал за границу из тюрьмы. Герцен неоднократно оказывал ему материальную поддержку (XIX, 341; XX, 22; см. также «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 478).

С конца 1868 г. Щербаков занимался с Лизой Герцен (русским языком и естественным).

⁵ Герцен ежемесячно выдавал Огареву 500 франков.

⁶ Говоря об ужасах, творящихся кругом, Герцен, несомненно, имел в виду напряженную общественно-политическую обстановку на Западе и свое расхождение с западноевропейской буржуазной демократией. Усиление бонапартистских тенденций во Франции, победное шествие прусского милитаризма, неудача итальянского освободительного движения — все это воспринималось Герценом как серьезный кризис в общественно-политической жизни Западной Европы.

В письме к Г. Н. Вырубову от 12 ноября 1867 г. Герцен писал: «...вы не вовсе правы в том, что вожакими остались Франц<ия> и Англия. Англия идет, но не ведет<...> А солдатская страна <Франция> прет назад, и нашла коса на камень, т. е. на Пруссию. Она поведет; теперь праздник в немецкой слободе — колбасократия. Франция — твердый и мощный оплот всякого консерватизма...» (XX, 38). В письме к М. К. Рей-

хель от 10 декабря Герцен писал об Италии: «Замечательно, что в 1847 я был при рождении Италии, а теперь присутствую при ее кончине...» (XX, 95).

Об умирании старой латинской Европы, о своих сомнениях в будущем латинских народов Герцен писал в «Venezia la Bella» (февраль 1867 г.). В одном из публикуемых нами писем 1867 г. он восклицает: «А как страшно умирает дряхлый латинский мир!» (письмо от 3 ноября 1867 г.).

Годы эти были для Герцена годами окончательного разоблачения западноевропейской буржуазной демократии. Для Герцена стала ясна невозможность совместной работы с ней.

В своих статьях этого периода Герцен констатирует резкое «увеличение враждебности по отношению к России в демократических газетах» (XX, 99), непонимание и отрицание исторического значения России и русского народа («вы нас не знаете и отрицаете...» XX, 73). Как известно, вследствие этой враждебности к России западноевропейских буржуазных демократов, Герцен отказался участвовать в конгрессе «Лиги мира и свободы», где собрались все западные буржуазные демократы. «Мне теперь хочется только ругаться с Западом», — признается он в письме к Огареву от 14 ноября 1867 г. (XX, 40)

Издание французского «Колокола», задуманного сначала как сборник статей, было предпринято с целью уничтожить неправильное представление о России, познакомить западноевропейское общественное мнение, западноевропейскую печать с русским народом. В 1867 г. Герцен писал Огареву: «У меня мысль сделать <...> из многих статей французскую книгу. *Надобно опять их ошельмовать — дураки, т. е. французские публицисты <...>*» (XIX, 443; подчеркнуто нами. — Ю. К.). Эта фраза объясняет, кого имел в виду Герцен, говоря в комментируемом письме об «обучении дураков». В 1867 г. Герцен попытался заняться этим «обучением»: его известные статьи «Prolegomena» и «Личное дело» да и весь французский «Колокол», по сути дела, явились осуществлением этой идеи Герцена.

ЛУГАНО. ПАМЯТНИК ВИЛЬГЕЛЬМУ ТЕЛЛЮ

Фотография с надписью Герцена: «Вильгельм Телль — Лизе (статуя Велле)»

Литературный музей, Москва

«Тата должна тебе рассказать, как он стрелял в яблоко на голове у сына и спас Швейцарию... Его надобно любить, как Гарибальди» (из письма Герцена к детям и Огареву от 12 августа 1865 г.)

Вильгельм Телль —
Лизе (статуя Велле)

Упоминание о В. И. Кельсиеве в данном письме тоже связано с отношением Герцена к Европе. Одной из причин отъезда Кельсиева в Турцию и на Балканы было его разочарование в Западе. «...Мне Запад стал ненавистен...», — пишет он в своей «Исповеди» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 370). Эти слова Кельсиева надо сопоставить с нижеследующими строками, содержащимися в письме Герцена к Огареву от 3 августа 1868 г.:

«Неужели ты не помнишь его писем после смерти Варв(ары) Тим(офеевны) <жены В. И. Кельсиева.—Ю. К.> к нам? Он тогда уже писал <...>, что в западную революционную идею не верит» (XXI, 34).

Но, конечно, отрицание Запада «почвенником» Кельсиевым и критика Запада со стороны революционного демократа Герцена шли из совершенно разных принципиальных установок.

Подвергая беспощадно суровым оценкам политическую действительность буржуазного Запада, конца 1860-х гг., Герцен сравнивал свои переживания с столь памятным для него опытом 1848 г. В письме к сыну от 26 октября 1867 г. Герцен писал: «Дела принимают такой оборот, что я серьезно снова себя чувствую в том трагически тяжелом состоянии, как в июньские дни двадцать лет тому назад» (XX, 32).

Важно, однако, отметить, что именно в эти последние годы своей жизни Герцен начинает различать в удручавшем его сером небе буржуазной эпохи просветы в будущее, начинает, хотя еще очень осторожно, *оптимистически* смотреть на перспективы революционной борьбы на Западе, и оптимистически обобщать ее опыт за период 1848—1867 гг. «Странное дело: — писал Герцен в последней части «Былого и дум» — с 1848 г. мы всё пятились да отступали, всё бросали за борг да ежились, а кой-что сделалось, и всё исподволь изменилось. Мы ближе к земле, мы ниже стоим, т. е. тверже, плуг глубже врезывается, работа не так кависта, чернее — может, оттого, что это — в самом деле работа» (XIV, 701).

⁷ Речь идет о намерении Н. А. Тучковой-Огаревой уехать в Россию и взять с собой Лизу. Во Флоренции жили старшие дети Герцена.

⁸ У Сатина были денежные расчеты с Огаревым после ликвидации имений Огарева. Свой долг Сатин обязался выплачивать частями, но посылал деньги очень неаккуратно (XX, 22).

⁹ Герцен имеет в виду свою статью «Prolegomena», напечатанную в № 1 «Kolokol» от 1 января 1868 г. (фактический выход 15 декабря 1867 г.; был отпечатан к 5—6 декабря).

¹⁰ Предисловие к № 1 «Kolokol» за 1868 г.

<Ницца.> 9 ноября <1867 г.>. Суббота

Ожидание ответа из Америки, который мог быть к 5, наводит тоску. Я было написал длинное письмо вчера, но бросил его в камин. Скучно плакаться — на общее и частное — надобно понатянуть мышцы и идти. Меня убивает безумная трата времени и беспокойный провизуар*. И Тата сидит с уложенным чемоданом¹. Саше приехать не хочется и недосуг, я до ответа Рот(шильда) не знаю, какими деньгами я располагаю, столько нужд и желанья помочь и исправить, — и молчание. Вчера я писал в комп(анию) Рот(шильда).

Конечно, Бак(унину) отдать след(ует) 100 фр. — для него, но не для чего другого.

Жемчужников ничего о С(атине) особенного не рассказывал, кроме их перестрелки в Москве с Ал(ексеем) Ал(ексеевичем). Он уговаривал Ал(ексея) Ал(ексеевича) прекратить завод, говоря, что он *постоянно* ему в ущерб, на что Ал(ексей) Ал(ексеевич) отвечал: «Хорошо, я прекращу завод, когда ты прекратишь игру, в которой ты *постоянно* проигрываешь». Этот анекдот — лучшая комментария. Они все переезжают на житье в Москву. Спасу ли я от России Лизу или нет — не знаю, сделаю всё... до уступок и лжи, — во всяком случае, до 1-го июня N(atalie) не уедет из Ниццы.

На меня гнев, хотя и скрытый продолжается за дело кухарки. Я поступил круто, но был безусловно прав².

* переходное состояние (франц. «provisoire»).

Насчет коррект(уры) и писем — ты никогда не заботься. Прими со мной за общее правило — *пока я не переменяю адреса, писать по старому*, и если я дал адрес в Ниццу и ты узнаешь, что я в Исландии, то письма пиши в Ниццу. Это единственное средство, чтобы письма доходили. Для меня письма слишком важны, чтоб я не распорядился.

6 ноября * я послал Чернец(кому) статью и тебе статью ³. Пора набирать. Я очень рад, что Бак(унина) статья в том же духе. Я ни в чем европейском не буду участвовать — ни в «писе»⁴, ни в «каке».

Итак, лабазник, гостиннодворец и дрягиль Касаткин сердится, — я ему говорю то же, что медведь ужалившей пчеле, но бескорыстнее медведя: отказываюсь от второй части.

Засим прощай.

Тхоржевскому буду на днях писать, а пока спроси, послал ли он Висконти⁵ «Былое и думы» — первые три тома и «Письма из Италии» — и что стбит с пересылкой.

NB. Если не посылали еще в Россию объявление ⁶, — непременно следует послать sous bande** «Голосу», «Сев(ерной) почте», «Jour(nal) de S. Péters(bourg)».

В Монпелье написать не штука, когда С (Сп?)⁷ поедет.

Я не знаю, с чего переехал с красного вина на белое и пью шабли в 1—50 сент. и таковой же grave. Est-ce grave?***

¹ Попытки Герцена устроить примирение Н. А. Тучковой-Огаревой и Таты и собрать всю семью в одном месте не удалась; Тата в ноябре 1867 г. окончательно переселилась во Флоренцию.

² Об этом инциденте см. в письме Герцена к Огареву от 28 октября 1867 г. (XX, 34).

³ См. примеч. 9 и 10 к письму № 10.

⁴ «Пис» (англ. «rease») — мир. Речь идет о Первом конгрессе «Лиги мира и свободы», открывшемся 9 сентября 1867 г. в Женеве. Герцен уклонился от участия в конгрессе из-за откровенно враждебного отношения его участников к России. Мотивировку своего отказа Герцен изложил публично в статье «Un fait personnel» («Личное дело»), напечатанной в № 1 «Kolokol» от 1 января 1868 г. О статье Бакунина см. примеч. 5 к письму № 8.

⁵ Висконти — книгопродавец.

⁶ Подразумевается «Объявление о выходе „Kolokol“».

⁷ Кто такой С. или Сп. — установить не удалось.

12

12 <ноября 1867 г.> Вторник. Ницца

Resolved**** — я еду с Татой в Турин в воскресенье, 17 числа, и буду во Флоренции 20-го, — там пробуду дней 10 и возвращусь в Ниццу, а потом в начале декаб(ря) — т. е. ex(empli) gr(atia)*****10 буду у Ротшил(ь)да. Одно письмо, может, и можешь прислать еще сюда, если тотчас напишешь¹.

Здесь один русский, очень дельный, рассказывал мне об ужаснейшем указе, заготовленном, — и он думает, уже опубликованном, — об обязательном выкупе казенной земли крестьянами. Условия ужасны и совершенное разрушение коммуны².

Счет(а) от Ротшильда получены.

1-ое. Капитал спасен до копейки.

2-ое. Куплено бумаг на 8000 дол(ларов) больше, и при второй покупке сойдет еще, — что и представит около 4000 фр. дохода больше.

* В подлиннике описка: 6 окт(ября)

** бандеролью (франц.).

*** Игра слов: grave — сорт белого виноградного вина и grave — важно. Буквальный перевод: «(Я пью) грав. Важно ли это?»

**** Решено (англ.).

***** примерно (лат.)

3. Вся операция стоила посылками, комисс<иями> и пр. 2690 фр. Вот и всё.

Я возьму на расплаты и пр. из капитала, — это понизит немного доход, да сверх того итальянские бумаги опять теряют 12%, и так всё-таки выйдет 3000 фр. в год барыша. Это меня поставит à flot *.

¹ Невозможность окончательного примирения с Н. А. Тучковой-Огаревой заставила Герцена покинуть Ниццу. «С Ниццей я прощаюсь — довольно, — пишет он 7 ноября Огареву, — а куда из нее, не знаю» (XX, 36). С этого времени начинается скитальческая жизнь Герцена, продолжающаяся почти до самой его смерти. Намерение Герцена около 10 декабря быть у Ротшильда, т. е. в Париже, не осуществилось, так как отпала самая необходимость в этой поездке.

² В тот же день, 12 ноября 1867 г., Герцен писал Г. Н. Вырубову в Париж: «Здесь говорят, что в финансовой нужде в России заготовлен ужасный указ об обязательном выкупе казенными крестьянами земель, — безобразнейшее дело» (XX, 38). Эта информация неизвестного русского, посетившего Герцена в Ницце, оказалась ошибочной. Но процесс «разрушения коммуны», т. е. общины, происходил в России весьма интенсивно, и помимо «обязательного выкупа казенных земель крестьянами». Герцен и Огарев очень интересовались всеми сообщениями, касавшимися этого вопроса (см., например, XXI, 503).

13

<Ницца.> 29 декаб<ря> 1867 г.> Воскресенье

Пишу к Тхорж<евскому> о вздоре — чтоб он устроил étrennes** и прибавлю только строку¹. Как всегда было — сто и двести раз — теперь тишь и гладь — испуг (а не то что пониманье) и внешняя суета. Жемч<ужников> получил письма и едет во вторник прямо в Россию, через Триест — вот был бы случай писать С<атину>. Мне ужасно больно, что я его обидел запиской². Но, с другой стороны, всё же и Жемч<ужников> говорит, что он проигрывал суммы, а поэтому стегнуть надобно было. С<ати>на напис<...> *** сильно зло <...> *** тил тебя и меня — и прибавила, что N<atalie> может показать нам, но она не показала, говорит, что «нехорошо»... Это за деньги. А ведь денег-то и не посылают всё же. Я верю в его любовь, в его дружбу, но, Огарев, отчего же ни на одного русского положить нельзя и отчего слово «долг», «обязанность» только тогда существует, когда есть возле палка?

Читаешь ли о фенианах?³

Дан финал — и ра<...>*** и нас прищемят где-нибудь, как мух... вот отчего и трудно писать смесь — но постараюсь в следующем письме прислать.

Прощай. Здесь Слепцов⁴ и Батанов⁵.

Все окна у нас открыты. Солнце печет. Лиза совершенно здорова.

Аминь.

На обороте: Передайте Огареву.

¹ Это письмо Герцена к Тхоржевскому неизвестно.

² Записка Герцена от 9 октября 1867 г. адресована «Елене Алексеевне или супругу ее». В ней Герцен резко требовал возвращения долга Огареву (XX, 22).

³ Фенианы — «Фенианское братство», или фении, буржуазно-демократическая партия в Ирландии, борющаяся за освобождение страны от английского ига. В 1865 г., после неудачного выступления в Англии, фении подняли восстание в Ирландии, но были разбиты. Эти события широко освещались в печати.

⁴ Встречался ли А. А. Слепцов с Герценом в Ницце в конце 1867 — начале 1868 г., точных сведений нет. Вероятнее всего — встречался, хотя Герцен и писал Огареву 8 января 1868 г.: «Слепцов боится ходить ко мне, — хорош!» (XX, 131).

⁵ Фамилия Батанов, написанная здесь Герценом, ни разу не встречается больше в его переписке. Но в письмах Герцена, опубликованных Лемке, три раза упоминается фамилия Батаков (XX, 202, 252 и 257) и все три раза — весной 1868 г. Повидимому, это один и тот же человек, фамилия которого либо неточно написана Герценом в публикуемом письме, либо ошибочно прочтена Лемке в напечатанных им письмах. Уста-

* Mettre à flot (франц.) — вывести из затруднения.

** новогодние подарки (франц.).

*** Угол письма оборван.

новить личность этого человека не удалось, но из контекста герценовских упоминаний явствует, что речь идет об одном из представителей «молодой эмиграции», связанном, в частности, с Гулевичем, Эллидиным, Касаткиным и Мечниковым. Вскоре после знакомства с Герценом Батаков потерял его доверие. Об этом свидетельствуют следующие слова Герцена в письме к сыну от 16 марта 1868 г.: «... ошибку сделал и я, давши трубочку свезти Батакву, — об нем слухи *нехороши*» (XX, 202). Возможно, что Батаков или Батанов — это псевдоним одного из эмигрантов.

14

13 апр(еля) 1868 г.) Понедельник. Марсель

Вчера приехал я в Марсель — быстро, в 17 часов, без отдыха, но худшее — в вагоне, набитом битком, и в бизу, не хуже вашей. Сегодня в 12 еду в Ниццу — это дорога скромная, и на ней «яичницы» не бывает. (Я предполагаю, что ты знаешь это превосходное выражение, открытое Жирарденом¹. Инженер железной дороги телеграфирует начальнику: «пришлите скорее докторов — il y omelette» *).

Еду всё-таки с тоской. Ты иногда говоришь о моем, в сущности, безотрадном, взгляде на жизнь — да как же иначе? Я спасаюсь легкой и поверхностной удободвижимостью, которая развлекает, да работой, которая занимает. Моя жизнь, твоя, детская — мне не нравится. Долею я $\frac{1}{2}$ причины всего — хочу сладить, поправить и стою *exactement* ** так же, как в *Orsette hous'e* и других гаузах. Думать, что так пойдет еще десять лет, а там и вынесут самого — это ужасно, и уж, конечно, не тебе, а мне следовало бы пить горькую чашу. Я знаю одно средство — это испуг Россией, — впрочем, напишу, что будет.

Отдай записку Тхоржевскому.

Вчера я зашел вечером в «Альказар» и сел возле молодого блондина. Мы с ним разговорились; умный, простой взгляд его меня удивил. Мы говорили обо всем на свете. — «Вы, мне кажется, поляк?» — сказал я. — «Нет, швед, и первый раз путешествую». Тут «сева»*** еще не истощилась и не изшла. Он говорит, что когда он приехал в Берлин, то ему постоянно мерещилось, что этот город в осадном положении и что он арестован. А Бамбергер²-то! «Я вздохнул свободно только в Женеве», — прибавил он.

Ну вот тебе и смесь.

Что костыли?³

Репан скучен⁴.

Я потерял твое письмо: вероятно упало, снимая пальто. Но в нем не было ничего⁵.

Иду есть бульабесс **** — и в вагон.

В «Liberté» написано, что в Польше готовятся огромные земли — в дар генералам. Не пропусти этого⁶.

Успех «Крудова» в Париже очень велик — помирают — хохочут да и только. Каков старина!⁷

¹ Эмиль Жирарден (1806—1881) — французский публицист, редактор газет «La Presse» и «Liberté».

² Людвиг Бамбергер (1823—1899) — немецкий демократ, участник революции 1848 года. В шестидесятых годах жил в Париже. В его политических высказываниях в это время начали проявляться националистические тенденции. В письме к Огареву из Парижа 11 апреля 1868 г., Герцен, упоминая о встрече с Бамбергером, назвал его «бисмаркующим» (XX, 228).

³ 20 февраля 1868 г. Н. П. Огарев упал во время припадка и сломал себе ногу.

* «здесь яичница» (франц.).

** точно (франц.).

*** жизненные соки (от франц. «sève»).

**** bouillabaisse (франц.) — рыбная похлебка с чесноком и пряностями, национальное блюдо на юге Франции.

Ma pensée se fixait toujours sur le petit Léon et sur son étrange développement; cette idée, en revenant sans cesse, m'empêcha de m'adonner entièrement à l'étude de la ~~science religieuse~~ et au lieu de m'absorber dans les considérations élevées sur les choses célestes, je tendais vers l'étude des questions relatives à ce bas monde, bien que je connusse la vanité de tout ce qui est matériel et le néant de tout ce qui est physique. Peu à peu un vague désir d'étudier la médecine se développa en moi; quand je vins à en toucher un mot à mon père, il entra dans une colère indescriptible: « Ah! mauvais garnement! honte de ma vie! ~~quand je t'attraperai~~ je te montrerai de quoi ~~il retourne~~ Tes aïeux et tes pères t'ont bien valu, ils ne sont pas sortis de leur état; et toi, de quoi diable vas-tu t'aviser? Dire qu'il m'a fallu arriver à la vieillesse pour voir une pareille honte! Voilà la joie que me cause un fils né de moi. Le bedeau n'est pas le seul éprouvé par Dieu. Je comprends maintenant que tu hantes toujours le fou: qui se ressemble s'assemble. C'est pourtant toi qui l'as gâté, femme de peu de raison, dit mon père en s'adressant à ma mère. » Il est vrai que je ne sais pas trop jusqu'à présent en quoi ma mère était coupable de ce que je voulais étudier la médecine. « Mon Dieu, me dis-je, qu'ai-je donc fait de si mal? J'ai envie d'étudier la médecine, et, au dire de mon père, on dirait ~~arriéré~~ que j'ai demandé la permission d'aller sur la grande route pour tuer les gens. » Je laissai la colère pater-

Theologes

Kangourou
min 1869

e)

de me chercher une ~~place~~ ^{pour moi} J'avais entendu dire au domestique que le fils de notre seigneur était bon, bienveillant. Aussi pensai-je que si, par l'intermédiaire de ~~Vladimir Gregorovitch~~ il voulait dire un mot en ma faveur, mon père pourrait bien prendre en considération une si haute protection et finir par consentir. Pourquoi, d'ailleurs, n'en pas faire l'essai? J'endossai mon paletot de nankin, cirai bien soigneusement mes souliers, me mis un foulard bleu au cou et partis pour la maison seigneuriale. Chemin faisant, je rencontrai le petit Léon:

— Petit Simon, s'écria-t-il, au bois... Léon a trouvé un nid de petits oiseaux... Il n'y a pas de mère... il faut chauffer, nourrir...

— Je ne puis pas, mon ami, j'ai affaire là.

— Où cela?

— Dans la maison seigneuriale.

— Oh! oh! dit-il en ~~sentillant~~ ^{babas}... Oh! oh! l'oncle Zacharie... on l'a battu.

Léon a regardé... L'oncle Zacharie est fort... c'est un imbécile... il est fort... grand... il s'est laissé battre... N'y va pas... on te battra.

— N'aie pas peur, je te dis que j'ai affaire.

Il me suivit longtemps du regard, puis il siffla pour appeler son chien et s'enfuit au bois; mais à peine eus-je fait vingt pas que l'idiot me rejoignit.

— Léon, va là... On battra son ami... Léon jettera une pierre.

«ДОКТОР КРУПОВ». ПЕРЕВОД, ПОМЕЩЕННЫЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЖУРНАЛЕ
«REVUE FRANÇAISE»

Страницы журнала с правкой рукой Герцена, сделанной при переиздании перевода
в «Kolokol», 1868 г.

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

⁴ В письме к М. Мейзенбуг, написанном в тот же день, 13 апреля 1868 г., Герцен писал (цитируем в переводе с французского): «Я пробежал последнее произведение Ренана («Современные вопросы»). На двести страниц наберется страниц двадцать хороших. Когда вы отвернетесь от этого ученого, скучного доктринара, ни раба, ни свободного... и идеалиста еще большего, чем вы?» (XX, 230).

⁵ Это письмо Огарева к Герцену неизвестно.

⁶ Использовано в заметке «Дуван», напечатанной в «Kolokol», №№ 5—6, от 15 мая 1868 г. (русское прибавление).

⁷ Весной 1868 г. Герцен перепечатал в «Kolokol» (№№ 4—6) со своими исправлениями французский перевод «Доктора Крупова», появившийся в 1858 г. в «Revue française» (перевод Аксенфельда). См. XX, 177 и XXI, 224.

15

<Ницца. Май 1868 г.>

Я, как Ст<р>афорд¹, — je me laisse exécuter en gentleman * и Базарова сдаю в железную оружейную палату до иного времени². Может, долею ты прав, а долю неправую я жертвую. Я нарочно разграничил базаровщину с нигилизмом, — к нему только отчасти принадлежали Мих<айлов>, Доброл<юбов> и Чернышевский. Тебе Мерч<инский>, вероятно, сказал, что Писарева Чернышевский назвал стрижем³, — ты его и похерил. А будто ты не видишь, что *его-то тип* Базарова и есть настоящий. Антонович его затушеввал⁴, а Писарев так и выbleвал, как съел. Да, это идеал всей ракальи нигилизма.

Ты их побаиваешься и жалеешь.

Я их ненавижу и желал бы осмеять.

А что меня возмущает их неблагодарность — ко всем прошедшим деятелям и в том числе к нам — это чувство верное, и его краснеть нечего. Смешны люди, которые себя пересценивают, зато ведь и люди, не ценящие себя, по пробе, жалки.

Рано или поздно, — я надену на них дурацкую шапку, — но «Полярная» звезда на 1869 — не будет их лобным местом⁵.

Я ведь ждал их ответа, — и тогда развернул бы свои батальоны.

Засим кланяюсь.

6 часов утра

¹ Томас *Страффорд* (1593—1641) — английский реакционный политический деятель времен Карла I, член парламента, а с 1633 г. наместник Ирландии. В английской буржуазной политической литературе имя Страффорда было синонимом непримиримости и настойчивости: в данном случае Герцен, повидимому, имеет в виду мужественное и гордое поведение Страффорда на эшафоте.

² «Базаров» — статья Герцена «Еще раз Базаров» (XXI, 224—238). Намерение написать статью, в которой было бы высказано отношение к новому революционному поколению, возникло у Герцена в начале 1868 г. В письме к Огареву от 8 января 1868 г. Герцен сообщал, что он прочел сочинения Писарева, в частности, его статью о тургеневском Базарове, и, сетуя, что «порядком узнал этого Маккавеев петербургского нигилизма так поздно», добавил: «Может, я напишу что-нибудь об нем» (XX, 130). Повидимому, в феврале или марте Герцен начал работать над задуманной статьей. В апреле 1868 г. произошло столкновение Герцена с одним из представителей «молодой эмиграции», Н. А. Вормсом. Столкновение это вызвало резкие отзывы Герцена о «молодой эмиграции» и заставило его воспользоваться своей статьей о Базарове в качестве полемиического ответа на нападки «молодых эмигрантов» (XX, 259, 264, 266, 267, 268, 269). Намерение Герцена опубликовать своего «Базарова» встретило серьезные возражения со стороны Огарева, которые Герцен принял во внимание. 27 апреля 1868 г. он писал Огареву: «... „Базарова“ бросить не могу. Я его переделаю в письма и оставлю на год в портфеле» (XX, 262). Таким образом, Герцен отказался от своей статьи о «Базарове» в ее первоначальном варианте; об этом варианте мы теперь можем иметь некоторое представление по публикуемому письму, относящемуся, скорее всего, к началу мая 1868 г. В июне 1868 г. Герцен послал Огареву переделанную в письма статью (XX, 377, 382), которую он, по его выражению, «промыл»; Огарев он предоставил право редакторства («Вымарывай, что хочешь» — XXI, 9). Тем самым Герцен, повидимому исходя из соображений тактического порядка, учел справедливость протестов Огарева против его полемических выпадов в адрес «молодой эмиграции».

* позволяю казнить себя по-джентльменски (франц.).

Как известно, в статье «Еще раз Базаров» Герцен дал оценку Писареву и писаревскому толкованию Базарова как истинного представителя молодого поколения. Писарев, по словам Герцена, «в Базарове узнал себя и своих и добавил, чего не доставало в книге» (XXI, 224). «То, что Писарев говорит, я слышал и видел десять раз; он простодушно разболтал задушевную мысль целого круга и, собрав в одном фокусе рассеянные лучи, осветил ими нормального Базарова» (там же, 225). Герцен признавал сильные стороны в Базарове (см. его известное письмо к Тургеневу), но резко выступал против «базаровщины», против претендующей на революционность внешней, показной фразеологии некоторых представителей молодого поколения, против внешнего подражания Базарову. «Базаров нравственно выше последующих базаровидов», —

МИРНАЯ МАРСОМАНИЯ

Картина маслом А. В. Устинова, 1850-е гг.

Название, повидимому, заимствовано художником из повести Герцена «Доктор Крупов»
Третьяковская галерея, Москва

писал он в письме к Огареву от 7 мая 1868 г. (XX, 269). Герцена возмущало нежелание «молодой эмиграции» понять революционные заслуги деятелей прошлого; резкие нападки «молодых эмигрантов» на Герцена вызвали не менее резкие ответы с его стороны. Комментируемое письмо является образцом этой ожесточенной полемики, от которой, как мы указывали выше, Герцен в значительной мере отказался в окончательной редакции своего «Базарова».

В своем письме Герцен разграничивает «базаровщину» и «нигилизм». Термином «нигилизм» Герцен пользуется для условного обозначения всего революционно-демократического движения в России шестидесятых годов — его идеологии, его деятелей.

Еще в письме к М. А. Бакунину в 1867 г. Герцен указывал, что нигилизм — явление великое в русском развитии» (XIX, 331). В статье «Еще раз Базаров» Герцен пишет: нигилизм «стал доктриной, привял в себя многое из науки и вызвал деятелей с огромными силами, с огромными талантами...» (XXI, 238). Имен этих деятелей, за исключением Белинского, Герцен в своей статье не назвал, но он называет их (с некоторой оговоркой) в публикуемом письме — это Чернышевский, Добролюбов, Михайлов.

Как известно, Герцен высоко ценил значение революционной деятельности Чернышевского, Михайлова и их друзей» (XIX, 128); революционеров нового поколения он

называл «молодыми штурманами будущей бури» (XIV, 411). Прекращая «Kolokol», Герцен писал: «Есть молодежь, так глубоко, так бесповоротно преданная социализму, столь богатая смелой логиной, столь сильная научным реализмом и отрицанием во всех областях клерикального и правительственного фетишизма, что бояться нечего — *идея не погибнет*» (XXI, 187—188). Таким образом, Герцен с полной объективностью оценивал силу и значение русского революционного движения, русской революционной демократии шестидесятых годов и ее вождей: Чернышевского, Добролюбова, Михайлова.

К этой славной «фаланге» он относил, впрочем, судя по написанному им некрологу Писарева (XXI, 88), и самого Писарева.

³ «Стрижи» — термин, употреблявшийся в ожесточенной литературной полемике, которая развернулась в 1864 г. между «Современником», с одной стороны, и «Эпохой» Ф. М. Достоевского — с другой. Сатирический образ «стрижей» был создан не Чернышевским (арестованным за два года до начала полемики), а Салтыковым-Щедриным и был направлен не против Писарева, а против редакции «Эпохи» в целом и каждого из ее сотрудников в отдельности и ближайшим образом против Достоевского.

⁴ Максим Алексеевич Антонович (1835—1918) — литературный критик шестидесятых годов, сотрудник «Современника». Одна из наиболее известных его статей — «Асмодей нашего времени» («Современник», 1862, № 3) — была посвящена роману И. С. Тургенева «Отцы и дети». М. А. Антонович рассматривал тип Базарова как карикатуру на молодое поколение, утверждая, что И. С. Тургенев целиком на стороне «отцов».

⁵ Позднее Герцен передумал. 1 июля 1868 г. он послал своего «Базарова» Чернецкому (см. письмо к Огареву от 2 июля 1868 г. — XXI, 9), и статья появилась в 8-й книге «Полярной звезды».

16

6 июля <1868 г.> Понедельник.
Lucerne¹

Посылаю назад корректуру. Такого ужаса я не видал. Лучше оставить «Aphorismata»*. Посмотри, что за бессмыслицы ты пропустил и что за чудовищные ошибки... — от «вливать Ниагару» вместо «останавливать» до «теологической экзегемы» вместо (посмотри сам) экзегезы, — таких сотни! Но это вздор перед бессмысленными и усеченными фразами. Надобно сверить с оригиналом и, если это хлопотливо, — прислать мне то и другое, но пусть прежде Чернецкий посылит поправить². Нельзя ли хоть этот лист прочесть с Мерчинск(им)?!³

Может, рукопись плоха, но как же пропускать nonsens'ы**, лучше браковать.

Пусть придет рукопись, но я ставлю embargo*** и не позволю делать mise en pages****.

Дождь льет — гадко — холодно — мрачно — писать больше буду, когда найду отель — искать нельзя. Что ты за счастливец, что можешь по дождю ходить, как в хорошую погоду, я решительно не могу.

Иду с N<atalie> смотреть отель на горе — возле. Лиза кричит и торопит. — Прощай.

5 часов.

Прошу писать так:

Lucerne. Hôtel Belle-Vue.

Немного дорого, но сердито.

Тата будет около 10.

Дождь перестал на четверть часа.

¹ В июле 1868 г. Герцен сделал еще одну попытку найти постоянное местожительство — на этот раз в Люцерне. «Я природу Люцерна очень люблю, потому и избрал его центром» (XXI, 9).

* «Афоризмы» (греч.).

** бессмыслицы (англ.).

*** запрет (исп.).

**** верстку (франц.).

² Речь идет о корректуре произведения Герцена «Aphorismata. По поводу психиатрической теории д-ра Крупнова...» (XXI, 215). Подобные же жалобы на небрежность корректуры см. в другом письме Герцена (XXI, 17).

³ Мерчинский — эмигрант, был близок к Герцену и Огареву.

17

15 июля <1868 г.> Lucerne.
Belle-Vue

Письма в Берне никакого не получил, — ты не мог же иначе адресовать, как к Тхоржевскому. Могу спросить на почте. Что за белиберду ты пишешь, что за Туца требуют 80 фр. в месяц (т. е. 960 фр. в год)¹. Таких цен не существует, и я тебя прошу до Тхоржевского ничего не платить. Он сговорится* за 20 или 23 фр. Кого ты посылаешь торговаться? Скажи просто, что ты спросишь отца, и откажи в платеже. А Тхоржевский уладит. В Bellenheim'е цена пансионерки, живущей в пансионе, 700 фр., т. е. за девушку 15, 16 лет. Впрочем, интересно знать предлог, — можно в Берне и в газетах напечатать, потому что это эксплуатация.

Долгор(уков) торжественно доказал, что доктора ничего не знают. Он переживет не только роковые 10 дней, но 100, 200. И вылечился неистойвой едой, он с 6 утра ест, и пьет бордо, чай, кофе... в пересыпочку с мясом. Если он останется жив, я сделал faux pas **, ездивши к нему. Сын, конечно, не виноват, но все же он странный человек, и ряд виденных мною сцен просится в печальный роман русской безобразной жизни².

Еще к медицине, — в прошлом году, в Ницце, доктор великого князя приговорил гунявого Вормса³ к неминуемой смерти, — он жив и здрав. В том же году, в Флоренции все приговорили знакомого Мейз(енбург), Бердушка, а умер Матеучи⁴. Что знает медицина об эпилепсии?

К чорту попов тела, им дорога за попами духа! Для опыта я начал пить карлсбадскую воду.

Затем прощай.

Знаешь ли ты, что Алекс(андр) Никол(аевич)⁵ спяна, не спросясь никого, кроме Рейтерна, отдал Главному французскому обществу железную дорогу (Николаевскую), обещанную Московскому обществу⁶. Дол(оруков) jun(ior)*** говорит, что это всех поразило и что дан был avisо ****, чтобы журналы как можно меньше шумели.

Ауэрбахи⁷ говорят, что решительно никто не занимается «Колок(олом)» и не знает его. Видно, пора бастовать. Если нас и меня поминают, то по «Поляр(ной) звезде» и по «Былому и думам». Как я крепко ни держался, а не хочется воду толочь.

Ну что же дает Мечников и что его пятый лист?⁸

Мне пишет какой-то незнакомец, ищущий переводчика, который бы отлично знал по-франц(узски) и по-англ(ийски) или по-франц(узски) и итальянски, — пусть бы Мечников сказал свои кондиции. Работы на целые годы.

Прощай.

Тхорж(евский) всё еще отдыхает здесь.

На каком основании, несмотря на мою просьбу, Чернец(кий) не посылает мне отпечатанных листов «Пол(ярной) зв(езды)» по два экземпляра?⁹

Статью о Рылееве для «Кол(окола)» пошлю на твое имя¹⁰.

NB. Не пиши на твоих письмах Suisse*****, пока ты не уехал из Швейцарии.

* В подлиннике: сговорился

** ложный шаг (франц.).

*** младший (лат.).

****: уведомление (итал.).

***** Швейцария (франц.).

¹ Огарев намеревался поместить жившего у него внука Герцена, Туца, в один из женевских пансионов.

² В июне 1868 г. П. В. Долгоруков сильно заболел; при нем находился его сын, В. П. Долгоруков. По просьбе больного Герцен приехал к нему в Берн. Подробнее об этом см. в других письмах Герцена к Огареву за этот период (XXI, 13, 16, 17, 19—22) и в наст. публикации письмо № 18.

³ Николай Александрович *Вормс* (1845—1870), поэт, сотрудник «Современника» и «Русского слова», с 1866 г. — эмигрант.

⁴ Карло *Матеучи* (1811—1868) — известный итальянский физик, профессор Болонского и Флорентинского университетов. В 1862—1863 гг. — министр просвещения. Отклик Герцена на смерть Матеучи — см. XX, 390.

⁵ *Алекс<андр> Никол<аевич>* — царь Александр II.

⁶ Михаил Христофорович *Рейтерн* — министр финансов. Передача Николаевской железной дороги французскому обществу осуществлена не была.

⁷ Кого Герцен имеет здесь в виду, установить не удалось. В письмах Герцена второй половины шестидесятых годов встречаются фамилии Ауэрбаха и Баха, приезжавших за границу из России и посещавших Герцена. М. К. Лемке без каких-либо оснований и мотивировок считал, что Герцен в своих письмах именует Ауэрбахом — будущего народовольца и знаменитого русского химика А. Н. Баха. Ошибочность этого утверждения очевидна: А. Н. Баху в 1868 г. было 11 лет. Вероятно речь идет или об Александре Андреевиче *Ауэрбахе* (1844—1916), известном горном инженере, неоднократно бывавшем в эти годы за границей, или о его брате, Германе Андреевиче Ауэрбахе, и его жене, писательнице Юлии Федоровне Ауэрбах, авторе ряда повестей, напечатанных в русских журналах (см. И. Т и м е. А. А. Ауэрбах (некролог). — «Горный журнал», 1917, т. I, стр. 182—185).

⁸ О намерении Л. И. Мечникова участвовать в «Kolokol» и «Полярной звезде» Герцен сообщил Огареву 8 июля 1868 г. (XXI, 14). В №№ 9—13 «Kolokol» была напечатана большая статья Мечникова: «Les antagonistes de l'état en Russie».

⁹ В июле печаталась восьмая (последняя) книга «Полярной звезды».

¹⁰ Статья Герцена «Кондратий Рылев и Николай Бестужев» помещена в № 11 «Колокола» от 15 августа 1868 г. (XXI, 46—57).

18

<Lucerne. 16—18 июля 1868 г.>¹
Lahers (?) intellig.

Долгоруков выздоравливает. Фогт его сажает на молочное лечение. Сына он прогнал. Он ездил в Интерлакен и уехал в Париж. — Я, если отец оживет, не намерен продолжать знакомство с ним. Это всё².

Тхорж<евский> в понедельник едет в Женеву.

Café du Lac. 5 часов

Итак, ты думаешь, что *Мрочковский* женился, что *его* жена хороша — ха, ха, ха... Ну, а что скажет Оболенская? Ха... ха... ха...³

Addio.

¹ Дата комментируемого письма устанавливается на основании упоминания о предполагаемом отъезде Тхоржевского в Женеву «в понедельник» (приходившийся на 20-е число), а также из сопоставления с предыдущим письмом от 15 июля.

² П. В. Долгоруков умер 17 августа 1868 г.

³ Валерьян *Мрочковский* (1840—1889) — польский эмигрант, участник восстания 1863 г., ближайший сотрудник Бакунина; вместе с Бакуниным принимал участие в борьбе против I Интернационала. Зоя Сергеевна *Оболенская* — дочь гр. С. Н. Сумарокова, гражданская жена Мрочковского.

19

6 августа <1868 г.> Четверг.
Zürich. H<ôte>l Belle-Vue

Всё получил. Хотя и не следовало посылать часть — *poste rest<ante>*, часть — *Hôtel Baur*. Разумеется, и деньги получил и «Вестник»¹. Polemica

PARIS GUIDE

PARIS

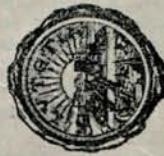
LES PRINCIPAUX ÉCRIVAINS

ET ARTISTES

DE LA FRANCE

DEUXIÈME PARTIE

LA VIE

PARIS

LIBRAIRIE INTERNATIONALE,
16, BOULEVARD MONTMARTRE

A. LACROIX, VERBOECKHOVEN ET Cie, ÉDITEURS

A Bruxelles, à Leipzig et à Linz

1897

1897

PARIS. — LA VIE

peuvent être un à un leurs dévoués, plutôt à un seul qu'à plusieurs. Mais, à tout le monde, à tout le parti, à tout le grand public, plus qu'à aucun, qui renouvent à votre base les hautes idées de la guerre de 1870. Ils ont de la peine à se parler. Si, cependant, vous allez à l'assemblée de l'Union française? Tel qui a déjà un pied dans la tombe s'oblige lui-même et ne craint que pour son voisin.

LA COLONIE RUSSE

PAR

ISKANDER (A. Herzen)

Cher ami, vous me renvoyez au collier très-cavalierement comme un pendeloque... moi je rigole légèrement en Suisse, je ne ris pas à tout le monde, et tout à coup vous m'écrivez: « Vos papiers, s'il vous plaît! — Quels papiers? Des certificats, des comptes au crayon, au charbon, à la plume! Des croquis de quoi? — *Mais des Ruzsés à Paris!* »

Mais, cher ami, vous avez tout ouï-dit à l'exception de ma personnalité. A quoi pensez-vous donc? Je ne connais ni les Russes contemporains, ni Paris, ni l'Etat, ni les gens, que des souvenirs, des fleurs sèches, des carcasses à demi effrées, à demi dévorées d'insectes. Savez-vous qu'il y a bien vingt ans que nous deux peletons du Nord, j'en trait pour la première fois à Paris, et qu'il y a déjà quinze ans que son climat m'est devenu malsain.

Où, c'était au mois de mars 1847 (1), j'avais une vieille et pauvre chambre au Hotel du Rhin et je travaillais. L'homme soulevé au bronze, les bras croisés, le chapeau orné de 27 fait devant moi sur une colonne. Or, c'est vrai, c'est une réalité — je suis à Paris — à Paris et tout le sang me monte à la tête!

Un sentiment exalte pourtant, que les aborigènes de Paris ne connaissent pas, eux qui ont tout éprouvé, jusqu'à la fatigue,

(1) L'année où, de la prison de Saint-Petersbourg, on me fit venir à Paris. — (2) Un jour de l'été 1848.

Doni Ulman
Alexandre Kozlov
P. Morikawa
L. Berandev
Ed. Allen Shleg
Charles Schenck

« ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ПАРИЖУ », ИЗДАНИЙ В СВЯЗИ СО ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКОЙ 1867 Г. ЗДЕСЬ БЫЛА ПОМЕЩЕНА СТАТЬЯ ГЕРЦЕНА «РУССКАЯ КОЛОНИЯ».

Титульный лист и страница книги с факсимиле Герцена и других участников сборника и началом статьи Герцена

С<ерно>-Сол<овьевича> и их брань меня истинно утешает, — наконец-то они перегрызут друг друга. Удивляюсь одному — смирению обругиваемых².

Само собой разумеется, что я ни в каком случае, никогда (до получения тобой наследства) не вычту 500 фр<анков> из твоих денег, которых едва тебе хватает на житье. Но почему возможность, что Мерч<инский> не отдаст, тебе представилась *теперь*, а в первом письме ты так решительно говорил, что, казалось, и сомнений не было?³ Если кто-нибудь узнает — беда! Впрочем, Женева становится всё невозможнее — что за сток грязи! — Наконец и Булевский!⁴ А пророс, на польском открытии памятника 16 августа Кинкель будет говорить речь⁵.

Не могу понять, как ты удержался и не прочел записки, отданные Касаткиной?⁶ Конечно, лучше бы было мне их прислать, но теперь поздно. 15 мы в Prangins. На небе, как говорит Напол<еон>, есть немало *черных точек*. N<atalie> очень досадует на Сашу за то, что он не известил ее о своем браке⁷, а несмотря на мой совет он едет и, вероятно, очень скоро, в Швейцарию. Свиданье это приведет к дурному. И зачем оно? Я сколько ни улаживал, сделал мало, а тут Мейз<енбург> пишет, что с Ольгой заедет к тебе в Женеву. Истинно, если б меня кто-нибудь выпутал из всего этого, я в ноги бы поклонился. Заметь, что никто (ни даже Тата, о N<atalie> я и не говорю) нисколько не берет в расчет, чего я хочу, а все делают на свой салтык. Вот казнь за наше непониманье иерархии, семейного авторитета и за проповедь анархии — словом и делом.

Где Тхоржевский — неуловимый?

Иду за письмами.

12 часов

Едем в Wesen, и вот маршрут:

7 — пят<ница>.

8 — суб<бота>.

9 — воскр<есенье>.

10 — Фрибург.

11

12 } — Fribourg.

13 }

9 — я заеду в Цюрих — узнать о письмах.

Вернее писать в Фрибург, туда же Тхоржевский может прислать на мое имя посыл.

2-й экз<емпляр> «Современ<ности>» получил.

Письмо написано во время путешествия Герцена вместе с Н. А. Тучковой-Огаревой, Татой и Лизой по Швейцарии (XXI, 35).

¹ Вероятно, речь идет о номере «Вестника Европы», в котором была опубликована статья о Кельсиеве (см. следующее письмо).

² В 1868 г. в Женеве, под редакцией Л. И. Мечникова и Н. Я. Николадзе, начал выходить журнал «Современность», издававшийся группой русских эмигрантов. Об отрицательном отношении Герцена к этому изданию см. в его письме к Огареву от 5 июля 1868 г. (XXI, 11). Против «Современности» выступил и один из виднейших руководителей «молодой эмиграции» — А. А. Серно-Соловьевич. В брошюре «Микола-публицист» он подверг жестокой критике статью Н. Я. Николадзе «Русская эмиграция», которая была помещена в № 3 «Современности». Об этой полемике и пишет Герцен.

³ Мерчинский задолжал Герцену и Огареву 1000 франков (XXI, 30).

⁴ Людвиг Булевский — польский эмигрант, неоднократно выступавший против Герцена.

⁵ Повидимому, Герцен пишет об открытии какого-то памятника в польской колонии в Рапперсвиле, близ Цюриха (может быть, в связи с 20-летием познанского восстания). О Кинкеле см. в наст. томе комментарий к адресованному ему письму Герцена.

⁶ О каких «записках», полученных от жены В. И. Касаткина, Елизаветы Васильевны, здесь говорится — установить не удалось. В более ранних письмах Герцена, к Тхоржевскому, от 4 июня 1868 г. (XX, 306) и к Огареву, от 30 июля (XXI, 30)

встречаются упоминания о какой-то «рукописи», которую, по мнению Герцена, «необходимо было достать» и которую он был согласен купить у Касаткиной, а также о какой-то ее «статейке», предназначенной для «Kolokol».

⁷ А. А. Герцен женился на Терезине Феличе в июле 1868 г.

Н. А. ТУЧКОВА-ОГАРЕВА
Фотография начала 1860-х гг.
Литературный музей, Москва

20

11 августа (1868 г.). 7 утра
Берн. Hôtel de Bern, № 2

Я здесь остановился на несколько часов, — по крику всех о Карлсбаде. Не верю, но пойду к Фогту. Чирьев нет, вода мне помогла, — чего ж еще?¹

Но, пожалуй, и ушлют.

Всё же не до Prangins.

В Berent было очень хорошо. Прощай. Всё в Цюрихе исправно получ(ил).

Кому переводить теперь Потапку²? — «Колок(ол)» может опоздать дня три.

Еду сегодня вечером в Фрибург, а если очень нужно завтра, omni casu * к субботе буду в Prangins. Сообща Тхоржев(скому).

Еще напишу.

Кельсиев забавен³.

¹ В 1868 г. врачи обнаружили у Герцена признаки диабета. Доктор А. Фогт, обычно его лечивший, рекомендовал диету и поездку в Карлсбад или Виши.

² Повидимому, «Потапкой» Герцен называет свою статью «La manie de délation» («Мания доносов»), напечатанную в № 11 «Kolokol» (вышел с датой 15 августа 1868 г.). В статье упомянуто, хотя и мимоходом, имя А. Л. Потапова — руководителя тайной полиции при Александре II. Вопрос Герцена: «Кому переводить теперь Потапку?» — показывает, что свои статьи для «Kolokol» он писал по-русски и давал затем переводить.

³ Речь идет о книге В. И. Кельсиева «Пережитое и продуманное», получившей резко отрицательную оценку даже в русской подцензурной печати. В письме к Огареву от 4 августа Герцен пишет, что отказывается поместить отзыв об этой книге в «Kolokol», и аргументирует свой отказ тем, что «Вестник Европы» ошельмовал Кельсиева «мастерски — и довольно» (XXI, 35). В «Вестнике Европы» был напечатан отзыв А. Н. Пышина. В № 11 «Kolokol» появилась только заметка Герцена «Экс-эмигрант Кельсиев» с кратким упоминанием о книге (XXI, 67).

21

12 августа <1868 г.>. Фрибург. Zeringhof

Всё получил. Еду завтра. В Берне, разумеется, был прежде Фрибурга. Фогт требует Карлсбада. Сахар растет, вес удельный урины растет. Сыпь перебегает по телу. — Здоров, как бык. В австрийском посольстве сказали, что затруднений нет¹.

Фогт отсрочил поездку до начала сентября.

Завтра в Prangins.

Насчет Салтыков (не Мих. Ал. (?)) не согласен и вижу в тебе того же анархиста, который уанархил свою жизнь и не одну свою **2.

Саша писал и примирился с Н(атали), кажется.

В Женеве буду 15 или 16. Тогда на словах ответь.

Анекдот о Женеве.

Поез, с которым ехал из Берна.

¹ Кроме австрийского посольства в Берне, Герцен обращался письменно в Вену к министру внутренних дел с запросом о возможности беспрепятственно отправиться на лечение в Карлсбад (см. об этом выше в наст. томе).

² Этот абзац — ответ на неизвестную нам реплику Огарева по поводу следующих слов Герцена о своем положении в семье: «Заметь, что никто (ни даже Тата, о N(atalie) я и не говорю)нисколько не берет в расчет, чего я хочу, а все делают на свой салтык. Вот казнь за наше непониманье иерархии, семейного авторитета и за проповедь анархии — словом и делом» (см. письмо от 6 августа 1868 г.). В другом письме Герцен по поводу неурядиц в семье писал «об эквilibрации салтыков» (см. письмо от 14 августа 1868 г.). Таким образом, очевидно, что «Салтыков» — слово, звучащее как фамилия, — представляет собою родительный падеж множественного числа от слова *салтык* — лад, склад, нрав. Начертание же слова с прописной буквы, «под фамилию», понадобилось, очевидно, для какой-то игры слов (в сочетании с нераскрытыми инициалами в скобках «Мих. Ал.»).

22

14 августа <1868 г.>. Château de Prangins. Nyon

Хорошо — и, без сомнения, при покое, лучше Карлсбада для лечения, — вроде Буасьер, но обширнее видом и всем. Комнаты широки, высоки и удобны. Я с тобой в rez-de-chaussée ***, есть для тебя кресло на колесах.

* во всяком случае (лат.).

** Тут неразрешимая антиномия — ум ее снимает балансом, мерой. — *Примеч. Герцена.*

*** первом этаже (франц.).

Едет сюда и Мейз(енбург) с Ольгой, кажется, и Саша с *Weib und Kind** наверно, что это конгресс omnium** — начало ли разлуки со всеми, или что? Саша письмом много поправил. N(atalie) хотела бы сама (испуганная болезнью) мира — но... но всякая безделица будит дикую сторону ненависти или просто дерзости. Вот тут и философствуй об эквилибрации*** салтыков¹, — когда нужно действовать, сохранять... пропитывать. *Отказаться* от всего — и ждать, когда условия жизни и мозгов дозvoлят уравновешение, можно. Но если хочешь спасти — то Лизу, то Тату — устроить какую-нибудь жизнь, сносную для себя и десяти других, когда видишь, что без тебя всё рухнет, — тогда надобно иметь волю или страдать... проклиная свою слабость. Ты был поставлен необыкновенно счастливо нравом и обстоятельствами. Мимо тебя всё идет, не зацепляясь; всё на свете понимая глубоко, ты выходишь сух из воды. Отсутствие детей сняло с тебя страшные вериги; вымышленные отношения всё же легче. Вместо крутой раздражительности, невольно берущей мелочи к сердцу, у тебя кроткий и безмерный эгоизм, и притом до нежности гуманный. Внешний ветер не подымает злую тину со дна, а только подергивает темнотой зыбь. Тебе иерархическая власть была не нужна, ты никого не вел, не тащил, и если попал в беду, то попал один. [Тут] антиномия авторитета и воли. Всё скверное, что разрушено, разрушено волей против авторитета. Всё хорошее, что *создано*, создано *авторитетом*. Ты славно ломал, без шума; я не умел ни того, ни другого, — и попусту шумел.

Воскресенье делает нелепым поездку в субботу, — ничего не могу ни купить, ни сделать, а потому приеду в воскресенье вечером, в понедельник до 3 сделаю все комиссии, и в 5 можем ехать. Таинственный русский² может видетъся со мной в воскресенье.

Приглашать сюда надобно *sobriement*****. Да и дорога от станции желез(ной) дороги очень длинна. Это недурно, я истинно мало имею желанья видеть русских и прусских — и очень желаю знать, что за любопытство о литературе он тебе сообщил.

¹ См. примеч. 2 к предыдущему письму. Чем кончился этот «семейный конгресс», из переписки Герцена и Огарева не видно.

² «Таинственный русский» — критик и публицист А. П. Пятковский, о котором см. выше в настоящем томе.

23

18 <сентября 1868 г.>. Пятница — Париж.
Grand Hôtel du Louvre, № 221

В воскресенье или понедельник я еду в Виши, на пять недель; осмотревшись там, я прежде заеду в Лион встретить Nat(alie) и Тату и посмотрю, что лучше — или остаться (как я думаю) в Лионе, или ехать в Виши. Виши дальше, чем я думал, 4 часа езды от Лиона.

Ботк(иным)¹ я доволен до (чтобы тебе сделать понятным) *n* + единичной степени². Я на досуге тебе опишу весь осмотр организма, от слуха и зрения до шекотанья пяток. Теперь главные результаты, и наскоро.

1. В диабете сомнений нет. Четыре разложения, сделанные им при мне, доказывают излишний сахар. Он научил меня самого примерно разлагать урину и советует купить *Polarisation's Apparat*****, о чем я писал Сахе.

* с женой и ребенком (нем.).

** всеобщий (лат.).

*** равновесии (лат. «*aequilibris*»).

**** с воздержностью (франц.).

***** Аппарат для поляризации (нем.).

2. Диабет не лечится, но значительно контрбалансируется дистой и водами.

3. Организм так силен, что восполняет без труда уносимое сахаром. Нет никаких признаков, чтоб болезнь приняла быстрое направление — без особых психических потрясений. Б(откин) считает всю болезнь идущую от мозга.

4. Запускать болезнь нельзя ни под каким видом. Карлсбад ослабит без нужды, а потому Виши (пить и ванны). Если будет весной уменьшение, снова пить Виши; если будет увеличение сахара, ехать в Карлсб(ад) и, во всяком случае, ездить каждый год, если сахар не уничтожится, в Виши или в Карлсб(ад) (это всего скучнее).

5. Диеты глупой не требует. Одно мясо может опротиветь, он допускает и фрукты и хлеб в малом количестве. Пиво уничтожено, водка — homeopathisch *, красное вино дозволено. Вот и всё.

Теперь кое-что о тебе.

1-ое. Б(откин) спрашивает, принимал ли ты *бромистый потасий*?

2. Он Люке очень уважает и верит ему, как Нелатону и Лангенбеку³. Посоветоваться с ним советует и для этого съездить в Берн, чтоб тому было досужно. Он думает, что усилие пути — безвредно. Насчет дальнейшего он меня снабдил рядом вопросов самому Люке. Я, разумеется, буду при консультации.

Вот и финал.

Вас(илий) Боткин лежит здесь без задних и передних лап, весь в ревматизмах. Ник(олай) Ботк(ин) тоже здесь. Я их не видел⁴. С доктором я провел всё время, мы вместе обедаем и проводим вечер. Он замечательный человек.

Об Мерчинс(ком) (которому кланяйся и благодари очень) он говорит, что он в ужасном положении, и советует нам уговаривать его ехать в Россию.

Скажи Тхор(жевскому), что в доме Rotsch(ild'a) говорят, что Lombard не имел права так поступить и что княжий сын имеет право сделать ему процесс⁵.

Я тебе писал в кафе 16-го, это второе письмо.

Сегодня обедаем у Вефура с Белогол(овым)⁶ и Ботк(иным).

О том, чтоб Ботк(ину) платить, и думать сметь нельзя. Он ужасно к сердцу принял и мое доверие и просто меня, — больше, чем я ожидал.

Ты можешь писать или в Vichy (poste restante) или в Lyon, Hôtel de l'Europe, во всяком случае, там или тут получи.

12 часов.

Чемоданом я всё-таки не очень доволен — скверные ремни, пусть пан скажет ему. Разве это не тот ли, который он отдавал за 80? Или 90?

¹ Сергей Петрович Боткин — знаменитый врач-клиницист.

² Ирония: Огарев любил прибегать в письмах к математическим формулам.

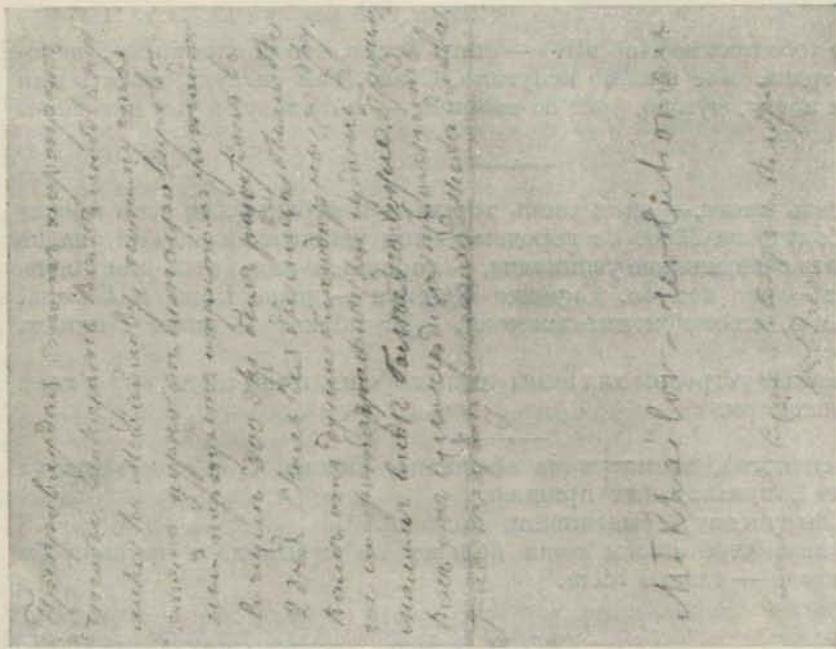
³ Георг-Ильберт Люке, Огюст Нелатон и Бернар-Рудольф Лангенбек — известные европейские хирурги. В подлиннике последняя фамилия, вероятно, по ошибке: «Лангебейн».

⁴ С. В. П. Боткиным Герцен встретился 20 сентября 1868 г. Об этой встрече и о том, что Боткин ему «ненавистен», он тогда же писал Огареву (XXI, 91).

⁵ «Княжий сын» — Владимир Петрович Долгоруков. Речь идет, вероятно, о каких-то его денежных притязаниях после смерти отца, кн. П. В. Долгорукова.

⁶ Николай Андреевич Белоголовый — врач и литератор, сотрудник «Колокола», мемуарист. В известных «Воспоминаниях» Белоголового (СПб., 1897, стр. 567) описаны его встречи с Герценом в Париже, в 1868 г.

* гомеопатическими дозами (нем.).

М. Л. МИХАЙЛОВ

На обороте портрета надписи неуставленного лица, свидетельствующая, что портрет был прислан Герцену из России: «Препровождаю этот портрет, чтобы показать Вам любовь, публики к Михайлову, потому что этот дурно ослитограрированный портрет, и притом не тайно, в числе 300 экз. был разобран в 2 дни. Сколько же бы лица были бы Вам от души благодарны за другое его фотографическое издание в малом виде, более похожее. Просим Вас от всего сердца исполнить желание уважающих Михайлова»

Центральный государственный архив Октябрьской революции, Москва

24

⟨Цюрих.⟩ 28 нояб⟨ря 1868 г.⟩. 11 вечера

Посылаю тебе письмо Nat⟨alie⟩ — опять отлив, что за сломанное, исковерканное сердце. Мое письмо испугало. Стало, сам рассуди, писать или нет. Итак, я поеду, думаю, так: во вторник — в Женеву, а там дня через три — в Ниццу.

Домов здесь много, — один очень хорош, — с мебелью, со всем просят 2500, — отд⟨адут⟩ за 2250. За городом — вид удивительный, кантона на три. Но всё это совершенное уединение, — хорошо ли для Таты, для Ольги и для Лизы — вот вопрос. Скучнее Цюриха — разве Берн и Базель. Всё угрюмо и, кроме политехникона, — *jaq picks* * — разве Кинкель и Лион!

Комнаты везде устроены для зимы очень хорошо, и так тепло, что у меня начинается насморк.

От Чернец⟨кого⟩, несмотря на обещание, ничего. В «Голосе» статья о «Колоколе»¹, привезу или пришлю.

Письмо Выруб⟨ову⟩, смягчивши, подточил².

Скажи пану, чтоб писем сюда больше не посылал, а оставил бы до моего приезда — газеты *idem*.

29 ⟨ноября⟩, воскр⟨есеень⟩. Перед обедом

Не мог спать всю ночь от духоты, — нет, топленные комнаты не для нас писаны, я уж сегодня раскрыл двойную раму; да, Мейзен⟨буг⟩ здесь швелгировала ** бы.

«Колок⟨ол⟩» надобно, послед⟨ний⟩³, разослать по радикальным редакциям:

«La liberté»

«L' temps»

«Daily news»

«Siècle»

«Revue de d⟨eux⟩ mondes»

«Revue moderne»

«Opinion nationale»

и что вспомнишь еще.

Не хочешь ли в смесь «Родичева» в посылаемом «Голосе»?⁴

¹ Герцен имеет в виду корреспонденцию Н. Родионова из Женевы от 30 октября 1868 г. об упадке влияния «Колокола» на русское общество и о расхождениях, возникших между издателями «Колокола» и русскими эмигрантами («Голос», 1868, 10/22 ноября 1868 г., № 311).

² Статья Герцена «Ответ г. Вырубову», опубликованная в «Supplément du Kolokol» (15 февраля 1869 г., фактически вышел 18 февраля). Статья явилась ответом на открытое письмо Г. Н. Вырубова, опубликованное в № 14 «Kolokol» за 1868 г. Вырубов протестовал против причисления его Герценом к «нигилистам». Поводом для такого наименования послужило выступление Г. Н. Вырубова на Бернском конгрессе «Лиги мира и свободы» осенью 1868 г. (см. «Kolokol», № 14).

³ Последний номер французского «Kolokol'a» — № 14/15 — вышел 1 декабря 1868 г.

⁴ В № 311 «Голоса» от 10/22 ноября 1868 г. была помещена заметка о том, что «весьегонский мировой посредник 4-го участка г. Родичев, взыскивая с крестьян выкупные недоимки, которых они заплатить не могли, пересек несколько деревень огулом». В «Смеси» «Колокола» этот материал использован не был.

* совсем ничего (нем. диалект).

** наслаждалась (нем. «schwelgen»).

1 января 1869 г. Ницца

Ну вот и с новым годом. Как ты встретил? Я — скучно, — не от физических болезней, а от психических, которые идут опять *crescendo**. В новом году лучшего ничего не будет, и я, чтоб улыбнуться, смотрю назад в анфиладу 59—49—39 и до 1829 (год вступления в Университет). Я вчера Лизе читал в «Был(ом) и д(умах)» мою встречу нового года 1838 с Матвеем на станции между Казанью и Нижним. *Fuimus!* **.

Посылаю Чернецкому корректуру; бумаги Долгор(укова) без заглавия, без хронол(огического) порядка *** — очень безобразны. Да куда вы это всё торопитесь — и отчего такой недосуг? Ни вариаций шрифта, ни вообще типографского кокетства нет ни тени у Чер(нецкого), но это не мешает иметь нам и зависит чисто от вниманья. К чему издавать прибавл(ения) к 12 — можно к 22, и вообще есть маржа**** до 31 января — месяц целый¹.

Вот и твое письмо от 29 — вместе с письмом от Тхор(жевского) от 30². Я думаю, что к новому году и к праздникам увеличивается переписка так, что почта теряет голову.

Неужели у тебя нет никаких занавесок, что ты бегаешь от солнца? если нет, — спроси у Тхор(жевского), нет ли стор у нас.

Я никогда не воздерживал антиолигархического задора.

Au fond****, Майор³ взял немного, что же тебе противно и малопомятно?

Русскую корр(ектуру) посылаю тебе, — распорядив заглавия и прибавив анекдот об Орлове⁴, отошли Чернеп(ому), *mise en pages****** я требую.

Если нужно будет, отбери из семейных бумаг Дол(горукова), что можно уступить Долгорукой. Это не хитро.

Что за ушиб Мери? Передай *happy New Year******.

Еще прививная оспа ничего не сделала.

N(atalie) болезнь идет, как у Таты, своим медленным шагом. Она постоянно сердится⁵.

¹ В январе Герцен и Огарев были заняты подготовкой «Прибавления» — «*Supplément du „KoloKol“*», вышедшего в феврале 1869 г. В нем были опубликованы материалы из архива П. В. Долгорукова: «*Documents et papiers du prince Pierre Dolgoroukoff*». «Письма Дубельта» в этом «Прибавлении» нет.

² Письма Огарева от 29 декабря и Тхоржевского от 30 декабря — неизвестны.

³ Майор (Майер) — женевский врач-хирург, леивый Огарева.

⁴ Анекдот об Орлове и его споре с графом З. Г. Чернышевым находится в «*Supplément du „KoloKol“*» в заметке «Из записок Карабанова (известное предание графини Анны Иродионовны Чернышевой)»; эта заметка, входящая в раздел публикации архива Долгорукова, напечатана по-русски; оттого Герцен пишет о «русской корректуре».

⁵ В декабре 1868 г. Тата и Наталья Алексеевна были больны ветряной оспой.

(Ницца.) 9 янв(аря) 1869 г. Суббота

Так как писать нечего, то я хочу блеснуть бумагой¹. Бюльтевей о здоровье до чьей-нибудь болезни посылать не буду.

О Мартьянове помянуть хорошо², но фраза как-то больно перлашезинская или ваганьковская вышла³. Ее только справь.

Кине писал — на его милое письмо, Нефтелю писал по тем же конси-деранам*****⁴.

* I озрастая (итал.).

** Были мы! (лат.).

*** Письма Дубельта нет в наборе. — *Примеч. Герцена.*

**** достаточно времени (франц. «*matge*»).

***** В сущности (франц.).

***** верстку (франц.).

***** Поздравление с новым годом (англ.).

***** соображениям (франц. «*consid.rant*»).

Написал статейку вроде промемория Бакун(ину) — можно в «Пол(ярной) зв(езде)» напечатать. При случае пришлю⁵.

О «Неделе» ни слуха ни духа — ты прислал как-то старые №№, которые я читал в Женеве, и не знаю отчего даже есть двойные. Я ждал, будет ли моя статья и как будет, — и теперь жду. Прежде ничего им не пошло⁶. Есть ли вести о Мерчинском?

10 (января). Воскресенье

На «Монитера» я запнулся и жду окончательный расчет за «Кол(окол)» и прибав(ления). Мы уже забрали у Георга на 600 фр. вперед. «Москов(ские) ведомости» совсем лишние — в счетах Георг для меня не делает никакой скидки⁷.

Лиза сегодня опять перешла в свою комнату. Кажется, эпидемия прошла.

Перечитал две-три повести Бал(ь)зака — и очень доволен. Как все изменилось с 30-х годов! Другие люди, другие интересы. При всех недостатках Бал(ь)зак — великий мастер, в нем есть диккенсовские картины. Я понимаю, почему Тен недавно писал о нем. Мир, о котором писал Б(альзак), это тот скрытый под мозаикой гной и навоз, из которого выросли новые поколения.

Addio.

¹ Письмо написано на лощеной лиловой бумаге в клетку.

² Герцен имеет в виду статью Огарева «Голод и новый год», в которой содержится упоминание о П. А. Мартыанове, умершем в Сибири, на каторге, в 1865 г. Слова Герцена являются ответом на вопрос Огарева в письме от 7 января (1869 г.): «Что значит твой Sta viator насчет моего примечания о Мартыанове? Всё ли его похерить или что изменить — я не понимаю? Мне кажется — что ж делать, что больно, лучше же пусть будет больно, но немножко воскресить память недюжинного человека» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 501—502).

³ Фраза как-то больно перлашезинская или ваганьковская вышла — Père Lachaise — кладбище в Париже; Ваганьковское кладбище — в Москве.

⁴ Письмо к Эдгару Кине от 8 января 1869 г. сохранилось (XXI, 270—273); письмо к д-ру В. Ф. Нефтелю в Америку неизвестно. См. в т. 62 «Лит. наследства» публикацию писем Нефтеля к Огареву.

⁵ В январе 1869 г. Герцен написал обращенную к Бакунину полемическую статью «Между старичками» — первоначальную редакцию писем «К старому товарищу». Сохранившаяся часть статьи «Между старичками», в целом остающейся неизвестной, публикуется впервые в наст. томе.

⁶ О сотрудничестве Герцена (под псевдонимом «И. Нионский») в петербургском журнале «Неделя» см. выше в наст. томе

⁷ 3 января 1869 г. Герцен писал Огареву, что необходимо пересмотреть список выписываемых журналов и газет и по возможности сократить его (XXI, 269). Георг — женевский книгопродавец.

27

(Ницца.) 12 января (1869 г.). Вторник

Semper idem * — по-русски «всё так же идем», — и всякий материал для писания иссякает. Очень ждем «Неделю», «От(ечественные) зап(иски)», пожалуй и «Вестник Европы». Работается мало — так уж читать.

Тата всё еще татуирована и не может выходить, кроме сада, — сколько я мекаю — это еще на месяцы (она занемогла 26 нояб(ря)) хватит. N(ата-ли) совсем поправилась. Лиза толстеет и ест на славу.

Здесь сын петербургских лавочников Милютин¹. Он давал для ницпардов праздник, стоивший 40 000 фр., и дает обеды по 100 фр. с рыла. Жду, когда его за это проучат в Мопасо. И прусский принц² был на его празднике, и все.

13 января. (Среда)

И русский новый год — для вариации к оному явился и Вырубов, с которым вчера проспори́л целый день. Когда будешь посылать что-

* Всегда то же самое (лат.).

ПИСЬМО-ОПРОВЕРЖЕНИЕ, АДРЕСОВАННОЕ ГЕРЦЕНОМ РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «LE NORD», 16 МАРТА 1869 г.

Газетная вырезка

Центральный государственный архив
Октябрьской революции, Москва

Nous recevons la lettre suivante :

Monsieur le rédacteur,

Quelques feuilles russes ont inséré la nouvelle parfaitement fautive d'un prétendu voyage que j'ai fait à Vienne dans le but de solliciter, par l'intermédiaire du R. P. Raévsky, le droit de retourner en Russie. *Le Nord* a répété ce bruit (7 mars, n° 66). Vous m'obligerez infiniment, monsieur le rédacteur, en donnant place dans un de vos prochains numéros à un démenti formel de ma part. Je n'ai jamais été à Vienne, je n'ai jamais vu le R. P. Raévsky, je ne lui ai jamais écrit; en général, je n'ai fait aucune démarche pour obtenir le droit de rentrer en Russie. Je désire ardemment, comme tout émigré, revoir mon pays natal, mais je ne pense pas que les circonstances actuelles soient propices à la réalisation de ce désir.

Recevez, etc.,
ALEXANDRE HERZEN.
Nice (Alpes-Maritimes), 16 mars 1869.

нибудь, пришли последнюю книжку «Phil(osophie) Positive» *. Он многое рассказывал о Лугинине ³.

NB. Не забудь спросить Тхор(жевского), посылал ли он «Пол(ярную) зв(езду)» Вырубову, — он ее не получал.

Писем нет.

Час

14 янв(аря). Четверг.

Письмо есть. Но, право, писать нечего. — Выруб(ов) сказывал, что здесь жена Черкесова — и он скоро будет ⁴. Он завел в Париже книжную лавку, которой заведует Якоби ⁵. Разумеется, жена его и он нас игнорируют. Вообще, сколько я замечаю, ненависть к нам пережила «Колок(ол)». — Вот вам и спасибо — за целую жизнь.

Когда же «От(ечественные) зап(иски)»?

Деньги Жук(овского) — урок ⁶. Вот тебе и «Монитор» — для а(ргос).

Сегодня от Сат(ин)ой письмо. Она писала месяц тому назад, что деньги готовы для тебя. N(atalie) писала 30 дек(абря), чтоб выслали. Сегодня ответ, но о деньгах ни полслова. Я не могу приучиться к этой санфасонности **.

Прощай.

Брошюры поляка⁷ — сверх двух, трех экземпл(яров) мне — пошлите 10 Висконти — ее можно бы объявить кое-где.

¹ Сын купца-миллионера — владельца так называемых «милютинных лавок» в Петербурге.

² Прусский принц — будущий император Фридрих III (1831—1888), сын Вильгельма I.

³ Владимир Федорович Лугинин (1834—1911) в 1862 г. уехал за границу и участвовал в организации в Гейдельберге русской читальни. Лугинин был в дружеских отношениях с Герценом и Огаревым, но по политическим взглядам оставался типичным либералом. В 1865—1866 гг. он жил в Париже; в августе 1867 г. получил разрешение вернуться в Россию; в последующие свои приезды за границу избегал встреч с представителями революционной эмиграции (см. XXI, 330). С 1890 г. — профессор химии Московского университета.

* Позитивная философия (франц.).

** бесперемонности (франц. «sans façon»).

⁴ Александр Александрович Черкесов (1839—1908) — участник революционного движения шестидесятых годов; жена его — Вера Васильевна (урожд. Ивашева). В 1862 г., находясь за границей, Черкесов принимал участие в попытках организовать объединенное эмигрантское издательство. В 1865 г., по пути из-за границы в Россию, был арестован, но вскоре освобожден. В 1868—1869 гг. приехал во Францию и Швейцарию. В ноябре 1869 г. снова был ненадолго арестован в связи с печавским делом.

⁵ Павел Иванович Якоби — известный врач-психиатр; деятель революционного движения шестидесятых годов; участвовал в польском восстании 1863 г. В 1864—1868 гг. Якоби жил в Швейцарии; среди «молодой эмиграции» он был одним из наиболее активных противников Герцена. Впоследствии Якоби вернулся в Россию.

⁶ Герцен отвечает на слова Огарева в письме от 12 января 1869 г.: «Жуков(ский) у меня был. Я ему заплатил (90 фр., 2 фр. остался должен)...» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 503). Повидимому, это была плата за какой-то перевод, сделанный Н. И. Жуковским по поручению Герцена, но не использованный в печати (см. XXI, 144).

⁷ *Брошюры поляка* — статья Ф. Вихерского «Письмо к генералу Ф. Ф. Трепову», напечатанная в 1869 г. отдельной брошюрой в типографии Чернецкого.

28

⟨Ницца.⟩ 29 марта ⟨1869 г.⟩. V⟨illa⟩ Filippi

Мистраль, буря и болит голова (заметь сходство погод, и даже время бизы и мистралья — одно ¹). Чек пришлю, как только получу от Тх⟨оржевского⟩ счет. Скажи ему, что погода так скверна, что я никак не советую ехать раньше 12 или 13 апреля — за мистралем будут дожди. Пусть же он увидит юг праздничным.

О Бакун⟨ина⟩ теориях мне повествовала Ауэрбах ².

От Чернецкого имени падет рефлекс * и на нас — услужил ³.

Фраза в моем письме в «Nord» придает вес отрицанию, в ней сверх того нет лжи, и, конечно, если б в России была такая амнистия, как последняя в Австрии, я бы поехал ⁴. Полагаю, что штудиум ** на месте — после 22 лет — был бы важнее всех Брюсселей ⁵. Особого письма, может, тебе и не стоило писать, я говорил о приписке к моему в «Confédéré», «Bund»'e — au reste *** всё равно ⁶.

«Доктора» посылаю, я им три раза писал, чтоб тебе послали «Неделю»⁷, — всё же свиньи, — или не справится ли у Георга, может, прислали без имени.

Я устал, поскользнувшись, и нисколько не ушибся.

¹ Герцен отвечает на письмо Огарева от 26 марта 1869 г. из Женевы, которое начиналось словами: «Погода сегодня ужаснейшая: холод и биза...» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 540).

² О Бакунина теориях см. в письмах Огарева к Герцену от 26 и 27 марта 1869 г. («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 541—542). Об Ауэрбах см. выше примеч. 7 к письму № 17.

³ В марте 1869 г. женевские рабочие организовали всеобщую забастовку, продолжавшуюся три недели. Хотя забастовка кончилась небольшими уступками со стороны хозяев, но моральная победа женевских рабочих была несомненна. Это была первая большая стачка общеевропейского значения, проведенная под непосредственным руководством I Интернационала (его женевской секции). Маркс и Энгельс оценивали ее как серьезную победу рабочего класса. Чернецкий, в качестве владельца типографии, в которой печатались издания Герцена и Огарева, был вовлечен в этот конфликт на стороне хозяев. Это вызвало сильное негодование Герцена (XXI, 348). В письме от 27 марта 1869 г. Огарев сообщал Герцену: «⟨Чернецкий⟩ приходил сказать мне, что сам сознает, что сделал ошибку, и больше потому, что не понимает хорошо по-французски» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 542).

⁴ В марте 1869 г. газета «Kölnische Zeitung» напечатала в № 67 (в статье «Russland und Polen») клеветническую, вероятно, инспирированную заграничной агентурой III Отделения, информацию о Герцене. Газета сообщала, будто Герцен и Огарев решили ходатайствовать перед царским правительством о разрешении вернуться в Россию и что посредником в переговорах Герцен избрал священника при русском посоль-

* отблеск (франц. «reflex»).

** изучение (не «Studium»).

*** впрочем (франц.).

стве в Австрии, Раевского. Перепечатанное многими иностранными и русскими газетами, известие это с разными прибавлениями широко и быстро распространилось. Возмущенный Герцен («Что я им за Кельсиев II достался!» — писал он 14 марта И. С. Тургеневу) немедленно разослал опровержения в редакции главных газет (в том числе и в «СПб. Виржевые ведомости»). Заключительная фраза письма, посланного 16 марта 1869 г. в газету «Nord», гласила: «Je désire ardemment, comme tout émigré, revoir mon pays natal, mais je ne pense pas que les circonstances actuelles soient propices à la réalisation de ce désir» *. Огарев писал по поводу этой фразы Тургеневу: «Конец твоей записки в „Норд“ мне не нравится: если было отвечать не плевком, а холодно и презрительно, то к чему выставлять им чувство любви к отечеству и желание возвратиться на родину? Дураки, пожалуй, примут за намек и попытку. Неужели ты в самом деле думаешь, что есть возможность возвратиться?» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 540). На этот вопрос и отвечал Герцен словами публикуемого письма: «если б в России была такая амнистия, как последняя в Австрии, я бы поехал». Амнистия 21 июня 1867 г. в Австрии, о которой идет речь, объявляла «прощение» и возвращала «полностью» гражданские права всем участникам революции 1848 года (см. заметку Герцена «Венгерская амнистия» — XIX, 387).

⁵ Герцен намеревался со всей семьей переехать на постоянное жительство в Брюссель. Бельгийская столица являлась в это время одним из крупнейших центров революционного движения в Европе.

⁶ В письме от 24 марта 1869 г. Герцен писал Огареву: «Если ты думаешь полезным, попили мое письмо „нордовское“ в „Bund“ или другую газету, в „Confédéré de Fribourg“ и прибавь строку вроде „Comme mon nom a été mentionné dans la même correspondance, je m'associe à la déclaration de monsieur H(erzen)“...» ** (XXI, 333). Обе газеты напечатали заявление Герцена и Огарева («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 544 и 546).

⁷ Герцен посылал Огареву свою повесть «Доктор, умирающий и мертвые», напечатанную под псевдонимом «И. Нионский» в журнале «Неделя» за 1869 г.

29

<Ницца.> 18-го <апреля 1869 г.>. Вечер

Загадка за загадкой. От тебя телеграмма. Я тебе телеграфировал 16-го в 6 часов вечера и послал письмо 16-го в 12 утра. Там я писал всё ясно и подробно. Я почти уверен, что ты не дождался письма.

Конечно, я не согласен на подписи, но если вы не дождались и напечатали — нечего делать, т. е. если разослали, а нет — перепечатать на мой счет¹.

Буря ревет. Холод. *Corpo di Vasso* *** — что за ужасный год.

¹ В № 82 газеты «Голос» за 1869 г. появилась клеветническая статья о студенческих беспорядках в Петербурге. Прочтя статью, Огарев немедленно написал и отдал в набор прокламацию «От стариков молодым друзьям», подписав ее именем Герцена, Бакунина и своим собственным. Одновременно со сдачей рукописи в типографию он отправил копию прокламации Герцену, спрашивая его согласия на тройную подпись: Герцен согласия не дал (см. мотивировку отказа в письме Герцена от 16 апреля 1869 г. — XXI, 365). Вследствие этого прокламация вышла в свет без подписей.

30

17 Sept<embre 1869>. Bruxelles. N<ôte>1 des Empereurs

После отвратительного плаванья в продолжение 12 часов, по заливам и каналам в бурю и дождь, мы добрались вчера в 10 вечера в Антверпен — переночевали и приехали сегодня в 12 в Брюссель. Здесь я нашел твои письма и одно от Тхоржевского. Тотчас прочел гнусное положение о учащих¹ и принимаюсь писать.

1-се. Чернецкому писать, *caro mio*, не буду, надевать на себя новую цепь не приходится. Если он не понимает, пусть продает всё, — мы и с Даничем обойдемся, имея Долгорукова буквы².

* «Как каждый эмигрант, я пламенно желаю вновь увидеть свою родину, но не думаю, чтобы нынешние обстоятельства благоприятствовали исполнению этого желания».

** Ввиду того, что мое имя упомянуто в той же корреспонденции, я присоединяюсь к заявлению г. Герцена (франц.).

*** Чёрт возьми (итал.).

2. Делай над Выруб<овым> и Роберти всё (в границах der Schicklichkeit*) что тебе вздумается³.

3. Не пропускай в «СПб. ведомостях» фельетоны Вырубова (они с подписью)⁴.

4. О квартире, пожалуй, публикуй, — но зачем? — Вероятно, хозяйки расспрашивали, а Тхорж<евский> не остерегся, ему бы сказать: Огар<ев> and household **, — сердиться за это вряд можно ли.

5. Я тебе послал свою фотографию из Брюсселя до отъезда — получил ли?

6. Насчет денег — я сделаю одно замечание. 6000 фр., действительно, мало (и некогда, ограничиваясь 5 т., ты не знал, что говоришь). Если я призываю тебя к большей расчетливости — то это откровенно так. Я уверен, что на Сат<ина> à la longue *** надежды плохи, а на меня твердо, непоколебимо, ты постоянно будешь иметь 5000, и если 6 Сатин не посылал ни гроша. Но ты явным образом не останавливаешься на 6 т., и это меняет дело. Когда я тебя упрекаю в праздном содержании малого в 18 лет⁵, ты сердисься. Как же ты возьмешь теперь все деньги? Неужели ты думаешь, что я оставлю тебя голодовать? Это так же безобразно, как ты предлагал заплатить некогда за Мерчинского. Стало быть, в переводе за 1500 тебе нужны еще 1500. Отчего ты всегда имеешь aggrégés? **** Отчего ты не делаешь бюджет? Я на первый случай пошлю в след<ующем> письме 1000 фр. Один господин (тебе знакомый) обещал тебе доставить 500, которые я дал ему. Если нужны еще, я пришлю, но позволь мне бояться за будущее, — ведь границы я ставлю не по капризу, а по расчету.

Еще письмо, из него вижу, что портрет пришел.

В логической консеквентности ***** ты и отчасти Бак<унии>, вы правы, но так как события идут иным путем, то вы и останетесь предтечами. Ни одной йоты из вашей программы не осуществится — в два, три поколения. Зачем же вы только ругаетесь над людьми, действующими настоящими орудиями, в настоящее время? Я под этими орудиями разумею не писконгресс в Лозанне⁶, а всю политическую агитацию, которая очень сильна и volens-nolens ***** имеет в себе социальные элементы⁷.

Затем скажу, что из Флоренции письма получил, — Тата очень встревожена тем, что Пенизи (слепой) сильно и безумно в нее влюблен и предлагал руку⁸. Левье⁹ говорит, что он в отчаянии, и боится за него.

Буду ждать здесь ответа на это письмо и потом поеду в Париж.

От Lascoix получил письмо — он на нынешний год издавать отказывается. Попробую Nachett'a и Hetzel'я¹⁰.

Гюго мечтает о революционной войне à la 93 год.

Мерославский — о войне за Речь Посполитую¹¹.

Боссак¹² — о какой-нибудь войне, и все на конгрессе мира. Им бы пригласить Бисмарка.

Что вы не можете выписать «Zukunft» — это смех, и я предоставляю вам решить эту трудную задачу. И кто сказал, что «Zukunft» выходит в Кенигсберге? Ну где же тут вести типографии и литографии? — милейшие чудачки.

Всё — журналы, письма etc., jusqu'à nouv<el> or<dre>***** — посылать сюда.

* благопристойности (нем.).

** и семья (англ.).

*** в конце концов (франц.).

**** просроченные долги (франц.).

***** последовательности (лат. «consequentia»).

***** волей-неволей (лат.).

***** до нового распоряжения (франц.).

С журнал⟨ом⟩ Выруб⟨ова⟩ делай, что хочешь, можешь даже послать его Пьеру Леру¹³ или Собакевичу.

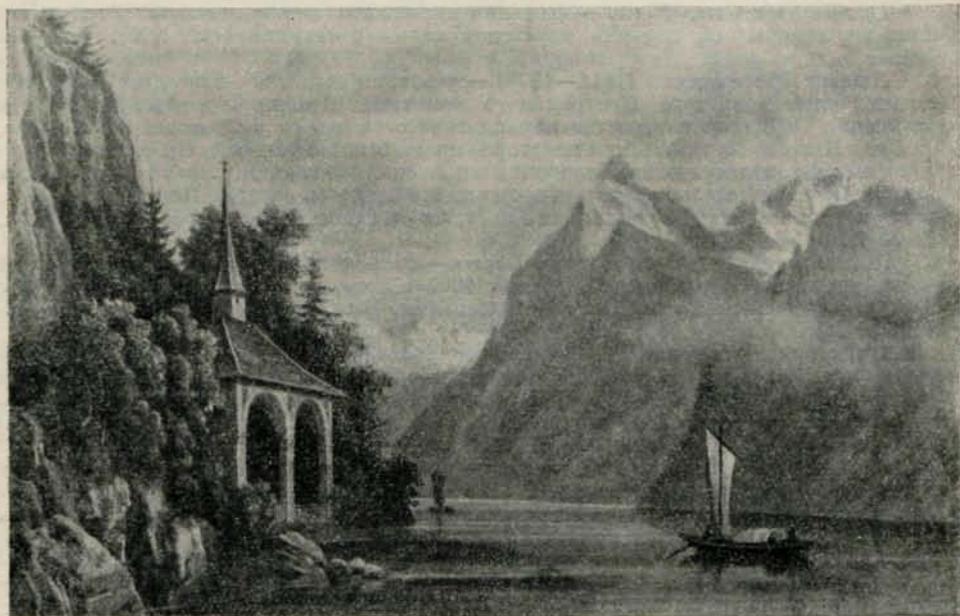
Нельзя ли найти квар⟨тиру⟩ около тех мест, где жил Мерчинский прежде?

Лиза пути и пароходы выносит блестяще. Она требует карточку.

Прошу подробностей о жюри с Либкнехтом¹⁴.

Когда в Базеле шла речь о том, что коммунальное владение землей не испробовано, — неужели не нашлось русского, чтоб отвечать. А где же был Баку⟨нин⟩?¹⁵

После пожара у Сатина — он и Ел⟨ена⟩ ничего не пишут.

ЧАСОВНЯ ВИЛЬГЕЛЬМА ТЕЛЛЯ НА ФИРВАЛЬДШТЕТСКОМ ОЗЕРЕ

Раскрашенная литография, 1866 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

«...Мы с Лизой были на пароходе под дождем и осматривали Tell's Platz...»
(из письма Герцена к Огареву от 18 июля 1868 г.)

¹ После студенческих волнений 1868—1869 гг. правительством был создан комитет, разработавший новые правила для учащихся высших учебных заведений. Эти правила, утвержденные Александром II 8 июня 1869 г., предусматривали жесткий надзор и суровые дисциплинарные меры.

² Герцен имеет в виду предполагавшийся переезд типографии Чернецкого в Париж и частичную ее ликвидацию, так как она приносила большие убытки. *Данис* — наборщик в типографии Чернецкого.

³ Евгений Валентинович *де Роберти* (1843—1915) — философ-позитивист, ближайший друг Г. Н. Вырубова, выпустивший вместе с ним брошюру «Несколько слов о позитивной философии». Возможно, что Герцен и Огарев предполагали выступить против космополитических теорий, развивавшихся Вырубовым и де Роберти. Такая статья неизвестна.

⁴ В «Санкт-Петербургских ведомостях» осенью 1869 г. были помещены следующие фельетоны Г. Вырубова, с его полной подписью, под общим подзаголовком «Из парижской жизни (письма к редактору „СПб. ведомостей“): 1. «Французские нигилисты» (№ 216, от 8/20 августа 1869 г.) и 2. «Французские социалисты» (№ 313, от 13/25 ноября 1869 г.).

⁵ *Малый 18 лет* — Генри, сын Мэри Сетерленд, подруги Огарева. Герцен настаивал на том, чтобы Генри изучил какую-либо специальность, которая могла бы сделать его самостоятельным.

⁶ *Пис-конгресс в Лозанне* — III Конгресс буржуазно-демократического объединения «Лиги мира и свободы», состоявшийся в Лозанне в сентябре 1869 г. Слова Герцена свидетельствуют о его ориентации на «политическую агитацию» I Интернационала.

⁷ Как известно, Герцен отнесся к наметившемуся весной 1869 г. активному участию Огарева в бакунинско-лечаевской «агитационной кампании», проникнутой духом анархизма и политического авантюризма, резко отрицательно. О возникших в этой связи спорах и расхождении по важнейшим вопросам революционной тактики и оценки политической обстановки см. в наст. томе в публикации новых материалов, относящихся к истории текста писем «К старому товарищу».

⁸ Имя Пенизи впервые встречается в письме Герцена от 8 февраля 1867 г. из Флоренции; там он дал высокую оценку молодому слепому итальянцу, впоследствии сыгравшему роковую роль в судьбе Таты.

⁹ *Леви* — врач, лечивший Пенизи.

¹⁰ *Lacroix, Hachette, Hetzel* — фамилии парижских книгоиздателей. Герцен вел с ними переговоры об издании переводов своих сочинений (см. XXI, 485—486 и 488).

¹¹ Людвиг *Мерославский* (1814—1878) — участник польского восстания 1830 года; эмигрант, член польского Центрального комитета. Принимал деятельное участие в революции 1848 года в качестве командующего войсками в Сицилии и в Бадене. В 1863 г. в Польше Мерославский некоторое время был диктатором. Он являлся представителем националистических тенденций в польской эмиграции. Еще в 1857 г. в своей переписке Маркс и Энгельс резко критиковали его книгу об истории Польши. В 1863 г. Герцен выступил против Мерославского со статьей «К польскому вопросу» («Колокол», 1868, № 7).

¹² Повидимому, гр. Фред-Кароль *Боссак* — польский эмигрант, офицер русской службы; упоминается в письмах Герцена 1867 г., вместе с другим представителем правого крыла польской эмиграции — Булавским. Был сторонником активных военных действий.

¹³ В шестидесятые годы Пьер *Леру*, вернувшийся после амнистии во Францию из эмиграции, совершенно отошел от политической борьбы и в литературной своей деятельности выступал с пропагандой реакционно-мистических утопий о соединении социализма с религией. Отношение Герцена к Пьеру Леру в этот период было резко отрицательным (см., например, XIX, 309).

¹⁴ В 1869 г. газета «*Zukunft*» выступила против Бакунина, обвиняя его в связях с русским правительством. Вильгельм *Либкнехт* перепечатал это сообщение в редактировавшемся им журнале «*Volkstaat*». Бакунин привлек Либкнехта к третьему суду («*Jury*»), который признал обвинение недоказанным.

¹⁵ Одним из основных вопросов, стоявших на Базельском конгрессе Интернационала, происходившем 6—12 сентября 1869 г., был вопрос о земельной собственности. Конгресс принял выработанную сторонниками Маркса резолюцию о праве общества «упразднить частную собственность на землю, превратить ее в общественную собственность».

31

Огареву:

⟨Париж.⟩ 14 октября ⟨1869 г.⟩

Два слова для тебя.

Сделай ты мне одолжение и напиши, что за резон, по которому Бак(унин) требует лишний и ненужный документ из Америки. Сегодня я принялся писать к Кап(пу)¹ и прочел, что пас(порт) выдан в 1866 и скреплен в 1867; стало, его станет almeno * еще на 5 лет. Об этом напиши.

Сейчас пришел Давыдов², прямо из России; он говорит, чтоб Тхоржевский бумаги продавал сейчас за 7000 руб., так, чтоб П(остников) ему вручил деньги, а он ему бумаги, — без показания каталога и с обязательством не оставлять у себя ничего³.

Поддержите Г. Г. ⁴ совет(ом) и сообщите.

Давыдов рассказывает интересные вещи.

¹ Фридрих *Kapp* (1824—1884) — историк, участник революции 1848 года; эмигрировал в Америку, где был комиссаром по переселенческим делам. Обращение к Каппу, с которым Герцен был хорошо знаком, связано повидимому с желанием

* по крайней мере (итал.).

Бакунина получить новый американский паспорт (XXI, 501, 502). Упомянутое письмо Герцена к Каппу неизвестно.

² О каком *Давыдове* здесь идет речь — неясно. В переписке Герцена 1869 года фигурирует некий В. Л. Давыдов, 25 августа уехавший «прямо в Москву». Более поздних сведений о нем нет. Тот ли это Давыдов, успевший вернуться к 14 октября в Париж, или другой — выяснить не удалось.

³ После смерти П. В. Долгорукова у Тхоржевского остался его архив, содержащий многие важные документы, которые Долгоруков не успел использовать для своих разоблачений закулисных тайн романовского самодержавия и русских аристократических родов. В августе 1869 г. Александр II дал распоряжение III Отделению уничтожить архив, и уже 27 августа в Женеву приехал некий издатель «Постников» (в действительности агент III Отделения — К. А. Роман), вступивший в переговоры с Тхоржевским о покупке бумаг П. В. Долгорукова якобы для того, чтобы издать их. «Постников» виделся в Женеве с Огаревым, а в начале октября — с Герценом в Париже; оба они советовали Тхоржевскому продать архив. Продажа состоялась, и архив, таким образом, попал в руки III Отделения, где, повидимому, был уничтожен. Историю продажи архива Долгорукова см. в книге: Р. М. К а н т о р. В погоне за Нечаевым. Пг., 1922.

⁴ Кто такой Г. Г. — не выяснено.

32

⟨Париж.⟩ 29 ⟨октября 1869 г.⟩¹

Нет, Огарев, еще время идти на покой и разбивать палатки не пришло². Только было я расположился, от Саши два письма о тяжелом нервном расстройстве у Таты, затем телеграмма, в которой просит неотлагаемо ехать туда — что она очень нездорова. Я телеграф⟨ировал⟩ и получил опять приглашение³. Все это история Пенизи. Вспомни, что я писал. — Буду извещать всякий день. В 7 часов еду в Марсель, в 5 завтра сажусь на корабль «Messagerie», в воскресенье в Женеве и в понедельник во Флоренцию.

Пиши на имя Саши и на его адрес.

5 часов

После долгого обсуждения решено ехать всем до Генуи. От Саши 3-я телеграмма — «[совершенное] расстройство умственных способностей». — Вот этот негодяй Левье до чего довел.

Пиши во Флоренцию⁴.

¹ Этим письмом начинается серия писем, посвященных одному из наиболее тяжелых эпизодов в семейной жизни Герцена — неожиданному заболеванию старшей дочери, Таты. Из публикуемого письма явствует, что Герцен выехал с Тучковой-Огаревой и Лизой во Флоренцию 29 октября, а не 31-го, как указывает Лемке в «Канве биографии» (XXII, 380). О том, как воспринял Герцен известие о заболевании дочери и в каком состоянии ехал к ней, см.: Н. А. Т у ч к о в а - О г а р е в а. Воспоминания. Л., 1928, стр. 415.

² Эти слова имеют в виду следующую фразу из письма Герцена к Огареву, отправленного накануне, 28 октября 1869 г.: «Я думаю, что, повертевшись во всем мире, все же, надобно разбить где-нибудь свой инвалидный дом и в нем поместить больших и детей» (XXI, 508).

³ Телеграммы А. А. Герцена — см. в «Лит. наследстве», т. 41-42, 1941, стр. 528.

⁴ Ответное письмо Огарева — от 31 октября — см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 563-564.

33

2 ноября ⟨1869 г.⟩. Флоренция, Casa Fumi¹

Наскоро первое впечатление. Бедная, бедная Тата, — меня она узнала и обрадовалась очень, но в ее разговоре ничего нет связного. Она меня спросила о Долгоруком и о Стелле². Все дело в ужасе, который на нее нагнали. Положение ее до сих пор печально. Шиф³ надеется и будет лечить гальванизмом.

Далее — следующий раз.

Виноват ужасно Левье, а Пенизи — подлец невероятный.

¹ Текст этого первого письма Герцена из Флоренции уже известен в печати. Письмо было опубликовано Лемке под № 3603 (XXI, 512) с неправильным указанием,

будто оно адресовано Н. А. Тучковой-Огаревой. В действительности ей было адресовано только второе письмо — № 3604, от того же 2 ноября (XXI, 513). Перепечатываем первое письмо для связи и чтобы исправить ошибку Лемке.

² *Стелла* — конспиративный псевдоним Ивана Михайловича Савицкого, бывшего полковника царской службы, воспитанника Академии генерального штаба. Во время польского восстания 1863 г. Савицкий командовал одним из повстанческих отрядов; после разгрома восстания эмигрировал за границу. В письме к Тате от 2 декабря 1866 г. Герцен писал: «А пророс, поляки распустили слух, что он <Стелла> сватался за тебя и, получив отказ, немного повредился» (XIX, 135).

³ Мориз *Шифф* (1798—1867) — известный физиолог, профессор университета во Флоренции.

34

3 ноября <1869 г.>. N<ôtel> New-York. Флоренция

Вчера я тебе писал в каком-то тумане¹, — сегодня сообщу подробнее. Да, старый, старый друг, этот удар грома, середь осеннего спокойного времени, расшиб и меня. Представь себе Тату, с большой кротостью в лице, с глазами, обращенными с полной любовью ко мне, и не понимающую ничего. Пенизи ее застращал, и она постоянно видит убийц, которые зарежут меня, Сашу, даже Шифа. Теперь она совершенно покойна, слушается, как зверёк, своей *garde-malade* *, слушается Шифа и, главное, меня. Меня она страстно любит. Шиф велел ее класть спать в 6 часов. Вчера она легла и горько заплакала, потом взяла мою руку, прижала к губам и так осталась четверть часа. Вести ее теперь и думать нельзя. Это может довести до бешенства. Шиф <...> советует глубокий покой, и потом недели через две ехать, куда угодно, но только в такой город, где есть известный психиатр, наир<имер> в Милан, где живет Biffi, начальник дома умалишенных.

Вот как началось прямо сумасшествие. Она была рассеяна, обижена до высочайшей степени клеветами, которые распустил этот слепой изверг, и в ужасе от его угроз. Одним днем, перед их окнами, какой-то человек хватил ножом девушку, — та упала, исходя кровью. Тата видела, как полиция ее понесла. Вечером они пошли к Шифу. Саша остановился на дороге, и Тата взшла одна. Когда пришел Саша, он застал ее без памяти на диване. Шиф и проф. Блазерна примачивали холодную воду. Тате показалось, что Сашу убили, и с той минуты она не приходила в себя, — это было около 20, 21 октября; сначала все думали, что такая галлюцинация пройдет, но к 24 оказалось напротив. Тата хотела броситься с террасы, Саша ее силой удержал, — с тех пор ее не покидают ни днем, ни ночью. За ней ходит ночью креолка (акушерка — приятельница Осип<а> Ив<ановича>)² — днем по очереди все. Она совершенно тиха — долго, долго думает и спрашивает меня: «Я, кажется, ничего не понимаю». Она взяла перо и написала: «N<atalie>! Не верь, что я сумасшедшая».

Саша очень потрясен. Левье он тотчас отстранил. Дурак этот раскаивается теперь, а его вмешательство было самое преступное. Я его не видел и не хочу видеть.

Шиф говорит, что в этот период болезни он не советует слишком подвергать Ольгу и Лизу влиянию больной. Пока она остается у Саши (квартира у него хороша); N<atalie> и Лиза, вероятно, послезавтра приедут. Тока в Ницце, адресуй Саше³.

Будем ждать, чем все это кончится, собравши все силы.

Благодари Тхорж<евского>, но зачем же он приедет? — Теперь решительно ничего не нужно, кроме нас и терпения⁴.

¹ См. опубликованное выше письмо № 33 от 2 ноября. О получении его Огарев писал Герцену 4 ноября («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 564).

² *Осип Иванович* — наименование Мацции в переписке Герцена с Огаревым.

* сиделки (франц.).

³ Ответное письмо Огарева — от 5 ноября 1869 г. — см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 565.

⁴ Далее следует приписка А. А. Герцена:

Мой милый, дорогой Ага!

Не сердись на меня, ведь я сам сначала не знал, в чем дело, и страшная мысль не влезала в голову. Все, что я тебе писал, — чистая правда, только двумя или тремя днями позже, ибо мы все думали, что это мимоходное раздражение. Помни, что я

Н. А. ГЕРЦЕН (ДОЧЬ)
Фотография 1860-х гг.
Литературный музей, Москва

ничего не знал про всю историю, и Тата мне только в последних днях рассказала. Шиф думает, что дней через 10 ей можно будет ехать, и тогда она пойдет быстро к выздоровлению.

Крепко тебя обнимаю.

С а ш а

35

4 нояб<ря 1869 г.>. Н<оте>1 New-York

НВ. 3<-е> письмо из Флор<енции>.

Все ли получил?

Мой приезд сделал очень сильное и хорошее влияние. Вчера Тата была весь день тише и менее тревожна. Даже правильно отвечала на некоторые вопросы. Шиф доволен, но ждет, продолжится ли это в следующие

дни. Ехать теперь еще невозможно — и шум дороги, и посторонние лица, и прямая опасность, что она бросится вон из вагона, делают невыносимым. Сегодня, вероятно, у нее будет с Шифом Biffi, которого считают одним из искуснейших психиатров. Como от Милана, как Ричмонд от Лондона и, вероятно, мы переедем туда. Пока Шиф советует нанять здесь на месяц за городом, в тишине, квартиру. Он не желает, чтоб Ольга и Лиза слишком часто и долго были с ней, говоря, что пример этот не по нервам молодых особ.

Вина — если можно недогадливость ставить в вину — Саши только в том, что он до 20-х чисел октября *ничего не видел*. А Мал(ъ)вида думала beatно *, *что все кончено*. Когда он спохватился ее везти в Париж (в день, когда девушку пырнули ножом на улице), Тата решительно сказала, что ни с кем в мире не поедет никуда, кроме со мной.

Тата обманывала Сашу, Мал(ъ)вицу и всех, кроме Ольги, с необычайной хитростью. Ольга, видно, умнее больших: решила писать ко мне гораздо прежде, но Тата ее уговорила не писать, говоря (и это правда), что сама мне пишет.

Когда Пенизи увидел, что надежды нет, он написал Тате и Саше самые дерзкие письма, с угрозами. Тата тут же Саше сказала: «Это Гервег», — но, глубоко обиженная и униженная, совсем растерялась. Пенизи ее уверил, что у него на откуп убицы, связанные с ним тем, что он знает их злодейства и может погубить (пожалуй, это и правда), и от страха за Сашу и за Гуго Шифа¹, который себя вел великолепно, она дошла до полного помешательства. Ей лучше, но малейший стук может все испортить. Левье, осел и дрянь, испугавшись, побежал к Пенизи и сказал ему, что он подлец. Затем перестал ходить и к Саше, что превосходно. Тогда Пенизи стал Сашу бомбардировать анонимными письмами, с угрозами и руганью, с угрозами гласности и пр. (действительно, вся метода Гер(вега)).

Передай часть всего этого Тхоржев(скому) — он любовью к нам всем заслуживает это.

Кстати, я так бросился из Парижа, что забыл у Ар(истиды) Ре(я) рукопись Бакун(ина), я ему напишу. Надеюсь, что Бак(унин) простит, узнав причину **2.

N(atalie) и Лиза, вероятно, завтра приедут. Вот что ты мне узнай на всякий случай ***, согласился ли бы Robin³ ехать месяца на четыре или пять в Como — давать уроки Лизе и Ольге, — жить особо, но уроки давать всякий день ex(empli) gr(atia) **** франков за 250—300 в месяц.

Затем мораль. Ну вот тебе и свобода в воспитании женщины, ну вот и отсутствие авторитета, анархия и пр. и пр. Оглянись назад sine ira et studio*****. Вспомни смело всё от Мар(ьи) Льв(овны), от покойной Nat(alie) до Park house'a и Теддингтона, и скажи, откуда все удары и все бедствия. От мужского пьянства и дебоширства и женского *несовершеннолетия*, которое без мартингали***** бьет и убивает всё вокруг.

Скучно до бесконечности — я даже читать не могу. К тому же весь распростудился на корниче и переезжая Аппенины.

Мне кажется, что потом все же следует] воротиться в Париж. Anre-gung'a ***** к труду нигде нет больше.

* с блаженной доверчивостью (франц. «béatement»). ↵

** *Весь абзац отчеркнут; на полях надпись: не забудь.*

*** *На полях нарисована рука, указательный палец направлен к тексту.*

**** например (лат.).

***** без гнева и пристрастия (лат.).

***** в конской упряжи ремень, соединяющий узду или мундштук с подпругой; ремень этот не позволяет лошади закидывать голову и подниматься на дыбы (франц. «martingale»).

***** Побуждения (нем.).

Телеграфируя, ты можешь экономить три слова — вместо D-g Herzen Casa Fumi, Fuori di Posta Romana, пиши:

Herzen. Casa Fumi Posta Romana.

Прощай.

«Шпекин»? Неужели ты забыл нашего доброго, милого почтмейстера Шпекина, который распечатывал письма Хлестакова? Но я тебе и написал, что я мог бы больше писать из Парижа, если б не Шпекин⁴ — ясно?⁵

¹ Гуго Шифф — младший брат Морица Шиффа; был, по словам Герцена, «очень неравнодушен к Тате» (XXI, 518).

² Аристид Рей (Rey) — французский бакунист. Бакунин 18 октября 1869 г. послал Рею через Озерова свою статью «Profession de foi d'un démocrate socialiste Russe...» («Символ веры одного русского демократа-социалиста...»). Одновременно в письме к Герцену Бакунин просил его помочь Рею опубликовать эту статью (XXI, 495 и ниже). Очевидно, Герцен должен был взять рукопись статьи Бакунина у Рея, но из-за болезни дочери позабыл об этом.

³ Поль Робен (Robin) — французский бакунист, впоследствии член Генерального совета I Интернационала (см. о нем XXI, 408).

⁴ Упомянув в не дошедшем до нас письме к Огареву имя «Шпекина», Герцен хотел сказать, что, по видимому, их переписка перлюстрируется. В 1868—1869 гг. Герцен находился под неусыпным наблюдением всей европейской полиции, особенно французской. В деле бельгийского Министерства юстиции о Герцене, хранящемся в ЦГИА, имеется немало донесений агентов полиции о поездках Герцена и о его переписке.

⁵ Ответное письмо Огарева — от 6 ноября 1869 г. — см. «Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 566.

36

6 ноября <1869 г.>. «N<ôte>» New-York

4-е <письмо> из Флор<енции.>

Улучшение, о котором я писал, не поддержалось. Вчера день был тяжелый, ее испугали выстрелы (дом за городом), и все припадки усилились. Шифф недоволен домом и шумом. А найти не можем ничего другого. На скорое выздоровление вряд можно ли надеяться. N<atalie> она обрадовалась. Эти дни принадлежат к самым скучным и тяжелым и самым убивающим все силы — так, как смерть Коли и Луизы Ив<ановны>, 2 мая 1852 и 4 дек<абря> в Париже¹.

Я ровно ничего не делаю — и с 10 часов вечера до того устаю, что तोплюсь ложиться спать, или, по крайней мере, протянуться.

Если не будет ничего, то до поведельника писать не будем.

Прощай.

От Робин ответ доставь.

Ну дело-то Тхор<жевского> застряло?

Приписка Н. А. Тучковой-Огаревой:

6 ноября

Вот и я во Флоренции; я нашла Тату очень тревожную, но потом она успокоилась, все говорит об своих снах и об разных страхах за всех. Я надеюсь, что ей скоро будет лучше, потому что можно ее успокаивать, говорить ей: ты это во сне видела, этого вовсе нет, и она улыбается. — Я нашла, что она похудела. — Теперь мы все ищем квартиру, потому что у Саши не довольно покойно для нее.

Главное — это страх за нас всех и мысль, что мертвые могут воскреснуть*.

Не знаю, что тебе сказать еще — не пишется, все остальные здоровы.

Рукой Герцена:

Лиза совершенно здорова.

¹ 16 ноября 1851 г. — трагическая гибель матери Герцена — Луизы Ивановны и сына Коли; 2 мая 1852 г. — смерть Натальи Александровны Герцен; 4 декабря 1864 г. — смерть детей-близнецов, Лели-бой и Лели-girl.

* 3 ноября 1869 г. Герцен сообщал Н. А. Тучковой-Огаревой, что Татой овладела навязчивая идея, будто «Леля-бой и Леля-герль живы в Ницце, что их спасла из моря m-me George» (XXI, 514). Речь здесь, по видимому, идет о том же.

⟨Флоренция.⟩ 8 ноября ⟨1869 г.⟩. N⟨ôte⟩ New-York

Все понимаю я — и твое беспокойство, и твою печаль... Этот удар, действительно, не по силам. Я не думаю, чтоб все были подлецы, но что те, которые не подлецы, — дураки, вечно слепые, оторопелые, — это так. Да и сами люди бегут к своей гибели с противной быстротой.

Покою, покою — и больше ничего, я хочу только быть зрителем, — веры нет ни в кого, ни во что.

Все дело я изучил теперь, как адвокат, от доски до доски, — по письмам, мемуарам, по длинному описанию Мейз⟨енбуг⟩ и пр. (половину всего современем передам тебе). Без сомнения, на первом плане виновата без всяких оправданий Тата — она хитрила со всеми, не приняла никакого решения, ни одного совета (помня, что я требовал, чтоб она сейчас ехала в Париж с конца августа). Так как я разумею под словом наказание — последствия, бедная Тата и наказана через край.

Пенизи — злодей, защищенный своей слепотой, — прямо и просто бил на деньги. Если б можно было обломать ему руки и ноги — это было бы хорошо; но что сказать о его агенте Левье? Это уж не страдательная оторопелость Мейзенб⟨уг⟩ и не непостижимое невнимание Саши. (Подумай, что Саша стал догадываться в октябре м⟨есяце⟩!), — это деятельное вмешательство. Как же отомстить? Всё старым путем дуэли? Много я сделал с Герв⟨егом⟩? На месть надобно силу. Месть без силы дальше дуэли не идет, а без дуэли она смешна, жалка. Кто же возьмет на себя убить *большую* вместе с противником? — Я в этом положении был пять месяцев в 1852 году.

Ну их к чёрту, все эти диссертации. К делу. Сегодня я делаю опыт перевести Тату в небольшой пансион — с Нат⟨али⟩ и *garde-malade* *. Лиза будет пока с Ольгой. Я, разумеется, с Татой. *Если это удастся*, я ее повезу в Милан к Biffi (его не могли мы поймать в Флоренции) — и, вероятно на месяц, в Como. — Под удачей я понимаю, если она не выйдет из себя не экзасперирруется ** против новой квартиры. У Саши вовсе не годится — слишком шумно, ребенок, Терезина¹ (добрая, но ничего не умеющая делать и не способная ходить за больной). Тату надобно отучить от обстановки и людей. Вообще два последних дня она была покойнее, лучше с виду, вставала, ходила, сидела... но связи в мыслях и словах никакой. Только видно, что она сильно всех нас любит. Нат⟨али⟩ ходит за ней превосходно.

Ну и прощай. Так тяжело, скучно, что я, ничего не делая, жду ночи, совсем усталый и злой, чтоб броситься часов на 8 — на 9 в постель.

Обнимаю Тхоржевского за его письмо — истинно дружеское; теперь ехать ему незачем, когда будет нужно, я не забуду его. Да что же его дело? Мне, может, придется у него занять деньги до половины января. Траты колоссальные.

Писал ли ты к Бакун⟨ину⟩ насчет его рукописи, я ему ее постараюсь достать.

Приписка карандашом:

5 часов вечера. Понедельник

Перевезли довольно хорошо. — Via Montebello Pension — «Corona d'Italia». Тата мрачна — утомлена, но тиха.

Прощай.

¹ Терезина — жена А. А. Герцена, итальянка (урожд. Феличе).

* сиделкой (франц.).

** ожесточится (франц. «s'exaspérer»).

⟨Флоренция.⟩ 10 ноября ⟨1869 г.⟩. Середа

Письмо твое получил. Я писал всякий день и через день; стало, если не получил или получил позже — вина почты. (Это должно быть 6-е письмо.) Как же ты ждешь особенных вестей в хронической болезни? Тате лучше, в этом нет сомнения, и если не произойдут извне потрясения — она будет больше и больше просыпаться. Я, как ты видишь и знаешь, буду писать обо всем. Но без особенной нужды буду писать через день.

ФЛОРЕНЦИЯ

Литография

Исторический музей, Москва

Первая ночь на новой квартире была тревожна, но день хорош. Связи гораздо больше. Напр⟨имер⟩, она говорит, что чувствует себя больной, что в голове все так неясно, что она не знает, когда спит, когда не спит, и что наяву — у нее всё сны. Что не может читать, потому что все будто не то напечатано, а об ней. «Я точно Катерина Руп или Девиль»¹ (мы были поражены этим сравнением). Преследований Пенизи она все боится — и я думаю тем хуже боится, что во многом считает себя виноватой (и действительно виновата) ⟨...⟩ Шиф советует после дней болезни ехать в Комо. Я и поеду, если нужно будет; если ж улучшение пойдет так, повезу ее в Специю. Из Флор⟨енции⟩ в Милан часов 15 желез⟨ной⟩ дороги, из Флор⟨енции⟩ в Специю — часа *четыре*. Разница громадная.

Письмо Егора Ив⟨ановича⟩² — жасмин с розой. Вот тебе прочность глупости, и при этом он считает себя серьезным человеком.

Новость твоя о Генри очень хороша. Но как же это он вдруг развился и как это сделал Бакун⟨ин⟩? Я ужасно и искренно буду рад, если это правда. Я видел ясно, что он идет на краю гибели, в ложном положении, в ложном просвещении, без умно ведущей воли, без своей

инициативы, — меня страшило горе, которое он тебе доставит, и признаком многого дурного я ставил женскую нервность, кокетство, усталость... Ты никогда не понимал меня и моего мнения, увлеченный защитительным и оборонительным фамилизмом. Твоему суждению, прости меня, я не верю, однако следи, и из истинного участия прошу тебя написать, что тебя заставило говорить об этом как об обращении Савла³. Последнее событие огняло у меня последние веры в лица. Мог ли я ждать от Таты того рода двуличий и лжи, в которые она запуталась до чего — ты знаешь.

¹ *Девиль* — врач-француз, лечивший в Лондоне Герцена и его семью. В 1861 г. он сошел с ума (см. об этом XI, 147). Кто такая Катерина Руп — не установлено.

² Это письмо брата Герцена неизвестно.

³ Письмо Огарева, на которое отвечает Герцен, не сохранилось. Речь идет об участии Генри Сетерленда в бакунинских организациях (см. письмо Бакунина к Огареву от 23 ноября 1869 г. о работе Генри Сетерленда в бакунинском альянсе. — «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву». Женева, 1896, стр. 245).

39

⟨Флоренция.⟩ 16 ноября ⟨1869 г.⟩. Вторник

Вчера мы возили утром Тату к Шифу, и этот опыт совершенно удался. Карета, воздух, другие комнаты, прежние знакомые лица, конечно, немало агитировали *, но *sonne toute* ** большой успех. Шиф дивится быстроте выздоровления, — от гал⟨ь⟩ванизма он сам отказался, говоря, что он не нужен ⟨...⟩ Мы решили ждать до четверга и ⟨...⟩ ехать в Специю ⟨...⟩ Из Специи я буду телеграфировать.

Как насмех, Мейзенбург опять в своих ревматизмах — ей вообще ехать не хочется из Флоренции. Но я, наконец, действительно взял диктатуру и поставил ал⟨ь⟩тернативу — ехать ей или взять Ольгу и без нее. Она решила ехать через неделю в Геную, там мы ждем ее и Ольгу. Она необходима для помощи, т. е. Мейз⟨енбург⟩, надобно же постоянно, чтоб кто-нибудь был в комнате с Т⟨атой⟩. Я считаю Мейз⟨енбург⟩ степенью больше виновной, чем Саша, во всем несчастии, и сказал ей это. Если она через неделю не поедет, Саша привезет Ольгу.

Позже

Твое письмо¹. Меня всегда немного сердят твои папские притязания на непогрешимые суждения, к которым ты привязываешь скромные фразы, значащие в переводе: «Затем говори, что хочешь, — я плюю на твои мнения». Я дивлюсь даже поверхностности идеализма, строящего вещи *a priori**** и произносящего безапелляционные суждения без всяких документов. Ты думаешь, что мне легко было винить или признать виновной покойную Nat⟨alie⟩ и теперь Тату? Но я не могу же отводить себе глаза, как ты любишь делать, а потому и повторяю, что Тата во всей истории, кюмюлируя**** ошибку за ошибкой, отписывая мне одно, делая другое, не слушаясь моего призыва, просьбы ехать, и продолжая давать надежды — кругом *виновата* (vulgariser *****), как принимается это слово). А чтоб прекратить нелепый спор, я пришлю тебе три тетради и ряд писем. По-моему, мнение Шифа гораздо умнее и дельнее: он ее ошибки относит к началу смущения в мозгу. Я ее вцеловину спас и спасу совсем, если не привзойдет ничего нового. Но никогда не скажу, что Пенизи (пожалуйста, не Пинези) *сделал бы всё то, что сделал*, без кокетливых шалостей Т⟨аты⟩, так, как

* волновали (франц. «agiter»).

** в итоге (франц.).

*** заранее (лат.).

**** накапливая (от франц. «cumuler»).

***** опопляя (франц.).

Герв(ег) никогда не убил бы N(atalie) если бы она не дала повода. Оставим это до документов.

Пиши до перемены на адрес Саши.

Домб(ровский)² был схвачен при мне еще. Я впопыхах забыл написать.

¹ Упоминаемое письмо Огарева до нас не дошло.

² Ярослав Домбровский (1836—1871) — известный польский революционный деятель; был арестован французской полицией в Париже в 1869 г., во время пребывания там Герцена.

40

<Флоренция.> 18 ноября <1869 г.>. Четверг

Выздоровление идет с такой быстротой, что Шифф не надвинется. Я смело говорю, что без меня и ухода Nat(alie) этого не было бы.

Третьего дня Тата в первый раз, говоря с Ольгой, вспомнула о прошлом. До сих пор она не касалась ни одним словом (а ты вообразил, что она себя обвиняет!). В тот же день, вечером, разбирая бумаги, она вдруг рассказала подробности, предшествовавшие полному помешательству. Она до сих пор не убедилась, что Пенниси — просто мерзавец. Теперь ни один посторонний не догадался бы, что она все еще сильно нервно потрясена. Когда на нее находят страхи, она шопотом говорит кому-нибудь из нас: «Нет ли какой опасности?» Я стал над этим просто смеяться, и это удалось — она смеется со мной и говорит, что она сама чувствует, что это вздор, но не может переломить. С Лизой она очень мила, и никакой опасности нет. Вот тебе отчет. Далее припишу, едем ли, как и когда. Саша не едет, потому что его не нужно.

Книга о Грановском сильно вызвала старое время. Этот Станкевич всегда был прост, форменный тон биографа ex-officio* — противен, умеренность и аккуратность пошлы. Но для нас это повод восстановления, как плохая литография с картины. Как раз но шли первые годы нашей юности и его... Общественные вопросы, потребность политической борьбы и des Eingreifens** самому, — у него едва обозначается в Берлине.

А ловко и ты попался, ein sittliche(r) Mensch***¹.

12 часов

Если ничего не помешает, мы едем в половине пятого в Пизу. Моя мысль там почевать, но Тата не хочет (у нее там много знакомых) и думает продолжать до Специи. Туда приезжают в 9. Я увижу на дороге, что лучше, билеты возьму до Пизы. Берем целое купе — телеграфировать буду с места — завтра.

Прощай.

Отошли Тхор(жевскому) сейчас записку.

¹ Речь идет об известной книге Александра Владимировича Станкевича (1821—1912) — «Т. Н. Грановский», СПб., 1869. Станкевич довольно подробно описывает в книге взаимоотношения Грановского с Огаревым, провратно называя последнего «поэтом и другом Герцена», цитирует интимные письма Грановского к Огареву и от себя указывает, что «Грановский разглядел в своем друге ничем не оправдываемую самонадеянность и самолюбие, был недоволен капризами его в личных отношениях, но не перестал, ал глубоко, с болью и печалию любить его» (стр. 223).

В письме к М. К. Рейхель от 22 ноября 1869 г. Герцен дал резко отрицательный отзыв об этой книге (XXI, 528).

В книге А. В. Станкевича приведено немало материалов, говорящих об идейном расхождении между Герценом, Огаревым и Грановским в 1846—1850 гг. Идейный и политический рост Герцена (после ссылки) и Огарева (после возвращения из-за границы), их последовательный революционный демократизм не мог не вступить

* по обязанности (лат.).

** вмешательства (нем.).

*** благонаравный человек (нем.).

в противоречие с идеалистическо-либеральными взглядами большинства членов московского кружка и в первую очередь — со взглядами Т. Н. Грановского. Здесь важно отметить указание Герцена на «разность» их взглядов, их политических установок уже в первые годы существования кружка. Кроме того, Т. Н. Грановский отрицательно относился к личной жизни Огарева, что нашло отражение в некоторых его письмах; на это обстоятельство и намекает Герцен.

41

19 ноября (1869 г.). Spezia. Н<ôte> «Croce di Malta»

Вчера в половину пятого мы выехали из Флоренции. В Пизе я спросил Тату окончательно, ехать ли до Специи или почевать в Пизе? Она решила ехать, и я был сам того мнения, что это лучше. Она немного встревожилась тем, что я пошел брать билеты и вешать багаж. Но на дороге заснула; в половину десятого мы были в отеле — в хороших комнатах — поели и легли (Лиза в большой спальной со мной). Ночь Тата дурно, все же тревога перемещения не могла не отозваться. Теперь она проснулась совсем здоровая и свежая... 8 часов. Перед глазами залив и горы, все залито солнцем. Дня три здесь должны быть целительны.

Наконец-то Флоренция за нами — я и прежде не любил этот город, а теперь ненавижу. Мейз<енбург> обещалась быть с Ольгой через неделю в Генуе. Ей ехать явно не хочется.

Вчера я писал из Флор<енции>. Писем два дня не было. Пиши или к Саше, т. е. на его адрес, или сделай опыт писать в Геную — Genova. Poste restante.

Через час пошлю телеграмму.

Прощай.

Тата хочет сама идти со мной телеграфировать.

Тхор<жевскому> скажи, что я на него тирировал * вексель в 800 фр., который прошу заплатить при предъявлении.

Несмотря на то, что огромная задача разрешена и главное дело сделано, я вижу опять бездну «черных точек». Пока будет опасность — все пойдет хорошо. Минует она — и снова начнутся ссоры и Hader **, а сил их выносить больше нету.

42

<Специя.> 20 нояб<ря> 1869 г.). После завтрака

Твое письмо с «ребусами» получил¹.

Rebus I. «Я прекращаю этот спор, в котором больше самолюбия и позы господина, чем любви». Это ни к чему не привязано, и потому я даже не понял, у кого «поза господина». Видишь, как в наши лета отстаивание своих мнений взойшло в кости.

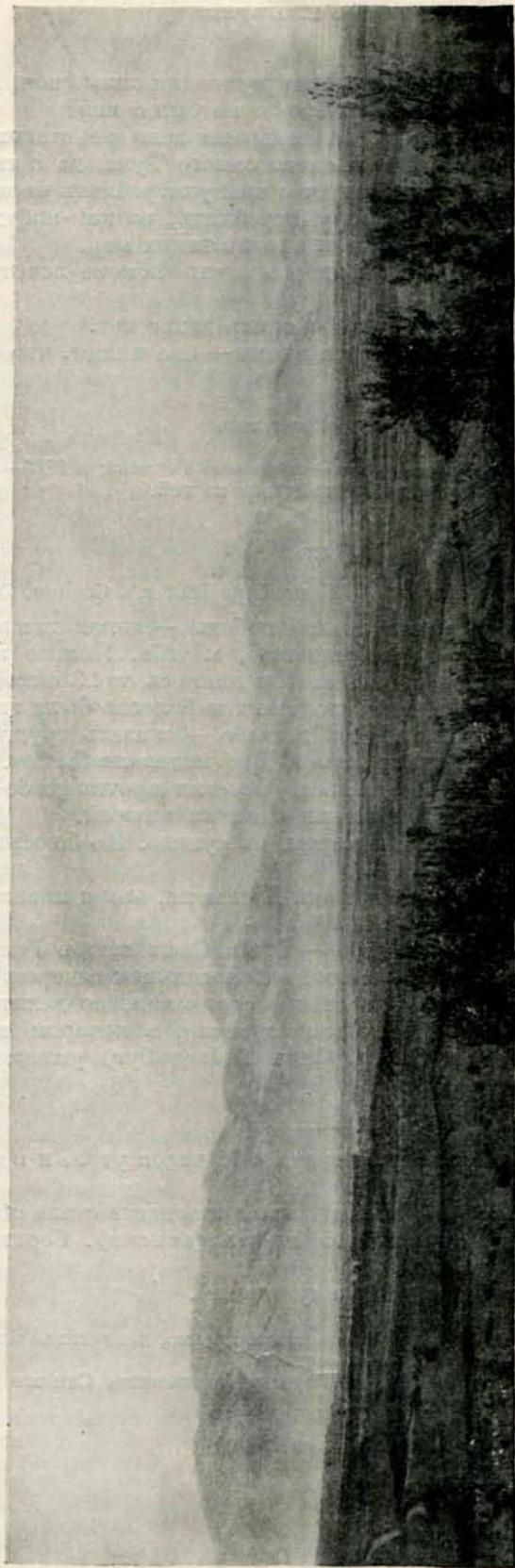
Прибавлю слово о вендете. Ей нет места — или место и время прошло. Левье совсем растерялся, Пен<изи> молчит и, вероятно, ждет ошибки, чтоб перенести все дело в печать. Он живет на содержании двух русских барынь — Бончар и Максимовой<...>, и от одной есть сын. Это великие интриганки и дряни. А так как поведение Таты было из рук вон неосторожно, то я и не знаю, что можно сделать поздней дракой.

Rebus II. Ты мне говоришь: «Ты ревнив». Может... Но неужели ты загадал эту штуку по поводу моего объяснения о Генри? Неужели я уж до таких геркулесовых столбов смешон?²

В разговорах Тата касается всего, — побаиваюсь, — у меня есть письмо к ней Мещер<ского>³ — тоже боюсь отдать. Он же уехал в Россию. Мо-

* перевел (франц. «tirer <une lettre de change>»).

** раздоры (нем.).

ПОНТИЙСКИЕ БОЛОТА

Картина маслом А. А. Иванова, 1840-е гг.

Русский музей, Ленинград

«Печальная Кампанья... сменяется еще более печальными Понтийскими болотами...» («Шисьма из Франции и Италии»)

жет, он-то бы и спас ее. Бедная, зачем расточила силы свои, зачем запуталась... и зачем не бежала ко мне или я не был с ней?

Отдавай Туца — непременно, за деньгами дело не станет, я припоминаю бакун<инское> замечание и слова самого Туца, да и ты говоришь в прошлом письме, что иногда следует с ним употреблять меры строгое... Вероятно, и гувернантка будет их употреблять, но как-нибудь systematisch*. Au reste**, и ты и я мы были против таких мер.

Тхорж<евский> пишет, что ты здоров и что Фоконе лечит Мери.

Я Саше напишу о Туце.

Тх<оржевский> пишет, что у тебя опять денег нет.

От Сат<ина> дочери письмо. Дела плохи — она пишет, что отец совсем опустил.

¹ Упоминаемое письмо Огарева не сохранилось.

² См. письмо № 38.

³ Александр Николаевич *Мецкерский* — знакомый Герцена; в 1868—1869 гг. жил в Италии, был влюблен в Тату и хотел жениться на ней.

43

20 нояб<ря 1869 г.>. Специя. Croce di Malta

Вот, Огарев, тебе документ нашей победы — целая записка, писанная Татой, по собственному побуждению, к тебе. Полное затмение ее ума с<о> всеми признаками сумасшествия длилось от 23 октября до 7—8 ноября — ровно две недели, но последние дни болезнь была тише. Теперь она в полном выздоровлении... Что дальше — сказать трудно. Но одно верно, что без нашего приезда и Саша и Шиф наделали бы бед. Когда я на свой страх (и опираясь на свою власть) восстал против garde-malade***, Шиф был недоволен, а в этом лежал один из ключей.

Дороги я теперь не боюсь ни морем, ни сушей. Но боюсь внутренней тоски и случайностей.

Книгу о Гр<ановском> я поглощаю. Для меня, как я писал, она повод к воспоминаниям.

Письма, вероятно, в Флоренции — пиши Саше или в Геную — posta firma****. Туца и «Голос». Вероятно, в понедельник вечером поедем.

Жизнь в Париже решительно выше состояния, но делать нечего — сколько я ни думаю. Это единственное место, в котором можно дать Schwung***** — и Тате и Ольге. Сама Мейз<енбург> увлечется и отвлечется.

Пока всё.

Телеграмма была послана тебе вчера в 11 часов утра, и в тот же день письмо¹.

Лиза совершенно здорова, с минованием опасности стала опять шалить и начинает объясняться с горничной по-итал<ьянски>. Горничная очень хороша, мы ее взяли у Саши.

Тургенев писал к Саше, и я ему писал².

¹ Вероятно, Герцен имеет в виду предыдущее письмо, помеченное тоже 20 ноября. Телеграмма, о которой идет речь, неизвестна.

² Письмо И. С. Тургенева к А. А. Герцену неизвестно. Сам же Герцен писал к Тургеневу 18 ноября 1869 г. (XXI, 526).

* систематически (нем.).

** Впрочем (франц.).

*** сиделки (франц.).

**** до востребования (итал.).

***** размах (нем.).

25 нояб<ря 1869 г.>. Genova. Albergo Feder

Получил твое письмо. Дело идет хорошо, но есть и решюты*. Проклятая езда с ветурином** (уж ты и это не прими за каверзу, саг'ейший***) до того утомила Тату, что возвратились некоторые признаки. Ей было немного тошно, она тотчас сказала, что отравлена и что Пен<изи> еще прежде дал яду Шифу. Я ужаснулся, но дело сошло с рук. Тем не менее еще многое не в порядке. Серьезный разговор, чтение ее утомляют. Она очень раздражительна — сердится за то, что Nat<alie> спит в ее комнате и спрашивает: «Зачем, чего боятся?»хлопот и уходу будет довольно. Я заметил, что ей вовсе не нужно покоя и одиночества, а скорее внешние развлечения и занятия. Так обед за table d'hôt'ом, — причем надобно одеваться, — идет до того отлично, что она тебе посылает портреты всех сидящих против нас — и необыкновенно сходные¹.

Насчет Ниццы, я полагаю, ты прав², да и Тата ее боится — там есть знакомые, а она думает, что все известно. Можно остановиться в Монако или в Кане. Худшее — это дорога отсюда. В сущности в Италию зимой проезд такой же, как в Воронеж или Вятку. Третий день дождь и вьюга, — море непокойно, а ехать в дилижансе ужасно (22 часа). Вот я и сижу в Н<ôte> Feder и думаю, что делать.

Не могу делить твоей мысли насчет Мейзенбург. Во-первых, она вовсе не имеет Sitz-Fleisch'a****, как ты. Она осенью ездила в Мюнхен на оперу Вагнера. Старость ее не бог знать какая — ей 53<-й> год, а я в 57 не пристал еще к скале, как улитка. Она много виновата в беде и, стало, expiation***** падает и на нее. Из Ольги она сделала полупостороннюю и хотела бы из эгоизма, half and half***** с любовью, ее удержать³.

Я Ольге не приказываю и не наказываю ее, если она не поедет, но, признаюсь, после бывшего мне хочется и ее спасти. После Мейз<енбург> из Флоренции калачом не сманишь. О идеализм!

Не сердись на крутые возражения в прошлых письмах. Грановский, по книге С<танкеви>ча, обвинял тебя, спокойнейшего и тихого по виду, «в заносчивой самонадеянности»; ведь, пожалуй, тут есть и правда⁴. Ну что папского во мне, — меня просто человечески бесит, — возражение с высоты, не без персифляжа*****, но без фактов. Источник я понял очень хорошо, но не могу же я не видеть истины. Мешай все человеческие поступки в безответственной пляске рефлексов мозга, — и тогда не ищи колотить мерзавца П<енизи> или разбирай дело, как бы оно ни было печально. Тата шалила и играла с десятью почитателями, начиная с Фрикена⁵ и Тхорж<евского> до разных других. Пока люди встречались честные — дело сходило с рук, а встретился подлец да еще комедиант, ну оно и не сошло, — она сначала дошутилась до бед и, испуганная, не знала, что делать, и Саша потерял голову. — А что она сделала из десяти писем, званных ее в Париж, указывавших на неминуемую опасность? Что сделала из предостережений Мейзенб<ург>, которая виновата в том, что не писала мне и не сказала Саше. Ее мучит (так, как мучило покойную Nat<alie>), что она была обманута, что человек этот подлец. А ведь чуть ли не он отдалил Мещерского, которого, я уверен, она любит. А тут ко всему угрозы мести... Великодушие и сожаление приняли бы иную форму и не дали бы П<енизи>

* возвраты болезни (франц. «rechutes»).

** извозчиком (итал. «veturino»).

*** дражайший (образовано от итал. «sago» с присоединением русского окончания превосходной степени).

**** усидчивости (нем.).

***** искупление (франц.).

***** пополам (англ.).

***** выпучивания (франц. «persiflage»).

прав на нее. Теперь она вспоминает все подробности и говорит, даже говорит о времени своего полного безумия. Многое ей больно — она сильно пострадала за неосторожность, но лицепрятно стереть последнего не могу. И мне не легче от этого, но что ж делать!

Прощай.

¹ Приложенные к письму рисунки Н. А. Герцен не сохранились.

² В письме от 23 ноября 1869 г. Огарев писал: «Еще раз повторяю, что лучше быть в Париже, чем долго оставаться в Ницце. Ницца не может не произвести худого впечатления на Тату» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 570).

³ М. Мейзенбург последовательно и настойчиво отдаляла Ольгу Герцен от семьи, воспитывая ее, несмотря на постоянные протесты Герцена, как иностранку, чуждую России. Герцен воспринимал это чрезвычайно болезненно.

⁴ Герцен, повидимому, имеет в виду расхождение, происшедшее между Грановским и Огаревым в 1846—1850 гг., когда Грановский в своих письмах резко отзывался о личной жизни Огарева и осуждал его брак с Н. А. Тучковой. А. В. Станкевич в своей книге цитирует некоторые из этих писем. См. примеч. 1 к письму № 40.

⁵ Алексей Федорович Фрикен — искусствовед, живший в шестидесятых годах в Италии; был близок со многими русскими эмигрантами и неоднократно встречался с Герценом.

45

29 ноября <1869 г.>. Генуя. N<ôte>1 Feder

К прекращению всех сношений со стороны обрывов и лавин прибавил ты, без указаний с моей стороны, решение не писать в Геную. Саго mio, когда же ты поверишь, что адреса только должно менять, когда я напишу. Теперь поправлять поздно.

Выздоровление Таты продолжается. Она очень несчастна тем, что все помнит. Мне сдается, что Шиф совершенно прав, говоря, что с начала осени у ней голова была не в порядке.

Мейзенбург и Ольга прибыли благовожденно. У Мейз<енбург> не с N<atalie> guignon'ы*, а со мной. У нее страшное самолюбие, и она хочет себя обмыть в глупой роли, которую играла. Видя мое сомнение, она сердится. Ольгу надобно было спасти, она держала ее, как в больнице, она прививала к ней старость и ничего не сделала для ее истинного развития — она худа и слаба. Мое дело поправлять, но, конечно, не тем, чтоб по твоему совету жить в Париже на два дома, что дорого, вредно и, действительно, неприлично.

Вчера на Аквасоле встретил Поджио¹ — вот тебе и неподвижность старости. Он переезжал теперь Mont Cenis и говорит, что это ужас что было, нанял домик в Нерве (возле Генуи — превосходное место). Я его встретил с Татой и Ольгой.

Бедный дурак Левье, который до того огорчился, что я не хотел его видеть, что бросил практику, стал теперь во главе изведения Пен<изи> из Флоренции, и, действительно, не кулачная, а иная месьть совершается над негодеем. Вся Флоренция опрокинулась на него. Артистическое общество, к которому он принадлежит, потребовало от него оправдания или выхода. Пен<изи> пустил слух, что Саша подкупил Левье, и Левье является обвинителем перед кругом.

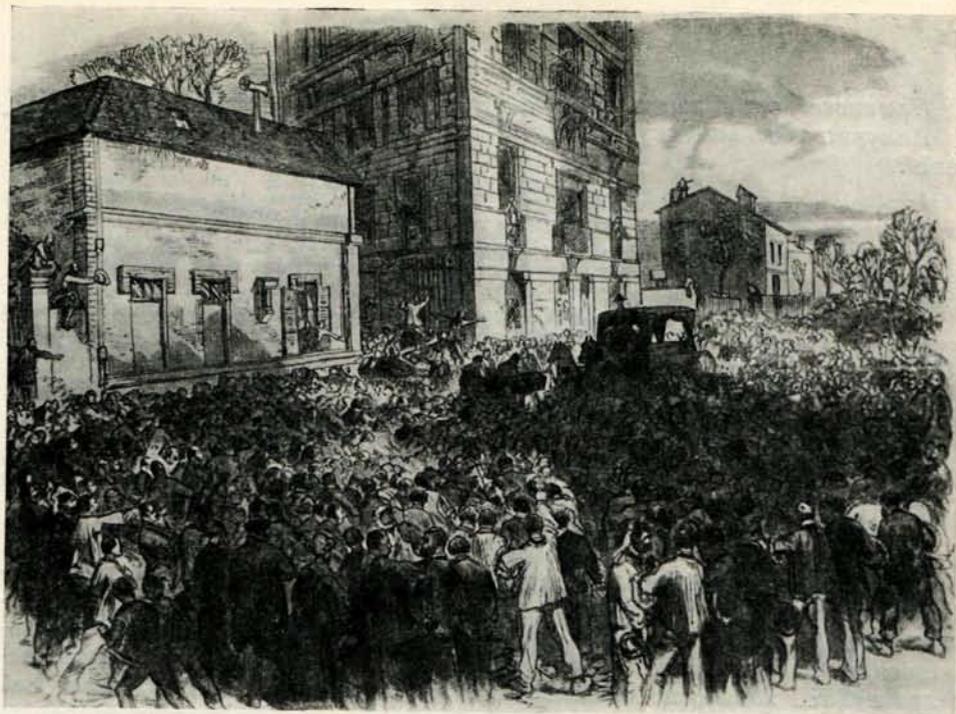
Не могу решить, как ехать. Дилижанс ужасен, море кажется тише. Во всяком случае, пиши: France. Nice (Alp<es> Marit<imes>), poste rest<ante>. Знаешь ли ты, что поездка отсюда до Парижа с 6 чел. и горничной — одними местами стоит до 1000 фр.?

Засим кланяюсь.

Получил превосход<ное> письмо от Тургенева².

Отосли Чернец<кому> записку. Я ее написал, повинуюсь вашему совету.

* неудачи (франц.).

**ПОХОРОНЫ, 12 ЯНВАРЯ 1870 г., ФРАНЦУЗСКОГО ЖУРНАЛИСТА ВИКТОРА НУАРА,
УБИТОГО ПРИНЦЕМ ПЬЕРОМ БОНАПАРТОМ**

Похороны сопровождались массовой антиправительственной демонстрацией, рассеянной войсками.
Похоронная процессия в Нейльи (близ Парижа) у дома, в котором жил убитый (верхний рисунок)
У здания Законодательного корпуса в Париже (нижний рисунок)

«The Illustrated London News» от 22 января 1870 г.

Герцен был очевидцем демонстрации. Незадолго до смерти, в последнем письме к Огареву от 14 января 1870 г., он писал: «Что будет — не знаю... Но что история совершает свой акт здесь — это ясно до очевидности... Я сильно убеждаю тебя прочесть все подробности 12 января...»

Приписка карандашом:

Получил твою записку — неужели ты не знало о прерыве дороги в Mont Cenis?

¹ Александр Викторович *Поджо* (1799—1873) — декабрист, возвратившийся из Сибири в 1859 г.; в 1864 г. он уехал за границу. О его первой встрече с Герценом в Женеве см. в письме Герцена от 1 января 1865 г. (XVIII, 4). Публикуемым письмом устанавливается, что Герцен встретился с Поджо еще раз — в ноябре 1869 г., в Генуе.

² Герцен имеет в виду письмо И. С. Тургенева от 25 ноября 1869 г. с выражением сочувствия Герцену по поводу болезни Таты («Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену». Женева, 1892). Ответ Герцена — от 3 декабря 1869 г. (XXI, 532).

46

2 декабря <1869 г.>. Ницца. N(ôte)l d'Europe et d'Amérique

Тата отдохнула — сильная усталость ей вредна, но уставать она должна, и вообще ее надобно занимать, иначе она впадает в мрачное расположение, идущее иногда до сбивчивых понятий и слов. Я собираюсь писать подробную записку для Боткина. Дело *поконченным* считать нельзя — в будущее я и не смотрю. Твою записку от 29 я на почте взял. Чему же ты удивишься, что тон писем моих печален?¹ Но каким же ему быть? Самое исцеление Таты меня больше облегчает, чем радует, — впереди завеса. Всё черно, и я не могу ни обманывать себя, ни понять, после тысячи споров до слез, — в чем ты со мной несогласен... Мы сложились разрушителями, наше дело было полоть и ломать, для этого отрицать и иронизировать, — ну и теперь, после пятнадцати, двадцати ударов, мы видим, что мы ничего *не создали*, ничего не воспитали. Последствие — или, по просторечью, — наказание — в окружающих, в отношениях к семье, пуще всего к детям². Разница между нами в разных призмах — то, что ты любишь, то у тебя раскрашено в розовый цвет, а когда он мутен, — ты, — по выражению Тхорж(евского), за которое ты сердился, не поняв его — «ты занимаешься музыкой и математикой». Я смотрю неуменно верно и вижу страшно верно. Вопреки опытам, я имел в Тату последнюю *веру*, основанную на симпатии, на сходстве ее с покойницей (психически); веру имел, а вести не умел по внутреннему безобразию прошлых годов. Ну и эта вера обломилась. Я ее люблю больше, может, прежнего, но веры нет. Мне иной раз кажется, что она, невольно, дала уже один удар — à la 1852 и что он не последний. И тут у меня недостает «музыки и математики». Общие интересы спасли бы, но при деятельности, а что нам надобно (<?>) делать, дела не выдумаешь серьезно. По крайней мере я не могу. Ну что сделал ты и Бак(унин) всеми печатными чудесами, которые не могли удаться? И что вышло из всего extra-исторического шатанья языков?³

Далее о частном. Ни Мейз(енбург) не позволит мне иметь влияния (т. е. не некоторого, а общего и полного) на Ольгу, ни N(atalie) на Лизу. Stumpfness (<?>) * Мейз(енбург), ее нетерпимость с мягкими словами похожа на сумасшествие. Из Лизы можно бы знаешь что сделать, а она идет в старой колее. И так в детях главная казнь, и казнь, равно падающая на них, как на меня. У меня внутри мороз, когда я думаю об этом. Да где же сила? Поздно действовать силой и авторитетом, после того как мы их подпилили. На слово «я так хочу» Мейзенб(ург) ответит увозом Ольги — в Мюнхен, не знаю куда, и Ольга *пойдет*. Держать ее по праву — я не могу, я не верю этому праву. Nat(alie), несмотря на то, что она во многом стала гуманнее, на мое слово «я так хочу» скажет: «А я хочу в Старое Акшено». И вот я остаюсь раздраженным свидетелем, который видит перманентную трой-

* тупость (нем.).—Слово читается предположительно.

ную ошибку — тройную болезнь и никакого лекарства, а, напротив, искажение всякого лечения.

С Татой, может, я и слажу прежде всего, но и то не надеюсь. Увидим, что делает Париж, я уже не хочу останавливать и на деньгах, буду тратить *больше дохода* — попробую другой.

Я вчера писал Тхоржевскому о высылке немедленно 2000 фр. — сюда, на адрес Hôtel d'Europe et d'Amérique, как только их получу — поеду. Если 4-го, то вечером 5 или 6 утром в Марселе, ночью, на другой день — в Лион. А пророс, скажи Тхоржевскому, что если он хочет приехать на сутки в Лион, я могу ему телеграфировать, дня два там мы останемся. Тебе никак не советую делать подобных опытов, — пока нет крайности. Да и Тхор(жевскому) объясни, что это не muss, a will *. Туда он может привезти остальные *две тысячи* моего великого займа.

Прощай.

¹ Эта записка Огарева неизвестна.

² В XXI томе Собр. соч., под ред. М. К. Лемке, стр. 531—532, напечатана запись «Из дневника» Герцена, почти текстуально повторяющая ту часть публикуемого письма, в которой идет речь о болезни Таты и об отношении Герцена ко всему случившемуся. Предположить, что эта запись — черновик письма к Огареву, — нельзя; элемент обращения, присущий письму, в ней совершенно отсутствует.

³ *Печатные чудеса* — серия прокламаций, листовок, брошюр и т. п., выпущенных Бакуниным и Нечаевым, при участии Огарева, во время организованной ими т. н. агитационной кампании 1869 г. *Extra-историческое шатание языков* — международные конгрессы конца 1860-х гг. — I Интернационала и буржуазно-демократической «Лиги мира и свободы».

47

<Ницца.> 6 декабря, т. е. 24 ноября <1869 г.>, т. е.

день вашего рождения — вот вам и 56¹. Желаю только нерушимого пищеварения, с ним сварится все, как у меня, — с сахаром и без сахара.

Небольшое нездоровье Таты и из рук вон дождливая погода нас задержали в Ницце; однако послезавтра, 8<-го>, едем в Марсель, там переночуем и в Лион. Это дорога простая и легкая. Что Тхор(жевский) и ты пишете о беспокойстве, о том, что не было писем? Я писал 29 нояб(ря), 1 дек(абря), 2 дек(абря)² — или это всё Mont Cenis? — зачем же не читаете газет?

А пророс к газетам — я перечитал ворох «Голоса» и вспомнил, что новый год близко. Полагаю, что «Голос» и ревью выгоднее выписывать в Париж (дешевле, как можете видеть на обертке). «От(ечественные) зап(иски)» и «Вест(ник)Евр(опы)» необходимы, но нужны ли «Москов(ские) ведом(ости)»? Что касается до «Колок(ола)» — покоряюсь вашим велениям; думаю, что до 1 марта ничего не сделаем и ставлю сильный скептический знак — можно ли что сделать потóм³.

Ну, часть «компании» я сделал и вынес ломанье кости, в полный успех верить рано, — раздражение нерв Т(аты) очень сильно. Не знаю, что будет по первому толчку посильнее.

Настоящей гармонии нет; по мере того как опасность понижалась... все стали смотреть врозь. Но все же я считаю, что я должен был взять Ольгу. Вред ей уже нанесен сильный.

С ужасом еду начинать парижскую страницу. Стоить эта попытка будет ужасно дорого — а веры нет.

Диабетизм снова напоминает чирьями. Я нашел здесь аптекаря (49 лет) совершенно в той же болезни: он мне дал кой-какие полезные советы.

Пиши: Lyon — poste rest(ante).

Прощай.

* не требование, а пожелание (нем.).

О Туце писал Тхор<жевскому>⁴, отдавай-ка его совсем, если хорошо. Когда будем вдвоем, можно начать речь и о переезде. Но отчего не в Париж? — и какая же польза переезжать в другой город?

¹ Н. П. Огарев родился 24 ноября (ст. ст.) 1813 г.

² Письма Герцена от 29 ноября и 2 декабря 1869 г. см. в наст. публикации. Письмо от 1 декабря неизвестно.

³ Н. П. Огарев, повидимому, продолжал настаивать на [возобновлении «Колокола»] (см. XXI, 313, 402).

⁴ Это письмо к Тхоржевскому неизвестно.

7 декаб<ря 1869 г.> Ницца

Что тебе писал Саша — не знаю, но догадываюсь. Тата поступила дурно, неоткровенно, хитрила и нанесла себе два удара, от которых вполне ли спасется — не знаю. Один — болезнь, другой — удаление Мещ<ерского>. Она несчастна, и мне ее бесконечно жаль. Конечно, нет в мире места, которое больше может доставить интересов, как Париж, но для этого надобно собственное желание. Увидим на месте.

Ты негодуешь часто на меня за возражения, и ты прав, но зачем же ты обвинуясь винишь меня во всяком вздоре? Ех<empli> gr<atia>* ты пишешь: «Мне не верится, чтоб вы достигли до наказания судом». Да когда же я писал это? Я совершенно был и есть против этого. Я, рассмотрев дело, сказал, по глубокому убеждению, что его надобно оставить. Судом можно только дойти до скандала. Я вовсе не доволен действиями Саши и Левье, который, чувствуя себя виноватым и одураченным, шумит.

За что гнев на Париж — я не знаю¹, особенно при твоём селюлярном ** порядке жизни. Но об этом толковать еще рано.

Ты, как Елена Сат<ина>, без детей не хочешь переезжать, а я убежден, что и Туца следует отдать, и малого в 18 лет не держать, как дитя, в доме. Ты смеливаешь акт постановления на ноги — с изгнанием. И Сат<и>на — тоже. Она поехала теперь со старшим сыном одна в Москву. Всё шалости, и некогда мы над ними смеялись. Втянутый в теперичный омут — я, если б мог, устроил бы всех и ушел бы на край света. Многого не сделаю, я это чувствую, но от настоящего крушения спасу, и спасу я один. Тут выбора нет.

Сегодня была ночью гроза. Погода тяжкая, удушливая при свежести, тучи нависли... За месяц покоя я отдал бы год жизни.

Благо ты видишь Жуковского, спроси его, скоро ли напечатается моя статья о «СПб. ведомостях» и не может ли он доставить тебе ее набор, подправленный мною?² Эх, как Вевейский префект пришиб их «Народное дело», полгода не могут оправиться³.

Мы, вероятно, поедем 9-го.

!! Воображаете! — в том же отеле с нами живет Шедо-Ферроти⁴.

¹ Письма Огарева, на которые ссылается Герцен, не сохранились, поэтому неизвестно, какие именно возражения выдвигал Огарев против переезда в Париж.

² Статья Герцена о «Санкт-Петербургских ведомостях» не была помещена в «Народном деле»; текст ее нам неизвестен. В письме к Огареву от 4 января 1870 г. Герцен спрашивал: «...когда же он (Н. И. Жуковский. — Ю. К.) даст ответ о моей набранной статье?» (XXI, 547).

³ Вевейский префект — пролическое наименование Бакунина, проживавшего в это время в Веве. Герцен имеет в виду выход Бакунина из состава редакции и сотрудников «Народного дела».

⁴ Шедо-Ферроти — псевдоним барона Ф. И. Фиркса (см. о нем выше в наст. томе).

* например (лат.).

** келейном (франц. «cellulaire»).

12 Янв. - Серед.

Мне невольно напомнил мой
посланный - а мне доверил
узнать Игнатьевы. Александр и
твоя сторона. Теперь пункт.
1^й - Почему выданы 2 лог, и лог
между его отцов похуже оправдать
быть - но уверенность его и быть
старше сего похуже вроду
и неважностью. Велю быть
руководит - а также, ввиду
и ввиду ввиду ввиду и ввиду
и ввиду. 2^й - На каковы
мы делаем отнюдь от ка
ввиду ввиду - не знаю. Мое
мне каковы ввиду - мне каковы
это же за лог и, каковы
- а почему а буду отнюдь от ка
прима и ввиду. И ввиду
и ввиду и ввиду и ввиду.

Надпись это так же пропуск
быть и каковы Н. ввиду ввиду
- ввиду ввиду ввиду. Ввиду
за ввиду. - ввиду ввиду ввиду
- ввиду ввиду ввиду. - но каковы
сам.

"Тогда" ввиду. И ввиду ввиду
еще не ввиду.

Горюх

49

9 декаб<ря 1869 г.> Marseille. Н<ôte>| Noivilles

Вчера вечером приехали сюда и, вероятно, завтра, 10-го, будем в Лионе, стало, Тхоржевский, если особенно желает, может приехать 11-го. Поезд 1-й в 6 часов 40 утра, приезд в 12—45. 12-го, вероятно, мы поедem в Париж¹. Мы остановимся в большом отеле против амбаркадера — имени не знаю, но он один. Впрочем, я оставлю на всякий случай адрес в poste restante и даже в Hôtel d'Europe.

Тате хуже — после письма от Гуго Шифа², полученного вчера, — что это за милые скоты, даже лучшие из этих флорентийцев.

Какое тут лечение, когда одни будут пить, а другие пороть?

Всё около безумно хаотично, и всё так и пойдет.

Прощай.

¹ Герцен приехал в Париж только 19 декабря 1869 г.

² Это письмо Гуго Шифа к Н. А. Герцен не сохранилось.

50

11 <декабря 1869 г.> Лион, Hôtel d'Europe

Вот и мы приехали, и Тхорж<евский> явился ко мне в десять часов вечера. Небольшая туча от Шифова письма прошла — только всю дорогу от Ниццы до Марселя Тата проплакала. Разумеется, она еще не пришла в нормальное состояние, но я вовсе не считаю на лечение и на докторов. Все зависит от устройства жизни, от ухода, надзора, рассеянья и занятий, все зависит от гармонии и света внутри. Наружное я все сделаю и устрою, но *остальное* не в моей власти. Что было сообразно характеру Nat<alie> она сделала — дальше она не сделает многого (не надобно забывать, что *без* приезда Nat<alie> наши флорентийские мудрецы унекли бы ее в maison de santé) *.

Влияние Мейз<енбург> (которая здорова и весела) равняется нулю — она озабочена одним, чтоб Ольга никого не любила, «разве ее», и чтоб в Париже найти учителя пения, который бы брал по золотому за час. В то время как Ольге доктора нужнее Таты, — она слаба, худа...

Какое же занятие? Какое светлое направление?.. Я, Огарев, действительно, дивлюсь тебе, что ты не хочешь оправдать и темноту и озлобление моих писем. В каких же случаях человек бывает зол? — Я зол за прошедшее, на Сашу и всех, на самую Тату, — зол за пошлости, мешающие устроить что-нибудь. Из того, что я хочу, ничего не удастся, и всё tronqué **. Даже твой мозг, так ясно понимавший меня целых сорок лет, не пробьешь теперь ничем, и ты, как маньяк, повторяешь на мое предложение — подумать о судьбе Туца и Г<енри> — всякий раз какой-то дичью: «Я их не брошу» — и какими-то физиологическими каламбурами <...> Если б и правда была в том, что я держал при себе Сашу, то ты, всю жизнь толковавший о школе и пр., не приобрел еще никакого права противоречить себе, оттого что я делал скверно. Но, по счастью, это неправда. Саша 17 лет был в Берне — совершенно на своих ногах и стал, наконец, на них — и идет совершенно своей дорогой. Взгляни же на будущность, которую ты готовишь Г<енри>, и скажи мне, что же ты делаешь над его головой? Тх<оржевский> говорил, что он Сорде оставил.

Да и что же ты делаешь с Туцом? Саша получит maximum, после моей смерти, 12 с пол<овиной> — 13 т<ысяч> дохода. У него по train *** каким идет дело, будут 8... 10... детей. Им одна дорога труда. Скрыть от них надобно наше тунеядство, а не *взживать их* в него.

Сатинское разорение <не> грозит тебе — пока я жив, — да и после меня, я говорил уже об этом, — ты нужды не будешь иметь. Но для этого

* лечебницу для умалишенных (франц.).

** искалечено (франц.).

*** ходу (франц.).

необходимо же ограничение, — нельзя же делаться *remplaçant** отцов, не зная, куда этот патернитет** приведет, но можно спасти влиянием молодого человека *неработающего* и дать правильный ход в работнике ребенку, за которого собственный отец платить готов.

На это ты мне ответишь: «А я их за дверь не выброшу», — я готов думать, что тебе эти ответы диктуют¹.

Вот отчего до приведения всех этих дел в смысл нечего и думать о переезде². С чего ты взял, что я боюсь — теперь-то — жить в одном городе, — от внешних причин? Во-первых, я ненавижу Женеву, и там с Т(атой) жить нельзя, и Ольгу я не повезу на эту скуку. А во-вторых, жить слишком разрозненно в одном городе — больно, и элементов дико неспетых диссонансов, не подходящих стремлений столько, что здоровые сойдут с ума, а не то что больные вылечатся. Одна громадность Парижа может смягчить все это. Но Париж дорог (переезд я устрою и квартиру, если до того дойдет), но по совести, не могу ничего сделать, как для тебя и М(ери), — иначе выйдет бестолочь и лучше оставаться в Женеве.

Тата сегодня ужасно нервна и не может еще решиться выйти к Тхорж(евскому)...

Вероятно, до вторника не уедем.

Вот, старче, до чего мы упили или впили нашу жизнь.

Тхорж(евский) будет писать.

Я телегр(афировал) Тхорж(евскому) вчера³.

¹ Герцен неоднократно упрекал Огарева в неправильном воспитании Генри и Туца. 13 декабря 1869 г. он писал, что хочет их «спасти от страшной беды — полубарского воспитания, идущего навстречу нищете...» (XXI, 534).

² Речь идет о задуманном переезде семьи Герцена в Париж.

³ Эта телеграмма Герцена неизвестна.

⟨Париж.⟩ 27 декабря ⟨1869 г.⟩ 8 Rue Rovigo

Писать нечего, все идет тихо, Татой доволен, всеми остальными доволен. Теперь уже жалею, что выписал Ольгу и Мал(ь)виду. Ну, милая идеалистка, она отомстила мне за выход из дома в 1856 году¹. Ольга (ей стукнуло 18*** лет) не имеет ничего общего с нами, в ней сложились немецко-artistisch****, аристократический взгляд, без каких бы то ни было égards***** и пощад. Ех⟨empli⟩gr⟨atia⟩***** — она с Мал(ь)в(идой) собирается брать уроки у Вартеля², который учил Левиц(кую)³, и это ведь будет стоить 4000 фр., а контракта с ним они и не думают делать. (Левиц(кая) ему платит 20 т(ысяч) — за полную, доказанную и подтвержденную, способность вступить в Бол(ьшую) оперу)*****. На малейшее возражение с моей стороны — мне показывают зубы. N(atalie), разумеется, при всем этом поступает бестактно и валит всё на меня. Одно держит в узде — бояться раздражать Тату. Тата безмерно выше всех этих проделок, самолюбий, ревностей, лишь бы ее спасти! Но год будет тяжелый; я предложу вскоре две квартиры, — а и это не удастся — возвращение во Флоренцию. Тихо и кротко опуская пухлые глаза, Мейз(енбург) мягко ненавидит все наши самые дорогие воззрения и спасает от них Ольгу в старую колею, а сама без ума была от «Vom andern Ufer» *****.

* заместителем (франц.).

** отцовство (франц. «paternité»).

*** Вероятно описка, вместо: 19.

**** артистический (нем.).

***** уступок (франц.).

***** например (лат.).

***** А пророс, Тата переврала: Левиц(кую) ангажир(ую) на 3 месяца в Sov⟨ent⟩ Garden за 20 000 фр. — Примеч. Герцена.

***** «С того берега» (нем.).

Душевно рад, что у тебя завелись опять фортепьяны, я с ужасом услышал, любезный Вишну, что у тебя их не было.

Видел русских, т. е. Выр(убова), Боби⁴, Рагоз(ина)⁵. Поеду к Ханькову⁶. О Чернец(кого) деле никто не знает. От Астр(аковой)⁷ письмо — бедствует. Милютину⁸, он здесь, настолько лучше, что он свободно говорит, и говорит обо всем. Засим прощай.

Вероятно, завтра покончу с хозяином Rue Rivoli, 172. Пиши.

Герцен

В праздники в Женеве стоит посылать на почту за письмами.

¹ В 1856 г. М. Мейзенбург, не поладив с Н. А. Тучковой-Огаревой, оставила дом Герцена.

² Пьер-Франсуа *Вартель* — певец, профессор Парижской консерватории.

³ Полина Сергеевна *Левицкая* — родственница Герцена, певица.

⁴ *Боби* — П. Д. Боборыкин. О встречах с Герценом см. в его воспоминаниях «За полвека» (М., 1927) и статью в «Русской мысли», 1907, № 11.

⁵ Виктор Иванович *Рагозин* (1833—1901) — участник революционного движения шестидесятых годов.

⁶ Николай Владимирович *Ханьков* (1822—1878) — известный ориенталист. В 1860—1869 гг. жил в Париже, вращался в эмигрантских кругах.

⁷ Письмо Т. А. Астраковой неизвестно.

⁸ Николай Алексеевич *Милютин*.

52

⟨Париж.⟩ 12 янв⟨аря 1870 г.⟩ Середа

Тебе некогда написать толком записку, а мне досуг писать целые эпистолы. Авантаж с твоей стороны. Теперь пункты:

1-ое. Юношу¹ видеть я могу и мужеству его отдаю полную справедливость, но деятельность его и двух старцев считаю положительно вредной и несвоевременной. Всякий день вижу русских — слушаю, вслушиваюсь — и убеждаюсь больше и больше в том.

2-ое. На каком основании ты думаешь отклонять от назначения фонд — не знаю? Твое «приготовь сколько хочешь» меня сконфузило; что же за мера в «сколько хочешь», а потому я буду ждать от тебя приказа в цифрах. И выполню его для того, что ты того желаешь².

Надеюсь, что ты не пропустишь больше ни одного № здешних газет, — события несутся вихрем. Следи за ними. Сегодня хоронят Ле Нуара — мастерские заперты³... но читай сам.

«Голос» оборвал И. Тургенева⁴. Он еще не приехал.

Прощай.

На обороте: Николаю Платоновичу.

¹ *Юноша* — Сергей Геннадиевич Нечаев (1847—1882). Встретившись впервые с Нечаевым в мае 1869 г., Герцен отнесся к нему очень настороженно и всячески предостерегал Огарева, а также Бакунина — «двух старцев» — от союза с ним. В конце 1869 г. произошел разгром нечаевской организации в России, и Нечаев снова появился за границей. Отношение Герцена к нему было резко отрицательным.

² Речь идет, повидимому, о каком-то использовании так называемого «бахметевского фонда». Герцен в 1869 г. передал в распоряжение Огарева половину «бахметевского фонда».

³ Герцен переехал в Париж в момент нарастания революционного подъема. «Тогдашний Париж, — вспоминал П. Д. Боборыкин, — уже сбрасывал с себя иго Бонапартова режима, оппозиция в палате поднимала голову, происходили и уличные демонстрации (...). Все это волновало Герцена, точно молодого политического бойца. Он ходил всюду, где проявлялось брожение» (XXI, 542). «Здесь хаос, и мы бродим на вулкане», — писал Герцен Огареву (XXI, 505).

⁴ В № 354 «Голоса» от 23 декабря 1869 г. (4 января 1870 г.) помещена большая статья, в которой анонимный автор обвинял И. С. Тургенева в отрыве от России и в потере связи с русским обществом. Особенно резко нападал он на воспоминания И. С. Тургенева о Белинском, где якобы давалось «лживое» освещение роли издателя «Отечественных записок». Эта статья была инспирирована А. А. Краевским.